И 140/756
Петр Великий

Петръ Великій.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

И 140/756 Д 92 [13.141]

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

И. М. Иванова.

Съ портретомъ Петра Великаго, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

Государственная публичная БИБЛІОТЕКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

Большая Подъяческая, 39.

1898.

2007051307

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Декабря 1897 г.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
30468-44

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Введеніе	5
II. Рожденіе.—Дѣтство и юность	16
III. Начало единодержавія	26
IV. Сѣверная война	39
V. Государственныя реформы	51
VI. Общественныя преобразованія	60
VII. Сотрудники	66
VIII. Семья и послѣдніе годы	72
IX. Личность	79
X. Взглядъ на реформу	89

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБІЯ.

I. Письма и бумаги Петра Великаго. Т. I—III. Спб. 1887—93 г.

II. Архивъ кн. О. А. Куракина. Саратовъ.

III. Бестужевъ-Рюминъ, К. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1872 г. 6.

IV. Брикнеръ, А. «Исторія Петра Великаго».

V. Военный Сборникъ. «Петръ В. и его армія». 1872 г. 6.

VI. Герье. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1870 г. 1—4.

VII. Гротъ, Я. «Записки Имп. Академіи Наукъ». Т. 21, кн. 1.

VIII. Дьяконовъ. «Власть московскихъ царей».

IX. Кавелинъ. Сочиненія. Т. I.

X. Костомаровъ. «Русская исторія въ жизнеопис. ея гл. дѣятелей». Выпускъ VI.

XI. Лееръ. «Петръ В., какъ полководецъ». В. Сб. 1865 г. 3—4.

XII. Милюковъ, П. «Гос. хозяйство Россіи въ перв. четв. XVIII ст. и реформа Петра В.».

XIII. Михайловскій, Н. «Слѣды Петра Великаго». Сочиненія, т. I, изд. 1896 г.

XIV. «Отзывъ Петра Великаго объ вашихъ отношеніяхъ къ Европѣ». «Русскій Архивъ». 1874 г. 6.

XV. Павловъ-Сильванскій. «Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В.» 1897.

XVI. Погодинъ. «Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора П. В.».

XVII. Соловьевъ, С. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». XII—XVIII тт.

XVIII. Устряловъ. «Исторія царствованія Петра Великаго». 6 т.

XIX. Шмурло. «Петръ В. въ русской литературѣ». «Ж. М. Н. Пр.» 1889 г. 7—9.

XX. Шубинскій, С., и Петровъ, П. «Альбомъ 200 лѣтн. юбилея Петра Великаго».

Авторы: Аксаковъ, Бѣлинскій, Голиковъ, Градовскій, Добролюбовъ, Забѣлинъ, Кирѣевскій, Латкинъ, Пыпинъ, Трачевскій и др.

И. М. Ивановъ.

I.

Введеніе.

У Отца отечества были, конечно, родители и предки,—тѣ именно самые, на которыхъ указываетъ «родословіе царскія фамиліи». Но со стороны наслѣдственности, физическая и психическая организація Петра до сихъ поръ не изслѣдована научно Родъ Захарьиныхъ-Романовыхъ далъ много воеводъ и сановниковъ. Но они выдвинулись главнымъ образомъ преданностью московскимъ царямъ и ревностнымъ служеніемъ православной церкви. Энергичный и устойчивый характеръ Филарета во многомъ уступаетъ несокрушимой волѣ и широкому размаху могучихъ страстей Преобразователя. Отъ кого наслѣдовалъ Петръ талантъ полководца, дальновидность политика, правдивость и геній великаго историческаго дѣятеля,— біографы не даютъ отвѣта. Но несомнѣнно, что сила и направленіе его стремительной воли, не знавшей препятствій, могли выработаться только въ условіяхъ московскаго самодержавія. Для Петра «я хочу» сливалось съ формулой «быть по сему», образовавшейся исторически. Исходнымъ пунктомъ власти московскихъ царей послужила защита русской народности и охрана православія. Съ поворотомъ народной жизни отъ востока къ западу самодержавіе принимаетъ формы европейской государственности.

«Тишайшій» царь Алексѣй высказывалъ самое возвышенное представленіе о своихъ самодержавныхъ правахъ: «Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править и разсуждать люди свои на востокѣ и на западѣ, и на югѣ, и на сѣверѣ вправду». Но между желаніемъ и исполненіемъ лежала цѣлая пропасть; дѣйствительность не мирилась съ субъективнымъ настроеніемъ царя: «добрый Алексѣй—пишетъ Мейербергъ—находится совершенно въ осадѣ у своихъ вельможъ и любимцевъ, такъ что никому нѣтъ къ нему доступа. А эти любимцы скрываютъ отъ него вопли угнетенныхъ ими, и нужды царства, и пораженіе войскъ русскихъ; если же не скрываютъ, то

представляютъ все въ такомъ видѣ, какъ это нужно для ихъ цѣлей». Царь терялъ связь съ народомъ, съ русской землею. Былъ моментъ, когда московское самодержавіе перерождалось въ восточную деспотію. Но обожествленія человѣческой личности, на какой бы высотѣ она ни стояла, не допускало натуральное міросозерцаніе славянъ и сущность христіанскаго вѣроученія. Мистификація была невозможна также вслѣдствіе международнаго положенія государства. Москва слишкомъ близко придвинулась къ западно-европейскимъ культурамъ.

Право, какъ извѣстно, не существуетъ искони, а образуется во времени, не субъективнымъ произволомъ людей, а объективнымъ процессомъ жизни народовъ. Отъ первоначальныхъ условій зависитъ судьба каждаго историческаго движенія. Остановимся поэтому на главныхъ моментахъ эволюціи московскаго самодержавія, которое впослѣдствіи преобразуется въ высшія формы государственности.

Татарское иго перенесло центръ политической жизни Руси съ запада къ востоку. Экономическій достатокъ московскихъ князей образовалъ ядро новой государственности. Князья-помѣщики, князья-хозяева прежде всего заботились о томъ, чтобы умножить свои имѣнія и обратить ихъ въ наслѣдственную вотчину. Они съ одинаковымъ искусствомъ пользовались деньгами, родственными связями и политическими обстоятельствами. Какъ князья православные, они являлись центромъ объединенія русской земли; собирая же ордынскую дань, московскіе князья, слуги татарскаго хана, округляли свои вотчины владѣніями удѣльныхъ князей и сѣверной вольной Руси. Съ ростомъ государства росла и политическая власть. Въ то-же время древнерусская проповѣдь и письменность подготовляли умы къ воспріятію новыхъ политическихъ началъ. «Цари и князья—внушали пастыри—не должны предавать стадо христово на расхищеніе звѣрямъ, т. е. іудеямъ, еллинамъ, еретикамъ, отступникамъ и всѣмъ невѣрнымъ». Заимствуя примѣры и идеи изъ ветхозавѣтной и византійской литературы, православные публицисты создаютъ теорію русскаго царства.

Послѣ флорентійской уніи в. кн. московскій является въ новой роли блюстителя правовѣрія и названъ «царемъ истинныя вѣры православія». В. кн. Василій такъ формулируетъ свои самодержавныя стремленія митрополиту Кипріану: «вы поставлены къ миру и любве учити, мнѣ же имѣніе собирати и возноситеся». Иванъ III титулуетъ себя: «Божіей милостью единый правый государь всея Руси и самодержецъ». Съ пріѣздомъ Софіи Палеологъ, онъ принимаетъ, по преемству отъ византійскаго императора, гербъ двуглаваго орла,

устанавливаетъ придворный этикетъ и обычай вѣнчанія на царство торжественнымъ церковнымъ обрядомъ.

Передача власти всѣхъ одному происходитъ почти безсознательно, въ силу потребности самосохраненія и охраны православія отъ внѣшнихъ враговъ: татаръ, поляковъ, шведовъ, нѣмцевъ. Государственное тѣло росло, крѣпло, развивалось и распространялось по направленію меньшаго сопротивленія: теряли вольность Псковъ и Новгородъ, покорялись Казань и Астрахань, завоевывалась Сибирь, возвращались Литовскія земли, присоединялась Малороссія. Самой элементарною, но и самой главною потребностью оставалась потребность національной защиты и политическаго роста. Международныя столкновенія развиваютъ внутреннее строеніе. Политическія отправленія налагаютъ нѣкоторыя ограниченія на свободу гражданъ и поселянъ. Сложное сотрудничество, т. е. раздѣленіе труда, благодаря которому только и возможно общество и развитіе военной силы, получаетъ организацію принудительную и приказную. По мѣрѣ роста соціальнаго организма ослабѣваютъ прежнія кровныя связи между особями, опека рода надъ личностью; уничтожаются первоначальныя природныя подраздѣленія; мелкія мѣстныя общества соединяются въ болѣе крупныя. Самодовлѣющая организація отрицаетъ всякое независимое сотрудничество, всякій другой свободный союзъ. Всѣ сословія призываются на службу государства. Въ XVI ст. московское правительство еще не установило этого правила, но историческая дѣйствительность уже подготовила матеріальныя условія для его установленія.

Такъ, отдѣльные слои населенія, посредствомъ «службы», «тягла», «крѣпости къ землѣ», становятся полусвободными сословіями московскаго государства.

Царствованіе Ивана IV представляетъ собою кровавую страницу борьбы власти съ московской аристократіей и окончательное пораженіе послѣдней. Грозный повелѣлъ «хотѣніе свое творити отъ Бога повиннымъ рабомъ», которые «по Божію повелѣнію не должны отметаться своего работнаго ига и владычества своего государя». Онъ съ негодованіемъ отвергаетъ всякое значеніе избранной рады, такъ какъ, по его мнѣнію: россійскіе самодержцы «изначала сами владѣютъ своими царствы», и государь не можетъ назваться самодержцемъ, «если не самъ строитъ». Въ томъ же смыслѣ онъ писалъ Курбскому: «тщуся со усердіемъ люди во истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ Бога истиннаго и отъ Бога даннаго имъ государя».

Смутное время опять выдвигаетъ на историческую сцену понят-

ные и дорогіе для массы интересы народности и православія, которые осуществиться, по народному воззрѣнію, могли только въ конкретныхъ и универсальныхъ формахъ московскаго самодержавія.

Для избранія царя земскіе люди собрались въ Москвѣ — традиціонномъ центрѣ политической жизни Россіи. Знатные бояре не однажды, въ годы малолѣтства царей и междуцарствія, захватывали верховную власть въ свои руки; они и теперь не опускали случая пріобрѣсть первенствующее значеніе въ государствѣ. При избраніи на царство шестнадцатилѣтняго Михаила, Шереметьевъ пишетъ къ кн. Голицыну: «Миша Романовъ молодъ, разумомъ еще не дошелъ и для насъ будетъ поваденъ». У народа были, конечно, свои соображенія. Въ его сознаніи свойство кровнаго родства отождествлялось съ правомъ, имѣвшимъ историческое происхожденіе. «Избрали люди и всѣ православные на Московское царство царемъ отъ царска роду, царя Ѳедора Ивановича племянника», говорится въ псковской лѣтописи; то-же самое и въ лѣтописи Никоновской и о мятежахъ. Имя Романовыхъ было особенно популярно въ народѣ: Анастасія изъ ихъ рода первая жена Іоанна IV; о Никитѣ Романовичѣ въ народѣ говорили, что онъ спасъ многихъ отъ гнѣва и казней Грознаго; были свѣжи преданія и о страданіяхъ семейства Романовыхъ при царѣ Борисѣ; наконецъ, поведеніе Филарета въ дѣлѣ посольства, его плѣненіе придавали ему значеніе «мученика за вѣру и за русскую землю». Избранный въ цари народною волею, Михаилъ Ѳедоровичъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ совѣщался съ боярами, духовенствомъ и земскими соборами.

При Алексѣѣ Михайловичѣ самодержавіе достигаетъ высшаго развитія, подчинивъ духовное сословіе свѣтскому суду и власти. Личныя качества царя, въ особенности богословская начитанность, обезпечивали за нимъ полное торжество при столкновеніи съ своенравнымъ патріархомъ. Но Никонъ является только выразителемъ притязаній всего духовнаго сословія. Гораздо раньше представители церкви проводили въ своихъ посланіяхъ ту мысль, что авторитетъ священно-служителей выше государственнаго авторитета. Такъ, въ поученіи митрополита Алексѣя сказано: «а людская чадь Бога бойтеся, а князя чтите, а священство имѣйте выше своея главы со всякимъ покореніемъ, безъ всякаго прекословія». То же самое говоритъ и Никонъ; его тонъ страстнѣе, рѣчь воодушевленнѣе, потому что онъ имѣетъ дѣло съ конкретными фактами возвышенія самодержавія. Но, не добиваясь возвышенія патріаршаго престола, Никонъ въ то же время не могъ признать подчиненія церкви государству.

Въ борьбѣ съ древне-русской церковью самодержавіе нашло для себя поддержку въ греческомъ и, въ особенности, малорусскомъ духовенствѣ. Когда потребовалось переводить священное писаніе, московскіе ученые книжники «находили еретическій смыслъ тамъ, гдѣ встрѣчались грамматическія особенности и непонятное для нихъ значеніе словъ». Пришлось обратиться къ чужой помощи: техническая сторона церковной реформы поручена ученому Славинецкому и другимъ кіевскимъ монахамъ.

Старообрядцы, оставшіеся вѣрными мѣстному преданію, признаны были не только раскольниками, но и государственными преступниками. Ихъ пытали жестокими муками, чтобы вывѣдать учителей; наказывали кнутомъ и ссылкою каждаго, кто укрывалъ ихъ. Завѣдомыхъ раскольниковъ казнили или жгли въ срубахъ, а пепелъ развѣивали по вѣтру. Старообрядцевъ власть покоряла авторитетомъ легальнаго духовенства и обновленной церкви, а надъ самимъ великорусскимъ духовенствомъ возвышалась авторитетомъ учености кіево-малорусскихъ монаховъ.

«Вы, новые мудрецы,—писалъ о нихъ Дамаскинъ,—выучите по латыни b, c, d или не много болѣе этого, да и величаетесь; другихъ унижаете, всякій санъ и архіерейскій, и священническій ни во что вмѣняете, людей искусныхъ въ св. писаніи обзываете неуками и невѣждами».

Но правительство предпочитало «новыхъ мудрецовъ» старому, но невѣжественному московскому духовенству.

Такимъ образомъ церковная реформа шла въ руку государственному началу и была новою ступенью возвышенія московскаго самодержавія.

Около того времени пріѣхалъ въ Москву славянскій публицистъ Юрій Крижаничъ, съ намѣреніемъ потрудиться въ Россіи для своей любимой идеи всеславянства. «Ты единый царь—говоритъ онъ Алексѣю—ты намъ данъ отъ Бога, чтобы пособить и задунайцамъ, и ляхамъ, и чехамъ, дабы познали свое угнетеніе и униженіе, помыслили о своемъ просвѣтлѣніи и сбросили съ шеи нѣмецкое ярмо». Крижаничъ указывалъ на необходимость преобразованія, предвосхитивъ, такимъ образомъ, своей программой многія изъ будущихъ реформъ: «мудрость—пишетъ онъ—переходитъ отъ народа къ народу... Теперь пришло время для нашего народа учиться; Богъ возвысилъ на Руси такое славянское государство, какому подобнаго не было въ нашемъ народѣ въ прежнихъ вѣкахъ; а мы видимъ у другихъ народовъ: когда государство возрастетъ до высокой степени величія,

тогда и науки начинаютъ процвѣтать въ народѣ». Но воззрѣнія пропагандиста на единую церковь христову и желаніе «мирить грековъ и римлянъ» вызвали преслѣдованіе сильныхъ міра сего: съ Крижаничемъ расправились безцеремонно: сослали на жительство въ Тобольскъ.

Религіозныя отношенія оказались безсильными связать однопле-менные народы. Дѣятельное и живое общеніе Москвы съ западомъ развелось на почвѣ интересовъ экономическихъ и политическихъ. Семь вѣковъ мы прожили внѣ общечеловѣческихъ вліяній! Органическій ростъ продолжался слишкомъ долго: весь удѣльно-вѣчевой и московскій періодъ. Москва свергла татарское иго и наслѣдовала внѣшній блескъ Византіи; но по своему внутреннему строенію осталась самобытнымъ государствомъ, съ явно выраженными признаками военнаго типа. Мирные поселяне, живущіе въ общинномъ-трудовомъ укладѣ, никогда не могли понять интересовъ государства и протестовали бунтами, бѣгствомъ въ казачество, переходили въ расколъ или колонизировали новыя земли.

Много было горючаго матеріала въ самой Бѣлокаменной; рядомъ уживались разнообразные общественные элементы: холопы и бояре, кабальные, вольные люди и приказные, посадскіе и именитые гости, раскольники и никоніанцы. Низшіе классы находили исходъ изъ бѣдности и угнетенія только въ пьянствѣ да грабежѣ. Знатные бояре какъ владѣльцы феодальныхъ замковъ, разбойничали по проѣзжимъ дорогамъ и изъ своихъ хоромъ, обнесенныхъ высокимъ тыномъ, выпускали на прохожихъ псовъ и вооруженныхъ холоповъ. Случалось, что стрѣльцы, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, шли войною на солдатъ Нѣмецкой слободы: тогда на мирныхъ улицахъ и площадяхъ первопрестольной разыгрывались настоящія сраженія съ рукопашной схваткой и пальбой изъ ружей и пушекъ. Нерѣдки были бунты и мятежи въ Москвѣ. Шумныя волны бушующаго народа достигали Кремля и царскаго дворца. Толпа требовала отъ царя смѣны временщиковъ,— «иначе народъ погибнетъ въ конецъ!». Правительство дѣлало уступки, отставляло провинившихся и назначало новыхъ лицъ на мѣсто ихъ; но порядокъ дѣлъ оставался прежнимъ. Въ массѣ постоянно держалось недовольство и глухой ропотъ на приказное правленіе, которое слыло подъ названіемъ «московской волокиты» Пожары, разбои и волненія—обычныя народныя бѣдствія того времени.

«Общее недовольство сословій,—пишетъ Устряловъ,—замѣтное въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳедоровича, разразилось, по

воцаренія сына его, страшнымъ бунтомъ въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ. Вскорѣ послѣ того вспыхнулъ бунтъ коломенскій; тамъ поднялся на Дону Разинъ; тутъ взволновалась Малороссія. Даже мирная обитель Соловецкая возмутилась».

Между народомъ и государствомъ существовалъ постоянный антагонизмъ. Сила русской земли сконцентрировалась, какъ въ фокусѣ, во власти главы государства, но московская форма не была вѣрнымъ выраженіемъ народной жизни. Причина ясна: интересамъ земли не отвѣчали порядки, продиктованные политическими потребностями. Когда московское государство вошло въ политическія сношенія съ западомъ, само собой возникли сравненія русскихъ порядковъ съ иноземными, и явилась потребность въ новыхъ средствахъ національной самозащиты.

Россію съ культурными народами сближали ранѣе другихъ представители торговли и промышленности, а затѣмъ— путешественники и ученые, обладающіе страстью къ географическимъ открытіямъ или пріѣзжающіе въ Россію съ политическими намѣреніями и предложеніями.

Медленно, но непрерывно завязывались торгово-промышленныя сношенія между русскими и иностранцами. Мало по малу англичане забрали въ свои руки всю внѣшнюю торговлю московскаго государства. Русскіе торговцы изъ разныхъ городовъ подали царю Алексѣю челобитную, въ которой умоляли «не дать имъ, природнымъ государевымъ холопамъ и сиротамъ, быть отъ иновѣрцевъ въ вѣчной нищетѣ и скудости», иноземцы смѣются надъ русскими купцами: «мы ихъ-де заставимъ торговать одними лаптями». Правительство принимало мѣры противъ свободной торговли иностранцевъ, покровительствовало національной промышленности, вызывало изъ-за границы мастеровъ и заводчиковъ, но своимъ подданнымъ не разрѣшало свободнаго выѣзда изъ предѣловъ государства.

Заграницу ѣздить «не поволено!» кромѣ какъ по царскому указу да по торговымъ дѣламъ. Духовенство опасалось, что православные, «узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали бы свою отмѣнять и приставать къ инымъ». За тѣхъ, которые торгуютъ заграницей, собирали «познатныхъ нарочитыхъ людей поручныя записи, за крѣпкими поруками». А кто былъ заграницей безъ проѣзжей граматы, того, «пытавши, казнили смертью»; когда же оказывалось, что онъ ѣздилъ дѣйствительно по торговому дѣлу, то били только кнутомъ, «чтобы инымъ неповадно было» («Уложеніе», VI, 4).

Но «новшества» проникали въ жизнь силой вещей. Предметы

удовольствія и удобствъ жизни допускались во дворцѣ и домахъ московской знати; наибольшее распространеніе пріобрѣли часы, музыкальные инструменты, нѣмецкія платья, картины, заграничные экипажи. Среди бояръ выдавалось нѣсколько западниковъ: Матвѣевъ, Ордынъ-Нащокинъ, Ртищевъ. Тѣмъ не менѣе старая московская партія была еще сильна и крѣпко стояла за національную обособленность и косность. Сохранился указъ «о неношеніи платья и нестриженіи волосъ по иноземному обычаю», данный въ послѣдній годъ царствованія Алексѣя Михайловича. (Полн. собр. зак. № 607, августа 1675 г.). Но распоряженіе патріарха и происки старой партіи являлись теперь, что называется, отрицательной пропагандой новшествъ. Черезъ запрещеніе желаніе обладать удобствами жизни не умепьшалось, и никакими средствами нельзя было уничтожить разъ проникшія въ жизнь представленія о культурѣ. Неудовлетворенныя потребности становились страстнѣе и интенсивнѣе, — вотъ причина, почему потокъ нововведеній проявилъ особенную силу и стремительность, когда снесена была плотина запрещеній.

При царскомъ дворѣ уже служили иностранцы: доктора, аптекаря, окулистъ, алхимистъ, переводчики, часовыхъ и органныхъ дѣлъ мастера и пр. — подъ вѣдомствомъ аптекарскаго приказа. Государственныя потребности и, въ особенности, ратное дѣло требовали участія въ русской службѣ иностранцевъ: офицеровъ, артиллеристовъ, инженеровъ и разныхъ мастеровъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ, по настоянію духовенства, всѣ иностранцы, разныхъ національностей и исповѣданій, выселены были изъ Москвы на окраину города, въ особую слободу, прозванную Нѣмецкою: здѣсь обитали представители разныхъ ремеслъ и искусствъ, принадлежащіе къ различнымъ національностямъ.

Когда московское государство готово было выйти изъ національной замкнутости и отчужденности, тогда оно встрѣтило враждебное отношеніе къ себѣ сосѣднихъ государствъ— Польши, Швеціи и даже городовъ Дерпта, Ревеля, Любека и др. Мотивы его откровенно формулированы еще въ 1567 году королемъ польскимъ Сигизмундомъ въ письмѣ къ королевѣ англійской Елизаветѣ: «дозволить плаваніе въ Московію воспрещаютъ намъ важнѣйшія причины, не только наши частныя, но и всего христіанскаго міра и религіи, ибо непріятель отъ сообщенія просвѣщается и, что еще важнѣе, снабжается оружіемъ, до тѣхъ поръ въ этой варварской странѣ невиданнымъ; всего же важнѣе, какъ мы полагаемъ, онъ снабжается самыми художниками, такъ что, если впредь и ничего не будутъ привозить ему, такъ ху-

должники, которые при такомъ развитіи сообщеній легко ему подсылаются, въ самой той варварской странѣ надѣлаютъ ему всего, что нужно для войскъ и что доселѣ ему было неизвѣстно».

Противоставленіе самодержавія народной жизни, съ одной стороны, и политическимъ организаціямъ запада, съ другой, не могло не оказать реакціи на сознаніе главы государства и расширить содержаніе московскаго самодержавія постановкой новыхъ цѣлей для государственной дѣятельности.

Всѣ цари отъ Іоанна III до Алексѣя Михайловича высказывали о своихъ правахъ въ сущности одно и то же, варьируя только выраженія: московскій царь — единый православный царь всей русской земли. Таково сознаніе самодержцевъ—традиціонное и идеальное, приподнятое внушеніемъ духовенства надъ фактическими отношеніями. Ихъ самосознаніе было больше созерцательнымъ, чѣмъ дѣятельнымъ, конкретной формой религіознаго и племеннаго самосознанія, замкнутымъ, устойчивымъ, передаваемымъ почти безъ измѣненія, изъ поколѣнія въ поколѣніе, по традиціи. Въ законѣ не было еще опредѣленія правъ самодержавія. Власть отождествлялась съ субъектомъ царя, право—съ благочестіемъ и нравственностью. Перемѣна въ экономическихъ и международныхъ отношеніяхъ производитъ кризисъ въ національномъ самосознаніи. Созерцательность, призрачность, самодовольство смѣняются сравненіемъ, критикой и, болѣе или менѣе, сознательной и цѣлесообразной государственной дѣятельностью.

Внѣшнія отправленія -- т. е. политика—и внутренніе процессы—т. е. соціальная жизнь — государственнаго организма могли быть примирены и согласованы только такими началомъ и формою, которыя, удовлетворяя матеріальнымъ нуждамъ народа, въ то-же время увеличивали бы политическую силу правительства: это начало—культура, эта высшая форма—промышленное государство.

Накопленіе знаній, въ началѣ богословскихъ, и постоянное сношеніе съ представителями церкви на западѣ и востокѣ указали на необходимость церковныхъ исправленій. Реформа, въ своемъ зачаточномъ видѣ, уже опредѣляла направленіе и весь дальнѣйшій ходъ преобразованія: во 1-хъ, мѣстное преданіе упразднено было государственной властью, во 2-хъ, реформа не коснулась догматовъ религіи, а ограничилась только внѣшнею стороной: обрядностью, знакомъ, буквою, т. е. техникой исповѣданія. То-же самое и въ государственной жизни. Древне-русскіе столпы: народность и православіе, остались не поколеблены, прочнымъ базисомъ національнаго развитія. Но экономическія нужды и требованія политическаго самосохраненія

и роста создали потребность въ западной техникѣ, искусствѣ и наукѣ. Хозяйство, войско, управленіе стало организоваться по западно-европейскимъ образцамъ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ иностранцевъ. Такъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ одномъ 1661 году, вызвано было изъ-за границы до 400 иностранцевъ, а при его сынѣ Ѳеодорѣ устроено до 63 полковъ по иноземному образцу. Подъ вліяніемъ западничества, дѣятельность правительства усложнилась—и если не было еще сознательной постановки внѣшнихъ цѣлей для правительственной дѣятельности (ранѣе господствовали преимущественно интересы религіи, расы и нравственности: Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ «править вправду»), то теперь на очередь стали новыя функціи государства: соціальныя, культурныя и политическія. Никогда въ столь короткій промежутокъ времени не производилось такого множества перемѣнъ. Первое мѣсто, конечно, принадлежитъ церковной реформѣ и устройству ратнаго дѣла; было сдѣлано нѣсколько попытокъ развитія путей сообщенія и внѣшней торговли. При царѣ Ѳеодорѣ уничтожены «разрядныя книги» и мѣстничество; наконецъ, созванъ соборъ «для уравненія людей всякаго чина въ платежѣ податей и въ отправленіи соборной службы». Но потребности внутренней международной жизни настоятельно требовали не исправленія какихъ-либо отдѣльныхъ отраслей управленія, а болѣе важныхъ, коренныхъ преобразованій государственнаго строя и народно-хозяйственнаго быта.

Подъ вліяніемъ польскимъ и германо-протестантскимъ прежде всего реформируется дворцовая и придворная жизнь. Распространяются иностранные пріемы общежитія, новыя удовольствія и увеселенія. Въ молодости царь Алексѣй писалъ: «тѣмъ утѣшаюся, што стольниковъ купаю еже утро въ прудѣ», и давалъ имъ потѣшныя клички. Своему врожденному чувству художественности онъ могъ удовлетворять только церковной обрядностью, царскими выходами и торжественнымъ пріемомъ пословъ. Теперь съ женитьбой Алексѣя Михайловича на Натальѣ Кирилловнѣ, воспитанницѣ западника Матвѣева, при дворѣ одни нововведенія слѣдуютъ за другими: самъ царь сознательно тянетъ къ западу, хотя все еще высоко чтитъ авторитетъ патріарха и старины. При дворѣ устроенъ театръ, въ которомъ даются разныя комедіи съ пляскою и музыкой. Симеонъ Полоцкій, придворный проповѣдникъ, сочиняетъ силлабическими виршами комедійныя пьесы. Заведена первая театральная школа. По желанію царя, Матвѣевъ устроилъ себѣ домъ въ европейскомъ вкусѣ и украсилъ свои палаты картинами и мебелью иностранныхъ мастеровъ.

Женщины, родственницы Матвѣева, допускаются въ мужское общество, и, къ соблазну приверженцевъ старины, даже сама царица Наталья Кирилловна позволяла себѣ ѣздить въ открытой каретѣ и показываться народу.

По исчисленію одного путешественника, въ это время жило въ Россіи около 18000 иностранцевъ.

Въ родовой вотчинѣ Романовыхъ, въ селѣ Измайловѣ, въ трехъ верстахъ отъ Преображенскаго, хозяйство велось по иноземному способу. На образцовомъ хуторѣ заведены новѣйшія машины. Мололи хлѣбъ силою вѣтра или колесами безъ воды; подымали воду на высоту насосами. Разведенъ ботаническій садъ; выписывались изъ-за границы фруктовыя деревья и другія растенія; была устроена, по выраженію Забѣлина, «земледѣльческая академія на совершенно европейскій образецъ». Измайловскій стекляный заводъ и другія мануфактурныя заведенія славились своими издѣліями и обучили многихъ русскихъ новымъ ремесламъ и пріемамъ заводскаго производства.

Въ XVII ст. прикладныя знанія распространялись самыми первобытными путями: по книгой и школой, а личнымъ примѣромъ, подражаніемъ и переимчивостью. Учреждая фабрики и заводы, правительство должно было вникать во всѣ экономическія и техническія подробности производства. Оно прибѣгало обыкновенно къ способу самому простому, но и самому убыточному. Вызывались изъ-за границы мастера, давались имъ разныя привилегіи и къ заводамъ приписывались деревни и села. Такъ, на обработку руды правительство дало привилегію нидерландцу Іовису и Петру Марселису, съ условіемъ выписывать мастеровъ изъ Даніи. Въ 90 верстахъ отъ Москвы, по калужской дорогѣ, и близъ Тулы и Коширы производилась обработка желѣза разныхъ сортовъ, полосового, листового, прутоваго, выдѣлывались гвозди, якори, мельничные снаряды, ступы, ядра и даже лились пушки. Но заводчики постоянно жаловались на недостатокъ мастеровъ и умѣлыхъ рабочихъ.

Преобразованіе вызывалось экономическими потребностями времени. Но «въ организмѣ государственномъ—справедливо замѣчаетъ историкъ Соловьевъ—нельзя дотронуться до одного органа, не коснувшись въ то-же время и другихъ,—вотъ причина, почему вмѣстѣ съ экономическимъ преобразованіемъ шло и множество другихъ, но и эти послѣднія находились въ служебномъ отношеніи къ первому». Какъ бы то ни было, но всѣ элементы реформы были уже на лицо: съ передвиженіемъ Москвы къ западу создались силы и средства для

удовлетворенія нарождавшихся государственныхъ и общественныхъ потребностей.

Традиція разрушалась, но національность оттого нисколько не пострадала. До сихъ поръ инпціатива сближенія Москвы съ западомъ принадлежала не русскимъ, а самимъ иностранцамъ. Такъ долго не могло продолжаться. Московскіе цари были представителями живой исторической народности. Рано или поздно среди нихъ долженъ былъ явиться человѣкъ, обладающій великою вѣрою въ творческія силы жизни, который сознаетъ потребность времени и двинетъ свой народъ на путь сознательнаго сближенія съ цивилизованными народами.

II.

Рожденіе.—Дѣтство и юность.

30-го мая 1672 года Москва пробудилась до восхода солнца. Царь Алексѣй послалъ по городу радостную вѣсть о рожденіи сына. Весело перезванивались церкви и монастыри. Бояре, окольничьи и духовенство спѣшили съ поздравленіями въ кремлевскій дворецъ.

Широко раскинулся первопрестольный городъ малонаселенной земледѣльческой страны. Надъ черною громадою домовъ, окруженныхъ зелеными садами и огородами, подымалось безчисленное множество церковныхъ главъ и колоколенъ. Но надъ всѣмъ господствовало жилище великаго государя,—кремль, съ бѣлокаменною стѣною и группою церквей съ позолоченными главами. Религіозный интересъ былъ въ то время преобладающимъ. Царское жилище напоминало собою монастырь, въ которомъ, какъ игуменскія кельи, раскинулись, безъ всякаго порядка, красивыя зданія церковной архитектуры.

Издали, подъ лучами солнца, Москва—по выраженію Олеарія—казалась великолѣпнымъ Іерусалимомъ, внутри же она являлась бѣднымъ Виолеемомъ. Обширныя пустыри, нечистоты, грязь на улицахъ, хотя и мощенныхъ мѣстами бревнами Многочисленныя слободы, между которыми и городомъ не было рѣзкой границы, окружены выгонами, огородами и нивами. Дома деревянные, со слюдяными окнами, покрыты щепой и соломой, — постоянныя жертвы пожаровъ. Камня мало было въ сельской странѣ и шелъ онъ исключительно на церковныя и казенныя постройки, да и тѣ не отличались размѣрами. Красивыя и привѣтливыя издали церкви, даже славный Иванъ-Великій, бѣлый столпъ съ золоченной главой, казались гигантами только по малой высотѣ сосѣднихъ зданій и прочихъ городскихъ сооруженій.

Въ кремлевскомъ дворцѣ служили благодарственный молебенъ. Объ этомъ днѣ существуетъ нѣсколько преданій. Наиболѣе скромное изъ нихъ передаетъ, что царь Алексѣй провелъ наканунѣ всю ночь въ молитвѣ и слезахъ, и впалъ, наконецъ, въ отчаяніе отъ мученій царицы. Тогда предсталъ передъ нимъ, во второй разъ, монахъ Симеонъ Полоцкій, «искусный звѣздочетъ и богословъ», и предсказалъ, что царица останется жива и родитъ сына.

Родился первенецъ крѣпкій, здоровый, чрезвычайно большой и сильный. Съ него сняли по обычаю «мѣру рожденія» для доски на икону: длиною — одиннадцати, а шириною трехъ вершковъ. Эта кипарисовая доска хранится надъ гробницей императора. На ней изображены образъ Троицы и Апостола Петра.

Черезъ часъ по восходѣ солнца царь съ боярами и духовенствомъ двинулся въ соборъ поклониться праху своихъ родителей и предковъ, и совершилъ торжественный обходъ по церквамъ и древнимъ монастырямъ. Послѣ обѣдни, возвратившись во дворецъ, царь Алексѣй жаловалъ, по обычаю, родственниковъ царицы, угощалъ въ столовой и золотой палатахъ «безъ зову и мѣстъ» бояръ и думныхъ людей, полковниковъ и головъ стрѣлецкихъ; оказывалъ милости убогимъ, нищимъ, преступникамъ. Служили молебны, били въ колокола, стрѣляли изъ пушекъ; три дня пировала древняя Москва.

Петра крестили 29 іюня въ Чудовомъ монастырѣ. Крестинымъ столомъ закончились придворныя торжества. Родители любили и нѣжили сына. У него была своя дѣтская, обитая серебряными кожами; чрезъ два года выстроены новыя хоромы. Внутри онѣ покрыты сукномъ червчатымъ анбургскимъ и багрянцемъ; искусные мастера расписали мебель и оконницы красками, серебромъ и золотомъ. Штатъ служащихъ при дворѣ царевича помѣщался въ особыхъ деревянныхъ хоромахъ.

Петръ росъ и развивался чрезвычайно быстро: на шестомъ мѣсяцѣ сталъ ходить. Подвижный и воспріимчивый ребенокъ получалъ массу живыхъ и пріятныхъ впечатлѣній. Его окружили заботами и роскошью царевича, тѣшили яркими, гремящими и блестящими игрушками, какія только возможно было достать во дворцѣ. Но, по обыкновенію, предпочтеніе отдавали военнымъ игрушкамъ. Въ здоровомъ и сильномъ мальчикѣ особенное оживленіе и радость вызывали бубны, пищали, барабаны, лучки, пушки, топоры, булавы. Общество его составляли «ребятки младшіе сверстники» изъ боярскихъ дѣтей. Прислужники и дядьки развлекали ихъ военными играми и разными забавами. Первые годы Петра протекли среди сельской природы.

Царское семейство часто жило въ селѣ Преображенскомъ, за рѣкой Яузой, въ трехъ верстахъ отъ Москвы, и предпринимало продолжительныя путешествія на богомолье и по дворцовымъ селамъ. Трехлѣтній Петръ выѣзжалъ въ особомъ возкѣ, подаренномъ ему боярином Матвѣевымъ.

Когда пришло время ученья, 12-го марта 1676 г., послѣ обычной церемоніи, представленъ былъ къ царевичу учителемъ «муж кроткій и смиренный, и великихъ добродѣтелей исполненъ, въ грамотѣ и писать искусный, изъ приказныхъ»; но именно этому самом искусству Зотовъ и не съумѣлъ обучить живого и пылкаго мальчика Наставникъ показывалъ царевичу раскрашенныя картинки съ изображеніемъ зданій, городовъ, кораблей, историческихъ событій; разсказывалъ о дѣяніяхъ Владиміра Св., Невскаго, Грознаго и царя Алексѣя; по главнымъ предметомъ изученія было священное писаніе «Инымъ языкамъ—говоритъ Котихинъ—латинскому, греческому нѣмецкому и нѣкоторыхъ, кромѣ русскаго, ученія въ Россійскомъ государствѣ не бываетъ». Но зато Петръ «все евангеліе и апостол наизустъ или памятью остро прочиталъ». Такъ воспитывали въ старину всѣхъ царскихъ дѣтей.

Послѣ смерти царя Алексѣя положеніе при дворѣ Натальи Кирилловны совершенно измѣнилось. У новаго царя Оедора были «неукротимыя несогласія» съ Натальей Кирилловной. Старшія сестры царя ненавидѣли свою молодую матчиху. За одно съ ними стояли тетки, старыя дѣвы, дочери царя Михаила. Милославскіе съ благопріятелями побуждали Оедора преслѣдовать Нарышкиныхъ и всѣх ихъ партію. Отправили въ ссылку Матвѣева и двухъ братьевъ царицы. Сама Наталья Кирилловна подвергалась всевозможнымъ стѣсненіямъ и оскорбленіямъ. Она съ сыномъ удалилась изъ Москвы въ Преображенское; здѣсь окружали ихъ только родственники и самые близкіе люди. Зотова послали въ Крымъ для заключенія мира, никѣмъ не замѣнивъ его при царевичѣ. На ученіе и воспитаніе Петра при дворѣ не обращали никакого вниманія. Борьба партій разрушила устои придворной жизни. По дворцовому этикету того времени: «до 15 лѣтъ и болѣе царевича, кромѣ тѣхъ людей, которые къ нему уставлены, и кромѣ бояръ и ближнихъ людей, видѣти никто не можетъ (таковъ бо есть обычай)». Отчужденіе отъ двора предохраняло Петра отъ отупляющаго вліянія системы придворнаго воспитанія.

Въ Преображенскомъ, въ обществѣ родственниковъ, царевичъ не былъ стѣсненъ, и гораздо менѣе могъ набраться всякихъ предразсудковъ отъ своей матери, воспитанницы Матвѣева, чѣмъ среди зна

ыхъ лицъ, окружающихъ престолъ. Царевичу была предоставлена олная свобода. Онъ жилъ непосредственными впечатлѣніями, по-ребностями и стремленіями своей дѣтской природы. Ему были до-ступны дворецъ и улица, городъ и деревня. Изъ скучнаго дворца етръ убѣжалъ со своими «ребятками изъ сверстниковъ» на просторъ олей и въ рощи села Преображенскаго. Шумныя дѣтскія игры раз-или воображеніе и потребность къ дѣятельной жизни. Постоянное бщеніе дѣтей между собою вырабатывало самообладаніе. Петра ни-ему не учили, но дѣтская любознательность его не притуплялась, апротивъ, росла и развивалась съ каждымъ годомъ. Онъ учился изъ епосредственнаго опыта, при случайныхъ встрѣчахъ съ людьми сѣхъ званій и состояній. Выискивалось много охотниковъ, которые аходили для себя выгоднымъ давать объясненія и доставлять раз-ыя развлеченія царевичу и его малолѣтнему обществу. Нравствен-ое развитіе Петра складывалось еще подъ однимъ могущественнымъ ліяніемъ. Раздоръ въ царской семьѣ слишкомъ рано будилъ недоб-ыя чувства и враждебное отношеніе къ родственникамъ и знатнымъ оярамъ. Дома видѣлъ онъ вѣчно недовольную и тоскующую мать, остоянно слышалъ отъ окружающихъ горькія жалобы на обиды, скорбленія и тревожные толки о новыхъ злыхъ замыслахъ Мило-лавскихъ. Родственники матери, люди не родовитые, бранили при емъ знатныхъ за ихъ спѣсь и лихоимство, осмѣивали невѣжество ханжество бояръ, обвинявшихъ Матвѣева въ чернокнижіи. Пар-я Нарышкиныхъ видѣла въ Петрѣ свою надежду, залогъ будущаго оржества. Естественно, что эти люди позаботились внушить ему не-ависть къ боярамъ и невыгодное представленіе о томъ порядкѣ ещей, который принесъ много страданій и несчастіе его матери и изкимъ. Двое старшихъ больныхъ братьевъ не способны къ управ-енію,—Петръ вырастетъ и займетъ царскій престолъ. Тогда все пе-емѣнится. Мать и родственники его станутъ во главѣ государства.

Дни царя Ѳедора были сочтены. 25-го апрѣля 1682 года гол-андскій резидентъ Келлеръ писалъ генеральнымъ штатамъ: «Въ слу-аѣ кончины Его Величества, безъ сомнѣнія тотчасъ-же будетъ отправ-епъ курьеръ къ Матвѣеву съ приглашеніемъ пріѣхать въ Москву ля отвращенія смутъ, безпорядковъ и несчастій, которыя могли бы роизойти при борьбѣ родственниковъ царя между собою. Намедни ыбыли сюда отецъ и сынъ Нарышкины, а другого Нарышкина, еще олѣе обвиняемаго, ожидаютъ на дняхъ, такимъ образомъ всѣ здѣш-я обстоятельства принимаютъ совершенно другой видъ».

Закона о престолонаслѣдіи не существовало. Этотъ пробѣлъ въ

государственномъ правѣ Россіи, даже впослѣдствіи, служилъ причиной многихъ безпорядковъ и смутъ въ государствѣ.

Партія Милославскихъ не могла помѣшать, послѣ смерти Ѳеодора, избранію десятилѣтняго Петра. На площади передъ Краснымъ крыльцомъ раздалось только нѣсколько голосовъ за старшаго царевича; но они были покрыты общимъ крикомъ толпы. Во главѣ правленія государствомъ становилась мать малолѣтняго царя со своими родственниками. Ея право рѣшилась оспаривать энергичная царевна Софья, сестра покойнаго царя Ѳедора. Даже по отзыву ея врага она была «больше мужского ума исполненная дѣва». Воспитатель ея, ученый монахъ Полоцкій, посвятилъ ей въ превысренныхъ выраженіяхъ свою книгу «Вѣнецъ вѣры». Въ теремахъ была грусть и тоска. Дочери царскія не могли выйти за своихъ подданныхъ, а иностранцы за царевенъ не сватались. Послѣ Алексѣя строгій надзоръ за царскими дочерьми прекратился: братья, больной Ѳедоръ и слабоумный Иванъ, сами нуждались въ уходѣ и присмотрѣ. Другія царевны воспользовались свободой только для того, чтобы отдаться свѣтскимъ развлеченіямъ; но царевна Софья, ей было уже за 25 лѣтъ, не отходила отъ царя Ѳедора даже при боярахъ и принимала нѣкоторое участіе въ государственныхъ дѣлахъ.

Въ прошлое царствованіе Милославскіе не щадили Наталью Кирилловну, ея родственниковъ и сторонниковъ; съ переходомъ власти въ руки Нарышкиныхъ они не могли ожидать и для себя пощады. Имъ оставалось одно: бороться до тѣхъ поръ, пока тѣнь права и силы была на ихъ сторонѣ. Законность избранія Петра нельзя оспаривать, но еще возможно было провозгласить царемъ Іоанна и отъ его имени править государствомъ.

Привлекая деньгами и богатыми обѣщаніями, Милославскіе набрали себѣ приверженцевъ, толпу незначительныхъ, но молодыхъ людей, готовыхъ на все и неразборчивыхъ въ средствахъ; черезъ стрѣлецкихъ полковниковъ и выборныхъ возмущали они дворцовое войско противъ бояръ и новаго правительства. Сторону ихъ держалъ В. В. Голицынъ, человѣкъ европейски образованный и выдающагося ума. Честолюбивый и энергичный старовѣръ кн. Хованскій ненавидѣлъ Нарышкиныхъ за ихъ расположеніе къ «новшествамъ» и готовъ былъ мутить стрѣльцовъ, чтобы самому играть первенствующую роль въ государствѣ.

Событія дворцового переворота оставили глубокіе слѣды въ первой организаціи десятилѣтняго Петра. Въ какой-нибудь годъ онъ пережилъ цѣлую жизнь, и какую ужасную жизнь! Высокая радость при избраніи въ цари быстро смѣнилась страхомъ и печалью при видѣ

нтующихъ стрѣльцовъ и ихъ кровавой расправы съ родственниками близкими людьми. Эти казни заложили въ душу Петра зародышъ жестокости и свирѣпости. Не смотря на нѣжный возрастъ, онъ сохранялъ все время значительное самообладаніе; страшное первное отрясеніе не уничтожило въ немъ живой впечатлительности и необыкновенной подвижности. Но въ короткое время онъ быстро выросъ и возмужалъ.

Петръ былъ великъ ростомъ, развивался необыкновенно быстро; его умственныя способности поражали иностранцевъ. Кромѣ военныхъ игръ, Петра привлекали къ себѣ ремесленныя занятія. Когда исполнилось царю двѣнадцать лѣтъ, во дворецъ доставлены были разныя ремесленныя орудія: верстакъ и токарные станки, инструменты для переплета книгъ, печатанія и каменныхъ работъ. Среди иностранцевъ нашлось много охотниковъ, званыхъ и не званыхъ, предлагавшихъ свои услуги показать, какъ слѣдуетъ обращаться съ тѣмъ или другимъ инструментомъ, обучить тому или другому ремеслу. Сильный и смышленый юноша быстро свыкся съ трудомъ и усвоилъ разные технические навыки, но военныя забавы всѣми признавались болѣе приличными и подходящими для молодого царя. Дѣтскія игры скоро получили значеніе дѣла, прохожденія курса военныхъ наукъ.

На четырнадцатомъ году, совершенно случайно, возобновились учебныя занятія. Однажды Петръ узналъ, что у кн Якова Долгорукова былъ такой инструментъ, которымъ можно опредѣлять разстоянія между дальными предметами. Любознательный царь пожелалъ имѣть такой инструментъ. Долгорукій привезъ ему изъ Франціи астролябію и готовальню съ измѣрительными приборами. Отыскался свѣдущій человѣкъ, голландецъ Тиммерманъ, и сталъ обучать Петра ариѳметикѣ, геометріи и фортификаціи.

«Немного времени спустя—разсказывалъ впослѣдствіи Петръ—случилось намъ быть въ Измайловѣ, на льняномъ дворѣ, и, гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дѣда Никиты Ив. Романова, видѣть иностранное судно—ботъ англійскій. Францъ Тиммерманъ мнѣ сказалъ, что онъ ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтра, которое слово меня въ великое удивленіе привело и яко-бы неимовѣрно». Францъ отыскалъ голландца Карштенъбранта, который «призванъ при отцѣ моемъ въ компаніи морскихъ людей для дѣланія морскихъ судовъ на Каспійское море». Брантъ починилъ ботъ, сдѣлалъ мачту и паруса и «на Яузѣ при мнѣ лавировалъ, что мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало». Такъ зародилась у Петра страсть къ водѣ и судостроенію.

Своихъ учителей иностранцевъ Петръ долго считалъ за великих искусниковъ и знатоковъ. Но это были все люди практическіе, ре месленники и военные, обладавшіе крайне ограниченными теоретиче скими свѣдѣніями. Тиммерманъ, напр., ошибался въ простомъ умно женіи, какъ видно изъ задачъ, писанныхъ его рукою въ учебных тетрадяхъ Петра. Но до этого Петру было мало дѣла. Тиммерман могъ научить его обращаться съ астролябіей и вычислять, при каких условіяхъ и въ какомъ разстояніи бомба можетъ упасть на данны предметъ; составлялъ планы крѣпостей и руководилъ земляными ра ботами. Карштенъ-Брантъ, наставникъ Петра въ кораблестроеніи,— простой корабельный пушкарь, проживавшій въ Москвѣ столярно работой. Онъ, конечно, не былъ достаточно посвященъ въ судострое ніе; но Петръ держалъ его при себѣ, какъ главнаго корабельнаг мастера, строилъ подъ его руководствомъ яхты и фрегаты на Пере яславскомъ озерѣ. Плотниками и матросами на судахъ были самъ цар съ потѣшными солдатами. Генералъ Гордонъ тоже не отличался воен ными способностями и обращался съ взрывчатыми веществами не умѣло. На маневрахъ то и дѣло происходили неудачи и несчастія Однажды горшокъ, начиненный горючимъ веществомъ, опалилъ взры вомъ лицо Петра и поразилъ стоявшихъ вблизи офицеровъ. Цар болѣлъ послѣ того три мѣсяца. На слѣдующихъ маневрахъ постра далъ самъ генералъ Гордонъ: выстрѣломъ повредило ему ногу выш колѣна и порохомъ опалило лицо. На увеселительныхъ фейерверкахъ которые такъ любилъ царь, не рѣдко происходили подобныя же исторіи: однажды пятифунтовая ракета, не разрядившись въ воздухѣ упала на голову какого-то дворянина, который тутъ же испустил духъ; взрывомъ состава изуродовало Гордонова зятя, обожгло Тим мермана и до смерти убило трехъ рабочихъ. Но Петръ продолжалъ довольствоваться подобными мастерами и наставниками. Они все же могли научить его тому, что никогда-бы онъ не узналъ отъ Зотова Стрѣшнева, Голицына, отъ бояръ и другихъ русскихъ.

Самымъ близкимъ къ царю человѣкомъ въ то время былъ кн Борисъ Голицынъ, не уступавшій въ умѣ и образованіи своему зна менитому двоюродному брату кн. Василію. Но видно, такъ издревл водилось, что на Руси умный человѣкъ былъ или плутомъ, или пья ницей. Василій Голицынъ держалъ сторону Софьи, но робко и осто рожно, воздавая должное почтеніе молодому царю и его роднѣ. Бо рисъ, говорившій по латыни, прямодушный, распорядительный, не поколебимо преданный Петру, даже подъ письмами своими къ цар подписывался: «Бориско, хотя быть пьянъ». Близкимъ другомъ Петр былъ сынъ воспитателя его матери, Андрей Матвѣевъ, знавшій и

атыни, любитель чтенія, проявившій особенное расположеніе къ ино-
гранцамъ. Всѣ приближенные Петра были или лично преданные ему
юди, совершенно безгласные передъ его волей, или сгорали неудо-
летворенной жаждой знанія и сознательно тянули къ западу.

Походы, осады и сраженія чередовались съ веселыми пирушками,
ъ которыхъ нѣмцамъ принадлежала первенствующая роль. Петру не
равились скучные русскіе пиры, съ прѣсными яствами, квасомъ и
аденькимъ медомъ. Нѣмцы зазывали молодого царя къ себѣ, въ сло-
оду, и тамъ угощали его на славу.

До сихъ поръ Петръ не проявлялъ никакого интереса къ государ-
твеннымъ дѣламъ На молодого царя несомнѣнно производили сильное
печатлѣніе пріемы посольства и дворцовыя торжества. Онъ облекался
въ порфиру, надѣвалъ на голову вѣнецъ, въ руки бралъ скипетръ, но
едва-ли понималъ политическое значеніе тѣхъ дѣйствій и событій, въ
которыхъ принималъ участіе. Даже приготовленіе къ Крымскому по-
ходу и проводы войска увлекали его только своей внѣшней стороной.

Чтобы остепенить сына, мать его женила. Она надѣялась, что
молодая и красивая жена отучитъ царя отъ сумасбродныхъ забавъ и
опасныхъ военныхъ игръ. Но вскорѣ послѣ женитьбы Петръ опять
увлекся своимъ любимымъ занятіемъ—судостроеніемъ. Какъ только
вскрылись рѣки, онъ поскакалъ на Переяславское озеро. «Изволила
приказывать быть въ Москвѣ—писалъ онъ къ матери—и я быть го-
товъ, только, ей-ей, дѣло есть». Черезъ нѣсколько времени онъ дѣ-
лится съ ней своею радостью: «а у насъ молитвами твоими здорово
все. А озеро все вскрылось сего 20-го числа, и суда всѣ, кромѣ боль-
шого корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ. И о томъ
милости прошу, чтобы тѣ канаты, по семи сотъ саженъ, изъ Пушкар-
скаго приказу, не мѣшкая, присланы были. А за ними дѣло станетъ
и житье наше продолжится».

По древне-русскому обычаю, Петра признавали совершеннолѣт-
нимъ, потому что онъ былъ женатъ. Время отъ времени молодой царь
участвуетъ въ засѣданіяхъ думы. 16-го декабря 1687 г. шведскій
дипломатъ сообщаетъ: «теперь царя Петра стали ближе знать, т. к.
Голицынъ обязанъ нынѣ докладывать е. ц. в. о всѣхъ важныхъ дѣ-
лахъ, чего прежде не бывало». Затѣмъ 10-го февраля 1688 г.: «Петръ
посѣщаетъ думу и, какъ говорятъ, недавно ночью секретно разсмат-
ривалъ всѣ приказы». И наконецъ, 11-го мая: «кажется, что любимцы
и сторонники царя Петра отнынѣ примутъ участіе въ управленіи госу-
дарствомъ; нѣсколько дней тому назадъ братъ матери его Левъ Нарыш-
кинъ пожалованъ въ бояре». Партія молодого царя подымала голову.

Царевна Софья послѣ вѣчнаго мира съ Польшей присвоила се наименованіе самодержцы. «Для чего учала она писаться съ великим государями обще?—говорила Наталья Кирилловна,—у насъ люд есть и того дѣла не покинутъ».

Между знатью было уже много сторонниковъ Петра; они откры выражали свое нерасположеніе къ правительницѣ.

Царевна стала принимать необходимыя мѣры самозащиты. В первыхъ числахъ августа 1689 г. она призвала на верхъ стрѣле кихъ начальниковъ и держала къ нимъ рѣчь:

«Долго-ли намъ терпѣть? Ужъ житья нашего не стало отъ Б риса Голицына, да отъ Льва Нарышкина. Царя Петра они съу спопли, брата Іоанна ставятъ ни во что; комнату его дровами з кидали, меня называютъ дѣвкою, какъ будто я и не дочь цар Алексѣя Михайловича; князю Василію Васильевичу хотятъ голо отрубить, а онъ добра много сдѣлалъ. Польскій миръ учинилъ; Дону выдачи бѣглыхъ не было, а его промысломъ и съ Дону о даютъ. Радѣла я о всячинѣ, а они все изъ рукъ тащатъ. Можно на васъ надѣяться? Надобны ли мы вамъ? А буде не надобны, м найдемъ себѣ съ братомъ, гдѣ кельи искать!» Стрѣльцы отвѣчал «воля ваша, государыня». Царевна наградила ихъ деньгами.

Настроеніе стрѣльцовъ перемѣнилось. Послѣ казни кн. Хова скаго и главныхъ зачинщиковъ, они не довѣряли правительницѣ, опасались гнѣва законнаго царя, за котораго могли встать потѣшн войско и земское ополченіе. Попытка Шакловитаго вызвать новы стрѣлецкій бунтъ не увѣнчалась успѣхомъ. На предложеніе погубит приверженцевъ Петра, одаренные деньгами стрѣльцы отвѣчали: «буд до кого какое дѣло есть, пусть думный дьякъ скажетъ царскій указ того возьмемъ; а безъ указу дѣлать не станемъ, хоть многажды бе въ набатъ».

Ночью на 8-е августа приказано было 300 строевымъ стрѣли цамъ идти въ Кремль. Между ними нашлось нѣсколько человѣкъ, р шившихся донести въ Преображенское. Они отперли церковь, позвал священника и, цѣлуя крестъ и евангеліе, присягнули другъ другу в вѣрности. Двое стрѣльцовъ поскакало въ Преображенское. Въ пол ночь прискакали они въ село и велѣли будить царя. Петра будят торопятъ къ бѣгству, кричатъ: «стрѣльцы идутъ въ Преображенское!» Петръ, не помня себя, вскочилъ съ постели и въ одной рубахѣ ки нулся въ конюшню. Въ сосѣднюю рощу принесли ему одежду. Вско чивъ на коня, онъ поскакалъ въ Троицкую лавру. Утромъ, утомлен наго, измученнаго царя сняли монахи съ лошади и уложили въ гор ницѣ на кровать. Со слезами на глазахъ разсказывалъ Петръ игумен объ ужасной опасности, грозившей ему изъ Москвы. Слѣдомъ за ца

емъ прибыло потѣшное войско. Толпами шли къ монастырю его приворные и приверженцы. Стали вооружаться, привозили порохъ, морры, пушки. Готовились къ рѣшительной борьбѣ. Вскорѣ пріѣхали ъ монастырь мать, жена и сестра Петровы. На другой день выступилъ изъ Москвы Сухаревъ стрѣлецкій полкъ: «съ поспѣшаніемъ для береганія его, великаго государя, и все его государскаго дому здоовье... И былъ тотъ полкъ весь при немъ въ пути отъ Москвы до онастыря и въ монастырѣ не отступно».

Но тревога оказалась ложною. Софья собирала въ Кремль стрѣльовъ для собственной защиты. «Вольно ему бѣситься», сказала она, знавъ о бѣгствѣ Петра.

Послѣ молебна, правительница говорила провожавшимъ ее стрѣльамъ: «еслибы я не поопаслась, всѣхъ бы насъ передавили потѣшные онюхи».

Борьба затянулась до середины сентября. Въ монастырь вызывали риверженцевъ Софьи, допрашивали, пытали. Шакловитый долго запирался; послѣ пытки онъ сознался, что былъ умыселъ поджечь Преображенское и убить царицу; но противъ жизни царя никогда не замышляли. Василій Голицынъ спасся только заступничествомъ своего воюроднаго брата Бориса. Съ защитниками Софьи расправились ыткой, кнутомъ и смертною казнью, при большомъ стеченіи народа.

Борьбу съ правительницей Петръ затѣялъ вовсе не изъ желанія амому править государствомъ. Никакихъ политическихъ цѣлей у него е было и не могло быть. Натура порывистая и дѣятельная, Петръ килъ потребностями минуты, личными страстями и интересами своихъ кружающихъ. Онъ не теоризировалъ и не составлялъ заранѣе плановъ. Его даже не тянуло въ Москву, въ боярскую думу, въ кремевскій дворецъ. Онъ не чувствовалъ влеченія къ забавамъ и занятіямъ московскихъ царей. Не любилъ соколиной охоты, не проводилъ цѣлые дни среди дураковъ и шутовъ, не понималъ музыки и театра. Не нравились ему чинныя казенныя собранія, въ которыхъ всѣ движенія размѣрены и предусмотрѣны этикетомъ. Онъ задыхался на чорныхъ придворныхъ обѣдахъ, въ полдень или въ десятомъ часу вечера. Московская знать возмущала его своею лѣнью, спѣсью, чванствомъ, почтенными бородами и неудобнымъ длиннымъ одѣяніемъ.

Борьба съ Софьей вызвана инстинктомъ самосохраненія, опасностью, грозившей Петру изъ Москвы. Противъ правительницы были мать и родственники, ихъ наговоры и жалобы, наконецъ, убѣжденіе и интересы всѣхъ недовольныхъ ея правленіемъ и приверженцы молодого царя, достигшаго совершеннолѣтія.

Изъ Троицко-Сергіевской лавры Петръ отправилъ къ старшем брату письмо, въ которомъ объяснялъ, что пора имъ самимъ правит государствомъ, что они уже совершеннолѣтніе и могутъ обойтись без руководства третьяго лица; со своей стороны, Петръ обѣщалъ почи тать старшаго брата. Правительницѣ царь передалъ черезъ боярин Троекурова приказаніе оставить правленіе и удалиться въ монастырь Послѣ нѣкотораго сопротивленія Софья. въ концѣ сентября, посели лась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. У воротъ его, по приказанію Петра, поставлены караулы солдатъ потѣшныхъ полковъ.

6-го октября 1689 г. молодой царь торжественно возвратился въ Москву. Старшій братъ встрѣтилъ его въ Успенскомъ соборѣ, пе редалъ ключи отъ Кремля и предоставилъ Петру всю власть, именуясь только на первомъ мѣстѣ въ государственныхъ граматахъ.

III.

Начало единодержавія.

Верховная власть перешла въ руки семнадцатилѣтняго Петра. Первыя пять лѣтъ отмѣчены полной бездѣятельностью его, какъ во внѣшней, такъ и во внутренней жизни государства. Эти годы «про текли въ военныхъ экзерциціяхъ, въ маневрахъ на сушѣ и на водѣ, въ фейерверкахъ и веселыхъ пирахъ», говоритъ біографъ Петра, Устря ловъ. Петръ не чувствовалъ влеченія къ политикѣ, какъ ее понимали московскіе правители. Наставники и близкіе друзья молодого царя не играли почти никакой роли въ государствѣ; иностранцы же были едва терпимы въ русскомъ обществѣ. Ни тѣ, ни другіе не смогли подготовить юнаго самодержца къ исполненію высокихъ обязанностей государя, не съумѣли внушить ему интереса къ дѣламъ управленія и политической дѣятельности.

Эти годы совпадали съ тѣмъ періодомъ въ жизни Петра, который нѣмцы называютъ Sturm und Drang—буря и натискъ Юный царь не былъ разборчивъ въ своемъ обществѣ. Онъ остался вѣренъ потѣш нымъ полкамъ и друзьямъ изъ Нѣмецкой слободы.

Петръ еще не обобщалъ своего чувства на всѣхъ иностранцевъ; отношенія его къ нимъ завязывались сами собой, безъ всякой пред взятой мысли. Въ Троицкой лаврѣ царь сошелся съ Лефортомъ и Патрикомъ Гордономъ, черезъ Гордона стали ему извѣстны Мегденъ и Виніусъ, а Виніусъ познакомилъ съ Кревстомъ и т. д. Особенно тѣс ная дружба завязалась у Петра съ краснорѣчивымъ женевцемъ Ле фортомъ, который, будто-бы, внушилъ ему любовь къ европейской

жизни и мысль о преобразованіи Россіи. Но едва ли личное вліяніе Лефорта было такимъ могущественнымъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки. Болѣе вѣроятна мысль Брикнера: «Нѣмецкой слободѣ было суждено служить звеномъ между западной Европой и Петромъ во время его юношескаго развитія». Любой изъ ея жителей могъ разсказать Петру объ европейскихъ обычаяхъ и порядкахъ. Сношеніе съ Нѣмецкой слободой было продолжительнымъ и постояннымъ. Его привлекали въ слободу женщины, увеселенія, пріятели и наставники. Лефортъ заслужилъ любовь и довѣріе царя своей правдивостью, безкорыстіемъ, умѣньемъ устраивать пиры на славу и остроумными бесѣдами. Но онъ ничего не понималъ въ морскомъ и военномъ дѣлахъ, которыя стояли у Петра на первомъ планѣ. Подобно Лефорту, другіе приближенные юнаго царя не отличались дѣловитостью и познаніями. Какъ истые космополиты, они нисколько не были заинтересованы преобразованіемъ русскаго общества. Теперь имъ жилось вольготно и весело; но держались они только московскимъ царемъ. Когда отъ разгула и неумѣренныхъ трудовъ Петръ тяжко заболѣлъ, вся его веселая компанія пришла въ неописуемый ужасъ. Лефортъ, Борисъ Голицынъ, Апраксинъ, Плещеевъ и др. запаслись лошадьми, въ намѣреніи при первой опасности бѣжать изъ Москвы. Имена этихъ первыхъ сотрудниковъ царя остались бы неизвѣстны потомству, еслибы самъ Петръ «не озарилъ ихъ своею славою, какъ яркое свѣтило бросаетъ лучи на своихъ спутниковъ». Весьма естественно, что иностранцы порицали при царѣ русскіе обычаи и хвалили все европейское; но навѣрное никто изъ нихъ не оказалъ на него рѣшительнаго вліянія и не развивалъ передъ нимъ плановъ преобразованія государства.

Въ январѣ 1694 г. скончалась Наталья Кирилловна. Велика была горесть Петра. Трое сутокъ плакалъ и тосковалъ онъ и только въ четвертыя провелъ вечеръ у друга своего Лефорта. Раннею весною отправили въ Архангельскъ снасти, порохъ и оружіе. Вскорѣ и самъ Петръ поплылъ на досчатникахъ по С. Двинѣ. Для своего флота онъ выдумалъ особый флагъ: красный, синій, бѣлый, ставшій русскимъ національнымъ флагомъ. Въ концѣ мая, по пути въ Соловки, Петръ претерпѣлъ страшную морскую бурю. Но опасность еще болѣе пристрастила его къ морскому плаванію. Возвратясь въ Архангельскъ, съ торжествомъ спустили въ воду выстроенный русскій корабль, а вскорѣ пришелъ и корабль, заказанный въ Голландіи. Послѣ пира Петръ писалъ въ Москву: «Бахусъ почитается и своими листьями заслоняетъ хотящимъ писати пространно». Въ августѣ царь опять

подвергся въ морѣ опасности кораблекрушенія. По возвращеніи
Москву устроили сухопутную военную потѣху, знаменитые кожух
скіе походы, съ военными совѣтами, переговорами, осадами и с
женіями. Много было перебито народу. Маневры закончились бо
шимъ пиромъ, устроеннымъ на счетъ знатнѣйшихъ купцовъ. Пет
желая изучить морское дѣло, сталъ проходить всю службу морс
съ низшихъ чиновъ и обучаться управленію кораблями. Учител
его были иностранные шкипера. Новыя знакомства съ голландца
англичанами значительно расширили его умственный кругозоръ;
Бѣлое море, холодное и пустынное, слишкомъ отдалено было
внутренней Россіи и представляло слишкомъ окольный путь
сношенія съ морскими державами. Вскорѣ затѣяли серьезное дѣ
Петръ пишетъ Апраксину: «шутили подъ Кожуховымъ, а теперь п
Азовъ играть ѣдемъ». Тѣмъ не менѣе сборы были большіе. Ц
выступилъ съ 31000 войска воднымъ путемъ—по Москвѣ рѣкѣ,
и Волгѣ до Царицына, а затѣмъ переволокомъ, по Дону до Азова
приказано было вести на Крымъ 120000 рать сухопутьемъ
Черкаска. Войско много пострадало отъ недостатка провіанта и
шадей: солдатамъ приходилось тащить на себѣ орудія и другія
жести. Предполагалось дойти въ три недѣли, а шли цѣлыхъ два
сяца. Въ Азовѣ находился 8000 турецкій гарнизонъ. Но городъ бы
хорошо укрѣпленъ и обведенъ валомъ и рвомъ. Про свое же вой
Петръ писалъ изъ-подъ Азова: «на молитвахъ святыхъ апостолъ,
на камени утвердяся». Петръ находился при войскѣ въ званіи б
бандира. Начальство поручено было Головину, Лефорту и Гордо
которые все еще остались учителями царя въ военномъ дѣлѣ. По
двухъ неудачныхъ штурмовъ, рѣшено было оставить осаду. При
ступленіи не мало войска потонуло въ Дону, погибло отъ татарс
конницы, отъ холода и голода. Цесарскій посланникъ Плейеръ, п
ѣхавшій по степи вслѣдъ за отступавшей русской арміей, разска
ваетъ, что нельзя было безъ содроганія и ужаса видѣть множес
труповъ, разбросанныхъ на протяженіи 800 верстъ и пожираемы
волками. Остатки русскихъ полковъ вступили въ Москву съ тор
ствомъ, какъ послѣ побѣды: «передъ царскимъ синклитомъ вели т
чанина, руки назадъ; у руки по цѣпи большой, вели два человѣк
Таковъ былъ первый побѣдный тріумфъ молодого царя, исполнивш
добросовѣстно обязанность бомбандира. Петръ записалъ о себѣ: «
чалъ служить съ перваго азовскаго похода въ званіи бомбандир
Иностранцы и русскіе наставники показали на дѣлѣ свое искусст
Страшная неудача поразила Петра и заставила серьезнѣе отнест

къ государственнымъ дѣламъ. Помощи ожидать не откуда, а отступать было нельзя. Отъ бѣды Петръ поднялся во весь свой гигантскій ростъ и съ громадной энергіей принялся за дѣло.

Движеніе Россіи на югъ должно было дойти до естественныхъ границъ Азовскаго и Чернаго морей. Крымскіе татары часто опустошали русскую землю, разрушали окраинные города и уводили въ плѣнъ десятки тысячъ жителей. Еще въ 1667 г. Крижаничъ писалъ въ своемъ сочиненіи: «на всѣхъ военныхъ судахъ турокъ не видно почти никакихъ другихъ гребцовъ, кромѣ людей русскаго происхожденія, а въ городахъ и мѣстечкахъ во всей Греціи, Палестинѣ, Сиріи, Египту и Анатоліи, или по всему турецкому царству видно такое множество плѣнныхъ, что они обыкновенно спрашиваютъ у нашихъ: «остались ли еще на Руси какіе нибудь люди?».

Неудачи перваго азовскаго похода указали на необходимость быстрыхъ и рѣшительныхъ перемѣнъ въ военныхъ и административныхъ дѣлахъ Россіи. Петръ былъ на то способенъ. Во что бы-то ни стало надо овладѣть моремъ. Въ какіе нибудь полгода имъ сдѣлано больше, нѣмъ въ пять лѣтъ начала царствованія. Для дѣйствія противъ турокъ съ моря и для перевоза войскъ устроился гребной флотъ на Дону. Въ Воронежъ для постройки судовъ прислано по наряду 26 тысячъ человѣкъ изъ украинскихъ городовъ. Похоронивъ царя Іоанна, Петръ самъ ѣдетъ въ Воронежъ, берется за топоръ и торопитъ работой. Вызваны запорожцы и донцы, скликаются охочіе люди, зовутъ и крѣпостныхъ для умноженія сухопутнаго войска. Къ 3 мая все приготовлено. Выступаютъ въ походъ. По Дону двинулся караванъ судовъ съ сорока тысячнымъ войскомъ. Съ нимъ плыветъ самъ царь въ званіи капитана галеры «Principium», имъ самимъ построенной. Для подкрѣпленія войска назначены донцы и запорожцы. На этотъ разъ къ осадѣ Азова приступили съ чрезвычайною осторожностью. Стали возводить земляной валъ выше городскихъ стѣнъ. Надъ нимъ днемъ и ночью работали 12000 человѣкъ. Флотъ состоялъ изъ 2 кораблей, 23 галеръ, 4 брандеровъ и многихъ мелкихъ судовъ. Съ моря русскій флотъ отогналъ турокъ, приплывшихъ на помощь осажденнымъ. Наконецъ, пріѣхали цесарскіе инженеры, которыхъ давно торопилъ Петръ, извѣщая Виніуса, что за промедленіе отвѣтитъ спина русскаго посла. Инженеры подивились землянымъ работамъ русскихъ, но не продолжали ихъ, а немедленно приступили къ подкопамъ и открыли огонь по крѣпости. Послѣ нѣсколькихъ штурмовъ турки вступили въ переговоры и сдали городъ, выговоривъ себѣ свободный выходъ съ оружіемъ въ рукахъ и со своими семействами. Въ Москвѣ вѣсть

Петра о побѣдѣ надъ страшными турками вызвала всеобщее лик
ніе. Патріархъ плакалъ отъ радости и велѣлъ ударить въ бол
колокола на молитву. Думный дьякъ прочелъ Петрову грамату;
молебенъ собралось безчисленное множество народа. Азовъ оста
за Россіей. Но надо было готовиться къ новой упорной борьбѣ
татарами и турками, чтобы удержать его за собою и овладѣть
бережьемъ Чернаго моря.

Петръ возвратился въ Москву. По дорогѣ осмотрѣлъ тул
желѣзные заводы. 4 ноября въ селѣ Преображенскомъ собра
дума, въ которой въ первый разъ принимали участіе иностран
По волѣ царя совѣтъ постановилъ обязать свѣтскихъ и духовн
лицъ составлять «кумпанства» для постройки судовъ. Начались
боты въ Воронежѣ и сосѣднихъ пристаняхъ. Лѣсъ рубили жит
украинскихъ городовъ. Плотниками, столярами и кузнецами были р
скіе. Для производства постройки судовъ вызваны мастера изъ
границы. Венеціанскій сенатъ по просьбѣ царя прислалъ 30 су
строителей, да выписано 50 мастеровъ голландцевъ, шведовъ и д
чанъ. Попадобилось еще. Общій надзоръ порученъ окольничьему П
тасьеву, названному «адмиралтейцемъ». Въ то-же время прорыв
каналъ между Волгой и Дономъ и строили гавань на Азовскомъ мо

Заботы о морской силѣ отвѣчали личнымъ наклонностямъ цар
интересамъ государства. У Петра еще не зарождалось мысли о п
образованіи; но онъ обладалъ уже гораздо бо́льшимъ: глубокимъ
знаніемъ, что успѣхъ каждаго предпріятія зависитъ прежде всего
труда. «Въ Марсовомъ трудѣ непрестанно труждаемся», пиш
Петръ изъ-подъ Азова и съ верфей Воронежа: «въ потѣ лица ѣдя
хлѣбъ свой». «И то не для себя, а для всѣхъ православныхъ х
стіанъ»,—поясняетъ въ отвѣтъ Стрѣшневъ. Молодой царь приход
къ убѣжденію, что необходимо строеніе кораблей «вѣчно утверд
въ Россіи». Вотъ первая мысль Петра о преобразованіи. Но какъ
осуществить? Царь «умыслилъ искусство дѣла того ввести въ нар
свой, и того ради многихъ число людей благородныхъ послалъ
Голландію». Но у себя дома строятъ корабли,—и ему совѣстно,
онъ заставляетъ другихъ дѣлать то, чего самъ хорошо не знаетъ
не умѣетъ. Въ рукописи Петра именно такъ говорится: «устыдя
монархъ остаться отъ подданныхъ своихъ въ ономъ искусствѣ». Н
редъ нимъ конкретная цѣль а Петръ—такой человѣкъ, чего сил
захочетъ, того неуклонно добивается. Онъ рѣшился на предпріят
отвѣчающее его личнымъ наклонностямъ и необходимое для созда
морской силы Россіи.

Русскій царь-богатырь рвался къ свѣту, къ культурной жизни. Ни Бѣлое, ни Черное моря не открывали пути ему въ страны просвѣщенныя и богатыя разнообразными интересами. На сѣверѣ—неблагопріятныя естественныя условія, отдаленность отъ населенныхъ мѣстностей и суровость климата; на югѣ—татарская орда и могущественная въ то время мусульманская Турція. На западѣ залегли Польша, съ которою Москва болѣе полстолѣтія вела войну за Малороссію, и не менѣе враждебная Швеція. Здѣсь или тамъ необходимо прорубить брешь, окно въ Европу,—было надъ чѣмъ крѣпко призадуматься. Петръ рѣшилъ самъ ѣхать въ заманчивыя западныя страны, оставить на время царство, «чтобы научиться лучше царствовать».

Передъ отъѣздомъ посольства заграницу открытъ былъ заговоръ. Нашлось нѣсколько смѣльчаковъ, недовольныхъ царемъ, рѣшившихся убить его во время поѣздки или на пожарѣ. Намѣреніе царя отправиться заграницу удивило всѣхъ: одни были смущены, другіе негодовали. Ни одинъ московскій царь не выѣзжалъ изъ предѣловъ своего государства. Вмѣсто себя Петръ учредилъ правительство изъ бояръ, подъ предсѣдательствомъ князя-кесаря Ромодановскаго.

Свита посольства состояла изъ дворянъ, волонтеровъ, множества прислуги, мастеровъ и нѣсколько иностранцевъ, жившихъ въ Россіи. Петръ предоставилъ всѣ почести посламъ — Лефорту и Головину. Чтобы разныя церемоніи не мѣшали удовлетворять его любознательности, запрещено было разславлять, что при посольствѣ ѣдетъ самъ царь московскій. Въ Ригѣ посольство встрѣчено было съ оффиціальною почестью. Петръ со своими спутниками сталъ осматривать укрѣпленія города, но губернаторъ Дальбергъ потребовалъ отъ Лефорта, чтобы онъ запретилъ своей свитѣ всякій осмотръ. Царь долженъ былъ подчиниться и, уѣзжая, назвалъ Ригу проклятымъ мѣстомъ.

Въ Курляндіи болѣе всего занимало Петра море. Оставивъ посольство слѣдовать сухимъ путемъ до Кенигсберга, Петръ съ нѣсколькими волонтерами сѣлъ на купеческій корабль и поплылъ къ берегамъ Германіи. Въ Кенигсбергѣ, по приказанію курфюрста, приготовлено было для царя роскошное помѣщеніе въ двухъ домахъ. Петръ посѣтилъ Фридриха III во дворцѣ, но просилъ соблюдать его инкогнито и не отдавать визита. Все свое время царь посвятилъ изученію артиллерійскаго дѣла, приводя въ восторгъ своими способностями и трудолюбіемъ прусскихъ инженеровъ.

Многіе придаютъ поѣздкѣ Петра значеніе подвига, предпринятаго самоотреченія. Но существуетъ и совершенно противоположное мнѣніе. Не въ натурѣ Петра было глубокое смиреніе и сдержанность.

Онъ не былъ теоретикомъ, не подчинялъ свои дѣйствія отвлеченны принципамъ. Напротивъ, ни у себя дома, ни заграницей онъ ника не отказывался отъ личныхъ стремленій, даже отъ ничтожныхъ ж лапій — и требовалъ для нихъ полнаго простора и удовлетворен Онъ поѣхалъ заграницу съ практической, конкретной цѣлью.—Пет исполнялъ свою охоту! Мало ли какія бываютъ желанія и страс У Петра была страсть къ кораблестроенію. Само incognito его мало не стѣсняло. Такъ, въ Саардамѣ царь тѣшится тѣмъ, что дра нитъ уличныхъ дѣтей; а когда мальчики бросаютъ въ него гряз и каменьями, онъ укрывается въ гостинницѣ и съ гнѣвомъ требуе къ себѣ бургомистра. Въ тотъ же день обнародовано было объяв ніе, чтобы никто не смѣлъ, подъ страхомъ наказанія, оскорбля знатныхъ иностранцевъ; на мосту, ведущемъ къ дому, гдѣ жилъ р ской царь, поставлена стража. Въ другой разъ Петръ даетъ поп чину саардамцу, зазѣвавшемуся на него, и т. д. Даже среди пира о нерѣдко приводилъ въ трепетъ своихъ пріятелей, являлись пере ними не веселымъ собесѣдникомъ, а грознымъ монархомъ, имѣющи надъ всѣми власть жизни и смерти. Вообще простотѣ жизни и без ремонности обращенія Петра напрасно придаютъ видъ какой-то мѣренности и разсчитанной подготовленности. Демократическія п вычки привиты ему случайностями воспитанія, огненными потѣха знакомствомъ съ нѣмцами, водяными прогулками и страстью къ во пому дѣлу.

Но несомнѣнно «конкретная цѣль» Петра была нѣсколько ши чѣмъ «обучиться судостроенію». Въ посольскомъ приказѣ объявл о путешествіи царя заграницу всего черезъ мѣсяцъ послѣ учреж нія кумпанствъ для постройки пятидесяти двухъ кораблей и ме чѣмъ черезъ полгода послѣ взятія Азова. Петръ желалъ утверд свою власть на черноморскихъ берегахъ. Ради этого стоило ѣха заграницу поучиться. Но, съ другой стороны, Петръ никогда не моотрекался. Въ матросской курткѣ съ топоромъ въ рукахъ онъ ос вался самодержцемъ, хотя и не любилъ, когда его называли ц ским величествомъ. Онъ никогда не отказывался отъ своей влас Въ далекой чужбинѣ царь съ каждой почтой шлетъ князю-кесар боярамъ указы и приказанія, а тѣ, въ свою очередь, доносятъ ем всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Нѣтъ ничего удивите наго и въ томъ, что Петръ полгода плотничалъ въ Голландіи. О и у себя дома былъ бомбандиромъ, корабельнымъ мастеромъ и ка ганомъ. Въ XVII ст. физическому труду придавали бо́льшее зна ніе, чѣмъ въ нашъ вѣкъ пара и электричества Петръ съ дѣтс

проявлялъ склонность къ механическимъ занятіямъ, что, съ одной стороны, объясняется его сангвиническимъ темпераментомъ и могучей организаціею, а съ другой—демократическимъ воспитаніемъ или, вѣрнѣе, самовоспитаніемъ.

Петръ не долго пробылъ въ Германіи: его тянуло къ морю. Оставивъ позади посольство, царь съ нѣсколькими волонтерами спустился внизъ по Рейну и каналамъ. Изъ Амстердама онъ пріѣхалъ въ Саардамъ. Путешественники были одѣты въ голландское платье, но толпа узнала въ нихъ русскихъ богатыхъ людей, нерѣдко собиралась около иностранцевъ и вступала съ ними въ разговоры. «Мы не знатные господа, говорилъ Петръ, а простые плотники». Но голландцы, въ особенности голландки не могли вѣрить, чтобы такой красивый, высокій и статный московитъ, съ энергичнымъ взглядомъ и краткою повелительною рѣчью, былъ только простымъ плотникомъ, а не знатнымъ богатымъ господиномъ. Петръ поселился въ домѣ знакомаго кузнеца Китца, приказавъ не разглашать, что у него живетъ царь московскій, и относиться къ нему, какъ къ своему брату рабочему. Домикъ Китца, сколоченный изъ необдѣланныхъ бревенъ, находился въ отдаленной части города. Помѣщеніе царя состояло изъ двухъ маленькихъ комнатъ, съ изразцовой печью для приготовленія пищи и глухою коморкою для кровати. Впослѣдствіи сооруженъ былъ надъ этимъ домикомъ каменный навѣсъ, для сохраненія его отъ разрушенія.

Въ Саардамѣ Петръ работалъ на верфяхъ, какъ простой плотникъ, съ топоромъ и стругомъ; ходилъ онъ голландцемъ, въ красной фризовой курткѣ, бѣлыхъ парусиновыхъ штанахъ и лакированной шляпѣ. Царь осмотрѣлъ также многіе заводы и мельницы въ окрестностяхъ города. Въ Саардамѣ онъ прожилъ недѣлю. 7-го августа Петръ возвратился въ Амстердамъ. Вскорѣ прибыло туда посольство, которому былъ оказанъ торжественный и пышный пріемъ; царь ѣхалъ въ самомъ послѣднемъ экипажѣ. На другой день Петръ, въ сопровожденіи бургомистровъ, посѣтилъ ратушу, а вечеромъ театръ; затѣмъ осматривалъ адмиралтейство, корабельныя верфи и магазины. Городъ устроилъ фейерверкъ и маневры на водѣ, царь любовался съ военнаго корабля. При помощи амстердамскаго бургомистра Витсена, Петръ опредѣлился простымъ рабочимъ на остъ-индскую верфь. Въ свободное время онъ занимался рисованіемъ, математикой и астрономіей; царь-студентъ посѣщалъ разные музеи, лабораторіи и заводы. Кромѣ Амстердама онъ былъ въ городахъ: Утрехтѣ, Дельфтѣ, Гаагѣ. Высокая культура Нидерландовъ произвела на

Петра чарующее впечатлѣніе Онъ духовно перерождается въ общ
ствѣ голландскихъ ремесленниковъ, купцовъ и ученыхъ. Его инт
ресуетъ не одно кораблестроеніе; царя занимаетъ все: искусство, то
говля, промышленность.

Сносясь съ фабрикантами, мореплавателями и учеными, Петр
пріобрѣталъ образованіе всестороннее и энциклопедическое. Довольн
часто посѣщаетъ царь анатомическій театръ и госпиталь. Въ Лейд
нѣ бесѣдуетъ съ анатомомъ Боергавомъ; въ Дельфтѣ натуралист
Леувенгокъ показываетъ ему микроскопъ и учитъ дѣлать снимк
Петръ внимательно слѣдитъ за механическими опытами въ масте
ской фонъ-деръ-Гейдена, изобрѣтателя пожарныхъ трубъ. Онъ уда
но пользуется своими личными знакомствами, чтобы завязать неп
средственныя сношенія Москвы съ промышленнымъ и ученымъ міром
Голландіи. Со многими сохранилъ переписку; черезъ другихъ, ка
напр. черезъ инженера Кегорна, царь привлекаетъ на свою служ
иностранцевъ или опредѣляетъ русскихъ въ обученіе къ голлан
скимъ техникамъ. По его настоянію, одинъ изъ братьевъ Тессинго
устраиваетъ въ Амстердамѣ русскую типографію. Архитекторъ Ши
фётъ знакомитъ царя съ зодчествомъ. Впослѣдствіи голландская а
хитектура служитъ образцомъ для построекъ въ Россіи, главны
образомъ въ Петербургѣ.

Около полугода работалъ царь на верфяхъ въ Голландіи и н
учился только тому, «что надобно доброму плотнику знать», а
«препорціи корабельной». Оказалось, что много времени потраче
безъ пользы. «Тогда зѣло стало противно,—пишетъ Петръ,—что т
кой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не д
стигъ». Царь былъ такъ недоволенъ голландцами, что въ декаб
1697 года послалъ указъ въ Москву: подчинить голландцевъ на
смотру мастеровъ датскихъ и венеціанскихъ. Узнавъ, что насто
щую науку можно изучить только въ Англіи, Петръ уѣзжаетъ и
Голландіи; впослѣдствіи онъ говорилъ: «навсегда бы остался
только плотникомъ, еслибы не научился у англичанъ».

Въ Утрехтѣ царь свидѣлся съ англійскимъ королемъ. Вил
гельмъ приказалъ предоставить въ распоряженіе царя два военны
судна и двѣ яхты. 6-го января 1698 года Петръ отплылъ въ Англі
Король и дворъ приняли царя радушно, но онъ пожелалъ остави
Лондонъ и поселился въ трехъ верстахъ отъ него въ городѣ Деп
фордѣ, рядомъ съ доками. Петръ работалъ на верфяхъ и собира
свѣдѣнія о судостроеніи чрезъ комисара и инспектора флота. Ца
часто посѣщалъ арсеналъ, госпитали, монетный дворъ, желѣзные з

оды, обсерваторію. Не было такого искусства, говоряли англичане, ь которымъ бы не познакомился практически русскій царь.

До сихъ поръ довольно крѣпко держится убѣжденіе, что Петръ нтересовался заграницей только кораблями, заводами и военнымъ скусствомъ,—до всего же остальнаго ему не было никакого дѣла. твержданотъ. что, «съ жадностью набрасываясь на техническія и рикладныя знанія, стремясь постигнуть тайну всякаго ремесла, етръ не обращалъ совсѣмъ вниманія на иныя стороны западно-европейской жизни. Во всемъ, что не касалось излюбленной имъ промышленности и военной техники, Петръ остался истымъ москвичемъ тараго закала, холоднымъ и равнодушнымъ ко всему чужому. Постоянно сталкиваясь съ протестантами, имѣя дѣло съ инымъ религіознымъ міровоззрѣніемъ, онъ не проявлялъ никакого внутренняго нтереса къ нему и безъ всякой внутренней борьбы остается тѣмъ же набожнымъ православнымъ, какимъ былъ и ранѣе. Такъе мало,' какъ вопросы религіознаго мышленія, интересовали его на ападѣ и вопросы соціальнаго и политическаго строя».

Нельзя согласиться съ этимъ мнѣніемъ: оно противорѣчитъ фактамъ и показаніямъ современниковъ. Въ Голландіи Петръ толковалъ о многими о различіяхъ вѣроисповѣданій. Стали ходить слухи, что арь намѣревается соединить православную церковь съ реформатской. лущена была въ народъ басня, что царь Петръ причащался въ Кенигсергѣ св. таинъ вмѣстѣ съ курфюрстомъ по лютеранскому обряду. Извѣстно, наконецъ, что имъ приглашались въ Москву протестантскіе ченые для учрежденія университетовъ и академій. Въ Лондонѣ етръ посѣщалъ музеи ученаго общества «Royal Society», театръ маскарады, обѣдалъ у многихъ англійскихъ лордовъ, бывалъ у пископовъ, навѣстилъ архіепископа Кентерберійскаго, присутствовалъ въ англиканской церкви и даже въ общинѣ квакеровъ. Католическое духовенство, въ свою очередь, многаго ожидало отъ прибытія царя въ Вѣну. Ходилъ слухъ, что боярин Шереметьевъ тайно принялъ уже католицизмъ. Правда, Петръ не оправдалъ надеждъ и пованій ни католиковъ, ни протестантовъ, тѣмъ не менѣе онъ интересовался христіанскими исповѣданіями, бесѣдовалъ о догматахъ, посѣщалъ заграницей иновѣрческія церкви и разспрашивалъ о разныхъ брядахъ богослуженія.

Вообще нельзя обвинять Петра въ узости интересовъ. Но несомнѣнно, техника занимала его больше, чѣмъ, напр., политическіе вопросы, хотя интересовали и послѣдніе. Любознательный царь заглянулъ даже въ англійскій парламентъ. Коронованныя лица не при-

сутствовали при преніяхъ; Петру предоставили слуховое окно над залой засѣданія. Положеніе крайне неудобное. Не понимая англій скаго языка, царь замѣтилъ, что въ парламентѣ очень много гово рятъ,—отсюда проницательные историки выводятъ, что Петръ н никогдоволенъ парламентомъ и представительной формой пра чимо

Король Вильгельмъ подарилъ царю великолѣпную яхту. Петр оставилъ королю свой портретъ, писанный Кнелеромъ, ученикомъ Рем бранта. Черезъ Голландію отправился царь въ Вѣну. Разныя обряд ности задержали пріемъ русскаго посольства. Петръ попытался от клонить Австрію отъ заключенія мира съ Турціею, но не имѣл успѣха въ своемъ намѣреніи. Вѣнцы устраивали въ честь посольств празднества. Общественныя увеселенія служили хорошей школо для молодого царя, пріучая его къ пріемамъ общежитія и обычаям европейской жизни. Не стѣсняя себя придворнымъ этикетомъ, Петр осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности Вѣны. Его уже влекла к себѣ другая морская держава — Венеція, какъ извѣстіе о новом бунтѣ стрѣльцовъ заставило царя возвратиться въ Россію.

Петръ пробылъ заграницей почти полтора года, большую част этого времени, девять мѣсяцевъ, проработавъ на верфяхъ Голланді и Англіи. «Азъ бо есмь въ чину учимыхъ, и учащихъ мя требую» такова надпись на сургучной печати царскихъ писемъ, приходящих изъ-за-границы. На печати этой былъ изображенъ молодой плотник окруженный корабельными инструментами и военными орудіями. Н результаты путешествія далеко превзошли намѣренія и ожидані самого Петра. Отправляясь заграницу, онъ желалъ прежде всег обучиться морской и военной техникѣ. Но во время путешествія он обогатился самыми разнообразными впечатлѣніями отъ западноевро пейской культуры. Петръ возвратился въ отечество съ безповоротно рѣшимостью вести Россію по пути сближенія съ западной Европой

Вѣсть изъ Москвы, что бунтъ стрѣльцовъ усмиренъ, нѣсколь успокоила царя; три дня пировалъ онъ съ королемъ Августомъ заключилъ съ нимъ тайный договоръ противъ Швеціи; по дорог царь принималъ угощеніе польскихъ пановъ и только 25 август прибылъ въ Москву.

Петръ не любилъ царицу и еще изъ-за границы поручилъ Льв Нарышкину и ея духовнику уговорить ее добровольно удалиться в монастырь и постричься. По возвращеніи въ Москву, онъ не посѣ тилъ Евдокіи, а прямо поѣхалъ къ Аннѣ Монсъ. На другой же день принимая въ Преображенскомъ бояръ, Петръ собственноручно рѣзал

ихъ пушистыя бороды и отдалъ приказъ одѣться въ европейскіе кафтаны. Ревнители старины возмутились, что царь велитъ имъ учинить надъ собой «развратное, скаредное дѣло».

Народъ съ ужасомъ видѣлъ, что царь не щадитъ добрыхъ правовъ и уставовъ благочестія. Еще до заграничнаго путешествія выискался нѣкій монахъ Авраамій, передавшій Петру говоръ о немъ въ народѣ; онъ увѣщевалъ царя перестать «творити всѣмъ печальное и плачевное» и «обратиться на лучшее». Монахъ съ оговоренными имъ на пыткахъ наказанъ и сосланъ. Но ропотъ не прекращался. Многіе отцы были недовольны отправкой ихъ дѣтей заграницу. Народъ, отягощенный работой и поборами, проклиналъ царскія затѣи и кораблестроенія. Болѣе всѣхъ кричали противъ Петра старовѣры. Они называли его антихристомъ. Съ почвы церковной борьба переходитъ на почву жизни государственной. О Петрѣ говорили, что онъ — нѣмецъ. Русскій царь погибъ въ Стекольномъ городѣ (Стокгольмѣ); вмѣсто же его правитъ теперь подмѣненный царь, оттого онъ и дружитъ съ нѣмцами, врагъ русскимъ и не любитъ святую старину. Стрѣльцы шли въ Москву «перебить всѣхъ нѣмцевъ» и бояръ за то, что они «снознались съ нѣмцами». На сторонѣ Петра стояла только небольшая кучка людей, ему лично преданныхъ и просвѣщенныхъ; противъ же него были вѣковые предразсудки и пассивный протестъ массы, переходящій порою въ открытый бунтъ. Не удивительно, что царь не былъ доволенъ слабымъ розыскомъ бояръ и ихъ снисходительной расправой съ бунтарями. «Я ихъ допрошу построже»—сказалъ Петръ и приступилъ къ новому розыску стрѣльцовъ. Допросъ и пытки производились подъ присмотромъ свирѣпаго кн. Ромодановскаго. Къ Петру пріѣхалъ патріархъ съ образомъ Богородицы. «Зачѣмъ пришелъ сюда съ иконою?» съ гнѣвомъ воскликнулъ царь: «моя обязанность и долгъ передъ Богомъ охранять народъ и казнить злодѣевъ, которые посягаютъ на его благосостояніе».

Возможно ли оправдать его? Мы спросимъ, надо ли обвинять Петра? Своей мрачной стороной онъ принадлежитъ прошедшему. Петръ сознательно подражалъ Іоанну Грозному, авторитетъ котораго чтилъ высоко. То же было тогда и на западѣ, въ той культурной Европѣ, которая служила для Петра образцомъ высшей общественности и государственности. Во Франціи его современникъ, Людовикъ XIV, заявившій, что онъ — государство, отличился не меньшимъ варварствомъ. Набожный король безбожно преслѣдовалъ мирныхъ и трудолюбивыхъ протестантовъ. Драгонпады, шайки солдатъ жестоко расправлялись съ беззащитными жителями: грабили, наси-

ловали женщинъ, били еретиковъ, рѣзали имъ тѣло ножами, рвал раскаленными щипцами, лили въ ротъ кипятокъ и т. д. «Одного из протестантовъ,—пишетъ Бокль,—по имени Ріо, они крѣпко связали сжали пальцы на рукахъ, воткнули булавки подъ ногти, жгли порох въ ушахъ, проткнули во многихъ мѣстахъ ляшки и налили уксусу насыпали соли въ раны». Въ то-же самое время такое же точн преслѣдованіе пресвитеріанъ происходило, по приказанію Іакова I въ Шотландіи. Народъ промышленный и зажиточный долженъ был бѣжать изъ своей родины въ разныя страны, гдѣ возможно был укрыться отъ грабежа и утонченнаго мучительства фанатических правительствъ. Петръ не былъ такъ изобрѣтателенъ въ пыткахъ; он казнилъ не мирныхъ и трудолюбивыхъ гражданъ, а мятежныхъ стрѣль цовъ, мѣшавшихъ ему насаждать культуру въ своемъ государствѣ онъ защищался отъ надвигавшейся на него тучи приверженцевъ тради ціи и рутины. Несомнѣнно, на западѣ Петръ всталъ бы во главѣ про свѣщеннаго гуманизма, еслибы не попалъ въ число преслѣдуемых протестантовъ.

Расправившись со стрѣльцами, царь уѣхалъ изъ Москвы въ Во ронежъ осматривать суда, построенныя въ его отсутствіе кумпан ствами. Между Турціею и Австріею шли переговоры. Приходилос на время оставить мысль о завоеваніи береговъ Чернаго моря. Посл Возницыну приказано было заключить перемиріе съ турками.

Весною 1699 года Петръ выступилъ съ флотомъ по Дону къ Азо ву. До половины августа дѣятельно снаряжали суда. Самъ цар участвовалъ въ корабельныхъ работахъ и въ то же время занималс государственными дѣлами и своими многочисленными преобразованія ми. Посолъ отплылъ въ Константинополь на сорокапушечномъ рус скомъ кораблѣ. Петръ съ сильной эскадрой проводилъ его чрез Керченскій проливъ. Турки не хотѣли пускать воснаго корабля предлагали русскому посольству идти сухимъ путемъ. Но посольств стояло на своемъ; окруженные конвоемъ турецкихъ кораблей, рус скіе благополучно прибыли въ Константинополь. 28 августа 1699 военный корабль Петра бросилъ якорь прямо противъ султанскаг сераля. Посолъ домогался мира на такихъ условіяхъ, чтобы за Рос сіей остались Азовъ и завоеванные ею города, и за русскими при знано право плавать по Черному морю. Турецкіе уполномоченны отвѣчали, что они берегутъ Черное море, какъ чистую, непорочну дѣвицу, и только тогда разрѣшатъ по немъ плаваніе чужимъ кораб лямъ, когда вся оттоманская держава упадетъ вверхъ ногами. Ино странные послы не поддержали требованій русскихъ. Послѣ долгих

переговоровъ и споровъ условились, наконецъ, заключить перемиріе на слѣдующихъ условіяхъ: царь оставлялъ за собой Азовъ и города, построенные на Азовскомъ морѣ; долженъ былъ срыть всѣ города по Днѣпру, но не принялъ на себя обязательства давать поминки (дань) крымскому хану. Тогда же Петръ сдѣлалъ первый шагъ заступничества за христіанъ, живущихъ въ турецкихъ владѣніяхъ. Турки отклонили вмѣшательство Россіи въ ихъ внутреннія дѣла, но русскимъ богомольцамъ предоставленъ былъ свободный пропускъ къ святымъ мѣстамъ.

IV.

Сѣверная война.

Для установленія прочныхъ торгово-промышленныхъ сношеній съ западной Европой необходимы были политическія завоеванія, главнымъ образомъ пріобрѣтеніе морскихъ пристаней. Отъ мало-населенной земледѣльческой страны требовались новыя жертвы, матеріальныя и нравственныя. Прежде чѣмъ преобразоваться въ культурное государство, Россія стала военной державой. Борьба со Швеціей изъ-за Балтійскаго моря продолжалась уже нѣсколько столѣтій. Еще царь Иванъ IV пытался овладѣть Эстляндіей и Лифляндіей. При Ѳеодорѣ Борисъ желалъ занять Нарву; царь Алексѣй взялъ Дерптъ и осаждалъ Ригу, но послѣ неудачной войны въ Ливоніи русскіе уступили Швеціи всѣ взятые города и возвратились къ условіямъ Столбовскаго мира.

Во время путешествія заграницу Петръ убѣдился, что на западѣ многаго ожидаютъ отъ московскаго государства, его географическаго положенія и огромнаго однoплеменнаго населенія.

Курфюрстъ бранденбургскій, при свиданіи съ царемъ, объяснилъ ему, какія выгоды можно извлечь изъ войны со Швеціей. Данія постоянно ссорилась со Швеціей изъ-за герцогства Гольштейнъ-Готторпскаго. Король Августъ замышляетъ присоединить къ своимъ саксонскимъ владѣніямъ отвоеванную отъ Польши Лифляндію. Ливонское дворянство негодовало на шведскаго короля за отобраніе имѣній, и одинъ изъ опальныхъ дворянъ, Паткуль, интриговалъ при дворѣ польскаго короля.

Петръ воспользовался этой политической комбинаціей и заключилъ договоръ съ польскимъ и датскимъ королями, обѣщая двинуть свои войска въ Ингерманландію и Корелію. При свиданіи въ Равѣ

царь и король «другъ другу обязались крѣпкими словами и дружб
безъ письменнаго обязательства, и разъѣхались». Уполномочен
Августа писалъ своему королю изъ Москвы въ 1699 г.: «Петръ
разилъ желаніе, чтобы ваше королевское величество помогли ему
нять тѣ шведскія области, которыя, по Божію милости и праву,
сущности принадлежатъ Россіи и были потеряны вслѣдствіе сму
въ началѣ этого вѣка». Но царь не прерывалъ дружественныхъ
реговоровъ со Швеціей и чрезъ своего посла кн. Хилкова обѣща
даже отнять отъ Августа Ригу, если онъ завоюетъ ее отъ шведов
Но какъ только пришла въ Москву вѣсть о заключеніи мира съ Т
ціей, Петръ объявляетъ, 19 авг. 1700 г., войну Швеціи подъ пр
логомъ возмездія за личныя обиды, наносимыя шведами русски
подданнымъ.

Петръ желалъ овладѣть сильнымъ пунктомъ на Балтійскомъ мо
и двинулъ 35000 войска на осаду Нарвы. Значительная часть эт
войска состояла изъ новобранцевъ. Въ 1699 г. былъ объявленъ н
вый рекрутскій наборъ: съ 25—50 дворовъ брали по одному челов
въ солдаты. Въ селѣ Преображенскомъ Петръ самолично дѣлалъ смот
рекрутамъ и распредѣлялъ по полкамъ; изъ нихъ на-скоро сформи
валась армія, вооруженная по образцу нѣмецкой пѣхоты. Офице
большей частью иностранцы, присланные по наряду Иноземнаго Пр
каза. Государь былъ недоволенъ ими: многіе оказались «гуляки
ликіе», другіе «не умѣли за мушкеты взяться». Приказано набира
офицеровъ изъ своихъ и обучать ихъ военному дѣлу. Въ концѣ се
тября, подъ руководствомъ инженера Галларта, русскіе укрѣпи
свой лагерь и приступили къ осадѣ и бомбардировкѣ Нарвы. Вско
пришла вѣсть, что на помощь осажденнымъ идетъ шведскій коро
Карлъ XII, уже заявившій себя побѣдой надъ Даніей. Шведск
войско считалось тогда первымъ во всей Европѣ по своему иску
ству, опытности и дисциплинѣ. Петръ поручилъ главную коман
надъ своей арміей герцогу фонъ-Круа, рекомендованному короле
Августомъ, и поспѣшилъ въ Новгородъ, чтобы побудить остальн
полки идти къ Нарвѣ. Король одержалъ полную побѣду надъ «арм
мужиковъ». Вся русская артиллерія досталась въ руки непріятел
изъ бѣжавшихъ по пути къ Новгороду до 6000 человѣкъ погиб
отъ шведскихъ пуль, голода и холода. Петръ ожидалъ неудачи,
не такого пораженія.—«Спасибо брату Карлу, сказалъ онъ: буде
время, и мы ему отплатимъ за уроки». Отдано приказаніе немедлен
укрѣплять города, готовить артиллерію и собирать новые полки.

Въ Европѣ привѣтствовали побѣду шведовъ восторгомъ и п

смѣшками вадъ Петромъ. Лейбницъ въ честь короля сочинилъ сти-
хотвореніе и выразилъ надежду, что Карлъ XII овладѣетъ москов-
скимъ государствомъ до Амура. Неудачи вызвали въ Петрѣ обрат-
ную реакцію еще большей силы; съ изумительной быстротой онъ
приготовился къ встрѣчѣ, достойной непріятеля. Но Карлъ не вос-
пользовался побѣдой и не вторгнулся въ предѣлы русскаго государ-
ства. Онъ не понималъ Петра, презиралъ «армію мужиковъ» и по-
лагалъ, что однимъ удачнымъ сраженіемъ возможно обезпечить за
собой политическое преобладаніе. Король оставилъ въ Ингерманландіи
и Лифляндіи только 15000 войска и съ отборной арміей двинулся
противъ главнаго своего врага, короля Августа, къ Польшѣ.

Нарвское пораженіе послужило для Петра отправнымъ пунктомъ
для составленія плана войны, котораго онъ неуклонно придержи-
вается, пока не достигаетъ полной побѣды надъ шведами. Царь тре-
бовалъ отъ народа матеріальныхъ средствъ и солдатъ, надѣясь впо-
слѣдствіи промышленностью и внѣшней торговлей поднять благосо-
стояніе страны. Для комплектованія арміи Петръ установилъ рекрут-
скіе наборы, общіе и частные, съ посадскихъ и духовенства. Въ
офицеры опредѣлялись иностранцы, которыхъ приманивали на служ-
бу большимъ жалованьемъ и особыми отличіями. Русскихъ дво-
рянъ надо было еще пріохотить къ службѣ, а затѣмъ уже обучать
военному дѣлу. Но неуклонная воля Петра преодолѣла всѣ трудно-
сти: съ 1706 г. иностранныхъ офицеровъ принимаютъ уже съ боль-
шимъ разборомъ и безъ всякихъ привилегій За недостаткомъ мате-
ріала, приказано лить пушки изъ старыхъ церковныхъ колоколовъ, и
черезъ какой-нибудь годъ приготовлено было около 300 орудій. Опа-
ясь Карла XII, Голландія прекратила высылку въ Россію оружія и
сукна для обмундировки солдатъ. Петръ спѣшитъ основать въ своей
странѣ фабрики и заводы: въ 1701 г. устроенъ въ Москвѣ новый
оружейный заводъ, выдѣлывающій въ годъ до 8000 ружей; улуч-
шается овцеводство и открываются суконныя фабрики. На хозяйствен-
ную и медицинскую часть царь обращалъ особенное вниманіе и не
жалѣлъ никакихъ издержекъ на питаніе солдатъ, госпитали и лека-
рей. Для общаго руководства изданъ «Военный уставъ»; въ него во-
шли правила изъ иностранныхъ уставовъ.

Въ Петрѣ пробуждался великій полководецъ, который хотѣлъ,
могъ и умѣлъ все сдѣлать самъ. Цѣлый мѣсяцъ царь продержалъ се-
бя на солдатскомъ пайкѣ, исполняя всѣ обязанности рядового, и озна-
комился такимъ образомъ съ условіями и со всѣми трудностями
службы низшихъ чиновъ: личный опытъ далъ ему достовѣрныя дан-

БИБЛІОТЕКА

ныя для опредѣленія силы и выносливости своей арміи. Обучен
вновь сформированныхъ полковъ производилось всегда подъ его п
посредственнымъ присмотромъ. Петръ велъ войну, какъ практическ
мудрецъ, разрѣшая только тѣ задачи, какія ставила ему сама жизн
онъ ясно сознавалъ свои цѣли, силы и средства, какими располагал
и никогда не добивался невозможнаго. Въ 1701 г. царь выставил
противъ шведовъ 40000 армію, на этотъ разъ подъ начальство
русскихъ генераловъ Шереметева и Апраксина. Петръ предписалъ им
занимать непріятеля малой войной, пріучая русскихъ къ военны
дѣйствіямъ, дѣлать набѣги на Лифляндію и опустошать шведскія пр
винціи. Нарвское пораженіе народъ считалъ наказаніемъ Божіимъ
нововведенія царя. Чтобы поднять духъ своей арміи и пріучить ру
скихъ къ побѣдѣ надъ шведами, Петръ приказалъ въ первое врем
нападать на непріятеля только съ превосходными силами, двойны
и тройными.

Первая побѣда русскихъ надъ шведами—29-го дек. 1701 г.—
вызвала большую радость въ Москвѣ. Въ другой разъ шведскій г
нералъ Шлиппенбахъ былъ разбитъ Шереметевымъ при Гуммельсгоф
Русскіе отряды стали опустошать Ливонію. Опустошительная войн
была введена въ систему и практиковалась русскими нѣсколько лѣт

Петръ одобряетъ дѣйствія Шереметева и приказываетъ до т
разорить шведскую провинцію. При посредствѣ Паткуля, король А
густъ заключилъ съ царемъ договоръ, по которому русскіе обязали
дать королю 12000 войска и 300000 рублей Но этотъ договор
царь заключилъ только для виду, потому что въ интересахъ русски
было не допускать поляковъ прійти въ силу, не смотря на успѣх
шведскаго короля въ Польшѣ.

Въ это время русскіе завладѣли Ингріей, бывшей нѣкогда нов
городской землей. Апраксинъ прошелъ вдоль по Невѣ до Тосны, «в
разорилъ и завоевалъ». Самъ Петръ взялъ послѣ сильнаго штурм
крѣпость Нотебургъ и, переименовавъ ее въ крѣпость Шлиссел
бургъ, назначилъ губернаторомъ города Меншикова. Послѣ того Петр
устроилъ для себя тріумфальный въѣздъ въ Москву. Изъ Москвы о
ѣдетъ въ Воронежъ, осматриваетъ по дорогѣ работы канала у ве
ховья Дона и дѣлаетъ распоряженіе о присылкѣ желѣза и рабочих
Весною неутомимый царь опять на Невѣ, строго взыскиваетъ съ В
ніуса за неаккуратную доставку въ Шлиссельбургъ артиллерійски
снарядовъ и лекарствъ, и продолжаетъ завоеванія. 25 го апрѣл
вмѣстѣ съ Шереметевымъ Петръ беретъ, послѣ сильной пушечно
пальбы, шведскую крѣпость Ніеншанцъ, при устьѣ Охты. На помо

осажденнымъ плыли съ моря по Невѣ шведы. Царь рѣшается на-
асть на шведскіе корабли. Выславъ Меншикова съ частью гвардіи
къ деревнѣ Калинкиной, онъ на остальныхъ ладьяхъ плыветъ, подъ
прикрытіемъ лѣса, вдоль Васильевскаго острова и, отрѣзавъ два ко-
рабля отъ шведской эскадры, стоящей въ морѣ, штурмомъ беретъ
ихъ. Это была первая морская побѣда русскихъ. Петръ и Меншиковъ
пожалованы отъ адмирала Головина орденами Андрея Первозваннаго.
Петръ обладалъ болѣе глубокимъ политическимъ умомъ, нежели
Карлъ XII, и не терялъ даромъ времени въ завоеванной странѣ.
16-го мая, въ день Св. Троицы, на островѣ Янни-Саари, переимено-
ванномъ въ Люстъ-Эйландъ (Веселый Островъ), заложенъ новый го-
родъ С.-Петербургъ. Первыми его постройками были деревянная цер-
ковь, домикъ царя, сохраненный до сихъ поръ, и дома царскихъ са-
повниковъ. Въ ноябрѣ 1703 г. пришелъ въ этотъ городъ первый гол-
ландскій корабль. Петръ очень обрадовался нежданному гостю, лично
встрѣтилъ его, проводилъ въ гавань и щедро одарилъ экипажъ. Въ
ту же осень онъ вымѣрилъ фарватеръ между островомъ Котлинымъ
и находившеюся противъ него мелью, и заложилъ крѣпость Крон-
шлотъ. Зимою въ Воронежѣ дѣлаетъ распоряженія о постройкѣ
шести кораблей. Отсюда отправляется въ Олонецъ, гдѣ тоже была
основана корабельная верфь. На желѣзныхъ заводахъ приказываетъ
въ своемъ присутствіи лить пушки. Весною онъ дѣятельно занялся
постройкой Петербурга.

Жизнь Петра крайне подвижна и разнообразна. Занятый непре-
рывно войною со Швеціей, онъ то и дѣло появляется въ разныхъ кон-
цахъ своего государства; поглощенный внутренними реформами, онъ
въ одно и то-же время учреждаетъ школы, организуетъ промышлен-
ность и администрацію, изыскиваетъ всевозможныя средства для
продолженія войны, устраиваетъ новыя политическія комбинаціи и
во всемъ достигаетъ блистательнаго и прочнаго успѣха. Въ концѣ
1706 г. численность русскаго войска превышаетъ 900 0 человѣкъ;
въ немъ всѣ три рода оружія: пѣхота, кавалерія и артиллерія. Эта
дисциплинированная и испытанная въ бояхъ армія могла бы смѣло
выступить противъ шведскихъ королевскихъ войскъ; но Петръ все
еще продолжаетъ вести завоевательную войну въ прибалтійскомъ краѣ
и только оборонительную въ Польшѣ. Остановимся на нѣкоторыхъ
фактахъ Сѣверной войны до движенія Карла XII въ Россію.

Въ 1704 г. Шереметевъ опустошилъ Эстонію. Въ присутствіи
Петра приступомъ взятъ Дерптъ съ 132 орудіями; жителямъ предло-
жено остаться на своихъ мѣстахъ и утверждены за городомъ всѣ его

привилегіи. Подступили къ Нарвѣ. Царь предложилъ городу сдаться Но комендантъ Горнъ отвѣчалъ язвительнымъ письмомъ, намекая н неудачу первой осады. Петръ приказалъ прочесть это письмо перед своими войсками; оскорбленіе, нанесенное царю, привело въ неистов ство русскихъ солдатъ. Бѣшенымъ приступомъ взяты укрѣпленія войска ворвались въ городъ и стали истреблять жителей не щад женщинъ и дѣтей; Петръ вооруженной силой прекратилъ напрасно кровопролитіе, но строптивому коменданту Горну далъ крѣпкую по щечину. За Нарвой перешелъ къ русскимъ Иванъ-городъ. Осенью, по сѣтивъ еще разъ Олонецкую верфь, Петръ заложилъ въ Петербург адмиралтейство, осмотрѣлъ вновь завоеванные города и въ декабр устроилъ въ Москвѣ тріумфальныя торжества по случаю возвращенія Россіи ея древнихъ земель.

Завоеваніе Прибалтійскаго края продолжалось успѣшно. Отпра вивъ Шереметева усмирять бунтъ въ Астрахани, царь назначилъ главнокомандующимъ надъ своими войсками генерала Огильви. В январѣ 1706 г. Карлъ XII, не смотря на суровую зиму, двинулся къ Гродно, думая захватить тамъ Августа; но польскій король с четырьмя русскими полками успѣлъ перемѣнить позицію и соединить ся со своимъ генераломъ Шиленбергомъ; его настигъ и разбилъ швед скій генералъ Реншильдъ. Карлъ подступилъ къ Гродно, въ кото ромъ заперлось русское войско подъ начальствомъ Огильви. Это была уже не «армія мужиковъ», а привычное къ боямъ и хорошо орга низованное войско. Но оно гибло отъ недостатка провіанта и болѣз ней, развившихся въ городѣ. Во что бы то ни стало надо было его спасти. Петръ попытался самъ пробраться въ Гродно, но шведы тѣсно облегали городъ. Тогда онъ создаетъ геніальный планъ освобожденія своей арміи и необыкновенно искусно приводитъ его въ исполненіе. Чтобы нѣсколько оттянуть шведовъ отъ города, устраиваетъ изъ 15000 казаковъ и конницы новый базисъ для русскихъ войскъ; затѣмъ двумя отрядами перерѣзываетъ сообщеніе Карла со второй шведской арміей и, такимъ образомъ, лишаетъ его самого средствъ продовольствія. Король принужденъ растянуть свое войско на нѣсколько верстъ, чтобы прокормиться наличными силами провинціи. Царь шлетъ приказаніе Огильви: воспользоваться разстояніемъ, образовавшимся между городомъ и шведскимъ лагеремъ, но только въ моментъ вскрытія Нѣмана. У русскихъ былъ въ городѣ постоянный мостъ, а у шведовъ, въ трехъ верстахъ выше Гродно, временной, не способный выдержать напоръ льда. Петръ пишетъ указъ своей арміи: бросить артиллерію, перейти во время ледохода на лѣвый бе-

регъ Нѣмана и двинуться между Брестомъ и Пинскомъ, «чтобы обойти верховье Припети и, оставя ее въ лѣвой рукѣ, идти къ Кіеву или Чернигову, и сперва зѣло поспѣшно день другой идти, чтобы непріятель не догналъ, а когда зайдете за Пинскъ, гдѣ рѣка Припеть начинается, тогда можно вамъ идти по волѣ, ибо непріятель сію рѣку, ради ея болотъ, перейтить и вамъ переду занять не можетъ; а сзади съ пѣхотою не поспѣетъ, а съ одною конницею будетъ безсиленъ». Русская армія вышла изъ Гродно именно въ то время и по той самой дорогѣ, которыя были указаны Петромъ. Шведы, не будучи въ силахъ догнать русскихъ, двинулись на перерѣзъ имъ къ Пинску; но Петромъ все было предусмотрѣно: наличныя силы и составъ обѣихъ армій, мельчайшія подробности географическихъ условій и время года. Король только напрасно измучилъ свои войска: разлившіеся ручьи и рѣчки, наконецъ, непроходимыя болота до того затруднили движеніе шведовъ, что Карлъ принужденъ былъ остановиться и дать роздыхъ своей арміи. Петрово войско прибыло въ Кіевъ, не давъ ни одного выстрѣла и почти безъ всякихъ потерь. Одно Гродно—говоритъ военный писатель Лееръ—могло бы поставить Петра въ число великихъ полководцевъ Европы.

При вступленіи шведовъ въ Россію, Петръ составилъ замѣчательный планъ обороны и проявилъ необыкновенно энергичную дѣятельность. Велѣно было укрѣплять Москву, Серпуховъ, Можайскъ, Тверь и, въ случаѣ опасности, вывозить казенныя и церковныя сокровища на Бѣлое озеро. Чтобы лишить шведовъ продовольствія, русскіе опустошали Бѣлоруссію. Въ сраженіяхъ при Головчинѣ и Добромъ побѣда куплена Карломъ XII потерею значительной части шведской арміи. Движеніе короля въ Украйну было неожиданностью для Петра, потому что ему не были извѣстны переговоры гетмана со шведами. Русскіе не преслѣдовали Карла и всѣ свои силы направили на корпусъ Левенгаупта, шедшаго изъ Лифляндіи. Въ присутствіи Петра, при мѣстечкѣ Лѣсномъ, шведы разбиты на голову. Вскорѣ царь узналъ, что малороссійскій гетманъ передался на сторону шведовъ. Немедленно же приняты энергичныя мѣры, совершенно парализовавшія всѣ послѣдствія измѣны.

Малороссія не пошла за своимъ старымъ гетманомъ. Народъ заволновался, когда узналъ о приближеніи чужеземцевъ. Вооруженныя толпы нападали на чиновниковъ, помѣщиковъ, купцовъ и евреевъ и присоединялись къ отрядамъ московскаго царя. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ и передвиженій войскъ, шведскихъ и русскихъ, военныя дѣйствія прекратились. Наступила суровая зима. Шведы гибли отъ мо-

розовъ и недостатка провіанта; отъ главной арміи отдѣлялись мелкіе отряды, которые съ оружіемъ въ рукахъ отбивали отъ малороссовъ скудные запасы. Армія Карла таяла, войска Петра пополнялись свѣжими силами. Царь узналъ, что король возбуждаетъ противъ него турокъ, а самъ хочетъ идти на Воронежъ. Въ началѣ февраля Петръ ѣдетъ въ Воронежъ и Тавровъ на корабельныя работы; со вскрытіемъ рѣкъ, несмотря на нездоровье, спускается въ Новочеркаскъ; осматриваетъ Азовъ и Троицкую крѣпость, плаваетъ по Азовскому морю, а въ маѣ, степью черезъ Харьковъ, возвращается къ войску, стоящему противъ шведовъ. Въ отсутствіи царя продолжались военныя дѣйствія.

Петръ пріѣхалъ въ армію 31-го мая. Король около двухъ мѣсяцевъ осаждалъ Полтаву, надѣясь найти въ ней большіе запасы. За рѣкой стояло русское войско. Царь извѣстилъ о своемъ прибытіи коменданта Полтавы письмомъ, брошеннымъ въ пустой бомбѣ. Онъ рѣшилъ генеральной битвой освободить Полтаву отъ осады. Нѣсколько дней совершался переходъ русскихъ войскъ черезъ Ворсклу. Стали укрѣплять лагерь шанцами. Шведы пытались взять Полтаву приступомъ, но были отбиты и сняли осаду. Король и Петръ готовились къ рѣшительному сраженію. Всѣ преимущества были на сторонѣ русскихъ. Но Петръ все еще откладывалъ бой со дня на день, поджидая 20000 калмыковъ. Карлъ проявилъ свою обычную стремительность и рѣшилъ двинуть свое войско 27-го іюня на разсвѣтѣ. «Какая безконечная разница въ распоряженіяхъ обоихъ полководцевъ! пишетъ Леверъ: у одного строгій разсчетъ, гармоническое сочетаніе рѣшительности съ осторожностью; у другого игра, самая отважная игра —все предоставлено на авось, все поставлено на карту!» Ночью, осматривая русскій лагерь, Карлъ слишкомъ близко подъѣхалъ къ сторожевому посту казаковъ и былъ раненъ въ ногу; сидя въ качалкѣ, король велѣлъ возить себя по полю сраженія. Шведскою арміей предводительствовалъ Реншильдъ Русскими войсками командовалъ фельдмаршалъ Шереметевъ, но душою сраженія былъ самъ царь Петръ. Онъ обратился къ своимъ солдатамъ съ воззваніемъ, въ которомъ воодушевлялъ ихъ на героическую защиту родины. Съ блестящей свитой пронесся онъ передъ своими полками. Онъ принималъ личное участіе въ битвѣ: то окидывая однимъ взоромъ движеніе войскъ, то появляясь, «могущъ и радостенъ, какъ бой», въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ сраженія. Шведскія пули чуть было не поразили царя: одна пробила шляпу, другая попала въ сѣдло, третья—погнула золотой крестъ, висѣвшій на его груди. Адская битва рѣшила въ два

часа участь великой арміи. Шведовъ убито въ огнѣ и схваткѣ около 9000, часть съ генералами и фельдмаршаломъ взята въ плѣнъ, остальные бѣжали. Врагъ былъ сломленъ и окончательно побѣжденъ. Только запорожцы Гордіенка ускакали; спасаясь отъ гнѣва московскаго царя, они увезли съ собой и Карла XII. Шведскій министръ графъ Пипперъ съ королевской канцеляріей сдался русскимъ въ Полтавѣ. Послѣ побѣды Петръ устроилъ пиръ на полѣ брани; возвративъ шпаги шведскимъ генераламъ, онъ поднялъ кубокъ за своихъ учителей въ военномъ дѣлѣ; но затѣмъ многихъ шведовъ разослалъ по тюрьмамъ въ далекую Сибирь.

Изъ всѣхъ битвъ, орошавшихъ землю кровью, замѣчаетъ Вольтеръ, быть можетъ, одна полтавская битва послужила ко благу человѣчества. Она дала Петру время и средства для просвѣщенія обширнѣйшей изъ странъ свѣта. Отзывъ Бѣлинскаго: «полтавская битва была не простое сраженіе, замѣчательное по огромности военныхъ силъ, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови: нѣтъ, это была битва за существованіе цѣлаго государства; это была повѣрка дѣйствительности замысловъ, столь великихъ, что вѣроятно они самому Петру, въ горькія минуты неудачъ и разочарованія, казались несбыточными, какъ и почти всѣмъ его подданнымъ. И потому на лицѣ послѣдняго солдата должна выражаться безсознательная мысль, что совершается что-то великое, и что онъ самъ есть одно изъ орудій совершенія». Петръ учредилъ въ честь полтавской битвы ежегодный праздникъ. Съ этого дня прибалтійскій край принадлежалъ русскимъ. Царь писалъ послѣ Полтавы: «теперь положенъ камень въ основаніе Петербурга». Сѣверная война еще продолжалась, но военное могущество Швеціи было окончательно сломлено: ея политическое значеніе въ Европѣ перешло къ Россіи.

Послѣ побѣды подъ Полтавой русскіе сдѣлали значительныя завоеванія въ Прибалтійскомъ краѣ. 12-го іюня 1710 г. Выборгъ сдался на капитуляцію адмиралу Апраксину. Но Петръ, принимавшій въ этой осадѣ участіе, подъ предлогомъ, что шведы задерживали въ Стокгольмѣ русскаго посла кн. Хилкова, приказалъ угнать шведскій гарнизонъ въ Россію и часть жителей перевести въ Петербургъ. Вся Эстонія покорилась; взяты города Рига, Ревель и др.; возвращена русскимъ древняя Корела. Въ память этого событія основанъ близъ Петербурга монастырь Александра Невскаго, нѣкогда одержавшаго здѣсь побѣду надъ шведами и нѣмцами. Новымъ своимъ подданнымъ Петръ даровалъ многія льготы, обѣщалъ неприкосновенность языка, исповѣданія и судовъ въ ихъ краѣ, перковскому упи-

верситету царь объявилъ свое покровительство. Въ Курляндіи правительницей была Петрова племянница, Анна Іоанновна. Относительно Польши царь перешелъ изъ положенія союзника въ положеніе господина и владыки. Данія снова вошла въ союзъ съ Россіей. Австрійскій императоръ готовился выдать свою сестру за сына Петра Алексѣя. Голландскіе штаты и нѣмецкія государства объявили нейтралитетъ для участниковъ въ Сѣверной войнѣ. Англійская королева въ своихъ сношеніяхъ съ Петромъ дала ему титулъ императора.

Война съ Турціей, вызванная Карломъ XII и союзниками Петра: валахскимъ и молдавскимъ господарями, окончилась неудачнымъ для царя прутскимъ походомъ. Русскіе уступили Азовъ со всѣмъ побережьемъ, обязываясь срыть порубежные города, не вмѣшиваться въ польскія дѣла, и заключили миръ съ турками на 25 лѣтъ. Когда потеряна была послѣдняя надежда на успѣхъ возстановить Турцію противъ царя, шведскій король, переодѣвшись въ частнаго путешественника, проѣхалъ чрезъ Трансильванію въ свои владѣнія. Русскія военныя дѣйствія сосредоточились въ Помераніи и Финляндіи. Подъ личнымъ предводительствомъ Петра въ февралѣ 1713 г. взятъ городъ Фридериксштадтъ. Царь поручилъ вести войну въ Гольштиніи датскому королю, давъ ему въ помощь русскій отрядъ подъ начальствомъ Меншикова. Возвращаясь въ Россію Петръ посѣтилъ гановерскаго курфюрста и молодого прусскаго короля, котораго онъ желалъ втянуть въ Сѣверную войну. Король, слѣдуя примѣру своего отца, увѣрялъ царя въ дружбѣ, но не начиналъ дѣйствій противъ Швеціи. Лѣтомъ 1713 г. Петръ отплылъ отъ Петербурга съ 12000 войскомъ и, приставъ къ Гельсингфорсу, прогналъ оттуда шведскаго генерала; дальнѣйшія дѣйствія въ Финляндіи были поручены вице-адмиралу Апраксину. Завладѣвъ Або, столицею Финляндіи, Апраксинъ и Голицынъ разбили шведскаго генерала Армфельда. На долю Меншикова пришлись дипломатическіе успѣхи. Онъ сошелся съ гольштинскимъ министромъ Герцомъ, который предложилъ союзъ съ Гольштейнъ-Готторпскимъ домомъ посредствомъ брака молодого герцога съ дочерью Петра, царевной Анной, а города въ Помераніи отдать въ секвестръ прусскому королю и гольштинскому администратору. Эта комбинація понравилась Петру: такимъ образомъ онъ пріобрѣталъ новаго союзника. Меншиковъ взялъ контрибуцію съ Гамбурга и Любека за ихъ сношеніе со шведами. 19-го сентября сдался Штетинъ. Но датскій король бездѣйствовалъ, а прусскій только забиралъ подъ свою власть города, завоеванные русскими. Курфюрстъ гановерскій, ставшій послѣ смерти Анны, англійскимъ королемъ, оставилъ за собою

Бременъ и Вреденъ; такимъ образомъ многіе желали поживиться на счетъ Швеціи, но вести войну предоставляли только одному Петру. Завоеваніе Финляндіи продолжалось успѣшно. Самой блестящей побѣдой была морская побѣда, одержанная самимъ Петромъ при Гангудѣ. Наконецъ, союзникамъ удалось одержать рѣшительную побѣду надъ Карломъ XII. Штральзундъ, послѣ продолжительной осады, сдался датскому и прусскому королямъ; Карлъ убѣжалъ въ Карльскрону набирать свѣжія силы для веденія войны. Петръ отправляется со своею женою заграницу. Наступаетъ періодъ дипломатическихъ сношеній; но военныя дѣйствія не прекращаются. Въ Данцигѣ весною 1716 г. царь совершилъ бракосочетаніе своей племянницы Екатерины Іоанновны съ мекленбургскимъ герцогомъ. Повидавшись съ прусскимъ королемъ въ г. Штетинѣ, онъ съѣхался съ датскимъ королемъ въ Альтонѣ. Между ними условлено соединить свои сухопутныя и морскія силы въ Копенгагенѣ. Въ мекленбургскія владѣнія вступаютъ войска Шереметева, Баура и Репнина. Петръ взялъ подъ свою личную команду галерный флотъ и 17-го іюля прибылъ въ Копенгагенъ. На рейдѣ Петра встрѣтилъ датскій король и вмѣстѣ съ нимъ вступилъ въ столицу. Петръ пробылъ въ Копенгагенѣ три мѣсяца. Пока шли переговоры и сборы, онъ ѣздилъ по морю, чертилъ карты, бесѣдовалъ съ техниками и учеными, посѣщалъ учебныя заведенія и академіи. Но союзъ русскихъ съ датчанами не наладился. Зимою Петръ въ Голландіи. Въ апрѣлѣ изъ Гааги черезъ Брюссель онъ отправляется во Францію, заключаетъ съ королемъ дружескій договоръ, немѣвшій, впрочемъ, политическихъ послѣдствій. Пребываніе Петра во Франціи произвело сильное впечатлѣніе на парижанъ. Всѣ удивлялись простотѣ и дѣловитости русскаго царя, его ясному и глубокому уму, обширности его познаній. Царя помѣстили въ Луврѣ; но ему показалось это помѣщеніе слишкомъ роскошнымъ. На другой же день онъ перебрался въ гостинницу. Его посѣтили герцогъ Орлеанскій и король Людовикъ XV. Въ присланной за нимъ коляскѣ царь отправился во дворецъ. Его встрѣтили торжественно король и придворные. Не стѣсняясь этикетомъ, Петръ взялъ малолѣтняго короля на руки и внесъ его по лѣстницѣ, среди великолѣпной свиты и дворцовой гвардіи. Въ слѣдующіе дни онъ посѣтилъ ученыя и промышленныя заведенія, осмотрѣлъ разныя достопримѣчательности Парижа. Въ области наукъ и искусствъ—говорили парижане—русскій царь превосходитъ государей, имѣвшихъ счастье родиться въ просвѣщенныхъ странахъ. 2-го августа онъ возвратился въ Амстердамъ. Начались переговоры со Швеціей. Съѣздъ уполномоченныхъ открылся черезъ

три мѣсяца на Аландскихъ островахъ. Черезъ Берлинъ и Данцигъ Петръ вернулся въ Петербургъ, послѣ второго шестнадцатимѣсячнаго путешествія заграницей.

Шведскіе дипломаты проявили необыкновенное упорство. Въ концѣ декабря 1716 г. пришла вѣсть, что Карлъ XII убитъ при осадѣ крѣпости въ Норвегіи. Шведскій престолъ перешелъ къ его младшей сестрѣ Ульрикѣ-Элеонорѣ, состоявшей въ замужествѣ за гессенъ-кассельскимъ принцемъ. Для Швеціи открывалась возможность вступить въ болѣе выгодныя соглашенія съ другими соперничествующими державами. Чтобъ сломить сопротивленіе шведовъ, царь отправилъ свой флотъ опустошать шведскіе берега, а затѣмъ послалъ Остермана, подъ бѣлымъ флагомъ, къ Стокгольму, для переговоровъ о мирѣ. Но королева, ея супругъ, аристократы отвѣчали раздраженно: послѣ такого опустошенія шведскихъ береговъ царю заключить миръ со Швеціей труднѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Конференціи прекратились. Англія, со своей стороны, препятствовала примиренію Швеціи съ Россіей. Въ іюнѣ 1720 г, по ея ходатайству, подписанъ мирный договоръ между Швеціей и Даніей. На балтійскихъ водахъ вновь появился англійскій флотъ, но Петръ во второй разъ разорилъ берега Швеціи. Наконецъ, покровительство, оказываемое гольштинскому герцогу, какъ претенденту на шведскій престолъ, заставило королеву возобновить переговоры. 30-го августа 1721 г. заключенъ окончательный Ништадтскій миръ, прекратившій Сѣверную войну. Россія пріобрѣтала въ вѣчное владѣніе Лифляндію, Эстляндію, острова Эзель, Даго и Монъ, Ингерманландію, часть Кареліи и Выборгъ; остальная часть Финляндіи возвращена Швеціи.

22-го октября праздновали въ Петербургѣ заключеніе Ништадтскаго мира: устроены молебствія, великолѣпныя торжества и роскошный пиръ для царскихъ сановниковъ и для народа. Послѣ рѣчи канцлера Головкина и привѣтствій сенаторовъ, провозгласившихъ царя императоромъ, Петръ сказалъ: «зѣло желаю, чтобъ нашъ весь народъ прямо узналъ, что̀ Господь прошедшею войною и заключеніемъ мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостью благодарить; однако, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ случилось, какъ съ монархіею греческою». Отъ имени сената и синода за всѣ старанія государя, за то, что онъ «изволилъ привести Всероссійское государство и народъ въ такую славу чрезъ единое свое руковожденіе», поднесенъ Петру титулъ «Отца отечества, императора Всероссійскаго, Петра Великаго», и установлена сенатомъ новая форма для титулованія царя въ манифестахъ и челобит-

ныхъ. Веселыя празднества и шумные маскарады продолжались болѣе мѣсяца, сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ.

Съ этого времени участіе Россіи въ общеевропейской политикѣ пріобрѣтаетъ постоянный и активный характеръ. Русское правительство вышло изъ московской замкнутости и неподвижности; оно дѣятельно составляетъ коалиціи среди европейскихъ государствъ, подыскиваетъ себѣ союзниковъ и привлекаетъ ихъ къ разрѣшенію международныхъ вопросовъ. Отвоевавъ отъ Швеціи приморскія провинціи, Россія достигла небывалаго политическаго значенія, стала одной изъ могущественнѣйшихъ державъ въ Европѣ.

V.

Государственныя реформы.

Преобразованія и реформы Петра вызваны не одною его личной волею и даже не исключительно самодержавной властью, наслѣдованной имъ отъ предковъ. Формы и направленіе его законодательной дѣятельности опредѣлялись прежними государственными началами, нуждами великой войны, кончившейся не задолго до смерти преобразователя, заимствованіями съ запада и международнымъ положеніемъ русскаго государства

«Если наша революція въ началѣ XVIII вѣка—говоритъ историкъ Соловьевъ—была необходимымъ слѣдствіемъ всей предшествовавшей нашей исторіи, то изъ этого вполнѣ уясняется значеніе главнаго дѣятеля въ переворотѣ, Петра Великаго: онъ является вождемъ въ дѣлѣ, а не создателемъ дѣла, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру». Правители обычнаго типа являются только выразителями интересовъ и воли ихъ окружающихъ. Но еще въ большей степени они являются органами воли тѣхъ, «которые уже исчезли». Ихъ роль, какъ регуляторовъ, состоитъ главнымъ образомъ «въ принужденіи повиноваться упаслѣдованнымъ правиламъ поведенія»,—правиламъ, олицетворяющимъ идеи и чувства ихъ предковъ. Но Петръ говорилъ своему кабинетъ-секретарю Макарову: «легче всякое новое дѣло начать и окончить, чѣмъ старое испорченное дѣло починивать»,—такова была «присловица» государя. Петръ, по своему воспитанію, симпатіямъ и умственнымъ склонностямъ, врагъ всякой рутины, а въ особенности традицій московской старины. Онъ не былъ и не желалъ быть «царемъ въ смыслѣ своихъ пред-

ковъ; это былъ герой-преобразователь, или, лучше сказать, основатель новаго царства, новой имперіи, и чѣмъ болѣе вдавался онъ въ свою преобразовательную дѣятельность, тѣмъ болѣе терялъ возможность быть похожимъ на своихъ предковъ». Идеи преобразованія создались, конечно, не вдругъ, въ видѣ стройной выдержанной системы; они возникали постепенно, въ зависимости отъ личнаго опыта и потребности времени. Преобразованіе совершалось необыкновенно торопливо, страстно, порывисто и безпорядочно. Царь былъ только гостемъ въ Москвѣ; то и дѣло отвлекали его военныя дѣйствія и неотложныя дѣла въ разныхъ концахъ государства. Только впослѣдствіи, когда рядомъ побѣдъ была создана внѣшняя безопасность, явилась возможность для болѣе спокойной преобразовательной дѣятельности.

Реформамъ не предшествовали общественныя движенія, которыя могли бы создать философскія основанія и теоретическія системы преобразованія. Даже высшіе классы населенія лишены были критическаго сознанія и всякой личной инпціативы въ дѣятельности. Предъ царемъ падали ницъ и называли себя холопами и сиротами, подписывались подъ челобитными уменьшительными именами, но считали себя избраннымъ народомъ; пользовались службою иностранцевъ, но называли ихъ еретиками; свои старинные обычаи, уставы признавали богоугодными и святыми наравнѣ съ церковью. Безвольное населеніе крѣпко держалось предубѣжденій и привычекъ, привитыхъ ему установившимися порядками и государственнымъ строемъ.

«Нашъ народъ,—говоритъ Петръ,—яко дѣти ученія ради никогда за азбуку не пріймутся, когда отъ матери не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что̀ явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ; не все-ль неволею сдѣлано?» Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что только насильственнымъ путемъ, съ помощью царскихъ указовъ и всесильной администраціи, возможно пересоздать народную и государственную жизнь. И державный мастеръ круто приступаетъ къ ломкѣ старыхъ порядковъ, не считаясь ни съ народной психологіей, ни съ тѣми идеями и отношеніями, которыя успѣли прочно отложиться въ хозяйственномъ быту. Орудіе его—самодержавная власть его цѣль и оправданіе – польза государства и благо народа.

Необходимо также принять во вниманіе, что молодой царь и его приближенные: Курбатовъ, Меншиковъ, Апраксинъ, Ягужинскій и др., были только самоучками и диллетантами въ дѣлахъ управленія. Московскіе бояре давно превратились въ «отпавшее зябкое дерево». Въ

царскомъ совѣтѣ они сидѣли по показанію Кошихина—«брады свои уставя и ничего не отвѣщая, понеже царь жаловалъ многихъ бояръ не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные». Такіе государственные люди не надобились Петру, а опытныхъ администраторовъ и законодателей достать было не откуда. Не сохранилось указа объ упраздненіи боярской думы; но фактъ несомнѣненъ. Первыя верховныя учрежденія Петра — «Кабинетъ» и «Ближняя Канцелярія». Въ нихъ участвовали приближенные царя, пользовавшіеся его собственнымъ довѣріемъ: Головинъ, Стрѣшневъ, Ромодановскій и др. А. В. Макаровъ состоялъ секретаремъ при «Кабинетѣ» и докладывалъ самому царю всѣ поступившія просьбы, жалобы и донесенія. Въ день объявленія войны съ Турціей, 22 февраля 1711 г., создано новое высшее учрежденіе: «опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ правительствующій Сенатъ для управленія». 2-го марта изданъ другой указъ: «всякъ да будетъ послушенъ Сенату и ихъ указамъ такъ, какъ намъ самому». Петръ убѣждалъ своихъ сотрудниковъ дѣйствовать вполнѣ самостоятельно и называлъ ихъ «господами Сенатъ». Это учрежденіе стояло гораздо выше боярской думы: въ немъ соединялся высшій судебный авторитетъ съ административнымъ и законодательнымъ.

На Сенатъ возложено было: «судъ имѣть нелицемѣрный и неправедныхъ судей наказывать; смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ и ненужные и особливо напрасные отставить. Денегъ какъ возможно сбирать, понеже деньги суть артеріею войны». Слѣдуютъ постановленія о собираніи войска, откупѣ соли, торгѣ китайскомъ и пр. Сенатъ былъ поставленъ въ живую связь съ другими учрежденіями. Въ его канцеляріи безотлучно находились коммисары изъ каждой губерніи для принятія указовъ и отвѣтовъ по дѣламъ, касательно ихъ губерній. Фискалы доносили о дѣятельности судебныхъ инстанцій и разныхъ присутственныхъ мѣстъ.

Къ реформѣ государственныхъ учрежденій преобразователь приступалъ только послѣ тщательнаго изученія и продолжительнаго обсужденія проектовъ, представленныхъ кѣмъ либо изъ его сотрудниковъ или по его личному приказанію. Такъ, въ 1698 году англичанинъ Францисъ Ли составилъ, по порученію царя, проектъ введенія коллегіальной системы въ администрацію. Петръ бесѣдовалъ о коллегіяхъ и съ Лейбницемъ, Любрасомъ и др Для него составлено было множество записокъ. Нѣсколько лицъ послано въ Швецію для изученія тамошнихъ учрежденій. Въ 1715 году царь поручаетъ генералу Вейде набрать иностранныхъ ученыхъ и въ «правостяхъ» искусныхъ людей для служебныхъ дѣлъ.

Коллегіи введены въ 1718 году. На службу предпочитали принимать плѣнныхъ шведовъ, но изъ нихъ набралось мало охотниковъ; стали вызывать чиновниковъ изъ австрійскихъ земель: по предположенію Петра, славяне скорѣй могли бы усвоить русскій языкъ и привыкнуть къ дѣлопроизводству. Для каждой изъ нихъ составлены особые законоположенія и уставы, «дабы всякій чинъ зналъ свою должность и обязанъ былъ своимъ знаніемъ, а невѣжествомъ не отговаривался». Въ провинціяхъ учреждены «земскія канцеляріи» подъ управленіемъ воеводъ и подчиненныя центральнымъ учрежденіямъ. Зданіе увѣнчивалъ генеральный регламентъ о порядкахъ и движеніи дѣлъ во всѣхъ коллегіяхъ.

Этотъ сложный механизмъ приведенъ въ дѣйствіе въ 1719 году. Новая администрація производила на массы ошеломляющее впечатлѣніе. Для русскаго уха звучали дико и непонятно названія ландрентмейстеръ-камеръ-коллегіи или кирхшпильсфохтъ и подобныя чудовищныя названія. Самъ державный мастеръ былъ сильно недоволенъ медлительностью и запутанностью во всѣхъ дѣлахъ. Коллегіальный принципъ совершенно извратился на русской почвѣ. Лейбницъ сравнивалъ администрацію съ часовымъ механизмомъ, колеса котораго сами приводятся въ движеніе. На практикѣ же административная машина вышла изъ рукъ вонъ плохою. Колеса не двигались, тормазили другъ друга и ломались. Угрозы и суровыя мѣры, къ которымъ такъ любилъ прибѣгать государь, мало помогали дѣлу. Въ своемъ указѣ Петръ изображаетъ такую картину современнаго порядка: отъ губернаторовъ и воеводъ «не только слабое отправленіе идетъ, но и весьма много ослушаніе чинится и якобы ни во что оное вмѣняя тщатся только возстановить надлежащій въ коллегіи порядокъ, а фискалы о томъ не доносятъ... Одинъ судъ другой судъ ни во что вмѣняетъ и не только исполнять, но и яростью поносить хочетъ». Все дѣлалось, какъ будто, наперекоръ, въ насмѣшку надъ указами царя и даже надъ самимъ генеральнымъ регламентомъ «Господа Сенатъ» тоже не оказались на высотѣ своего призванія. Въ 1719 году появляется указъ: «никому въ Сенатѣ не позволяется разговоры имѣть о посторонникъ дѣлахъ, которыя не касаются службы нашей, тѣмъ менѣе заниматься бездѣльными разговорами или шутками, понеже Сенатъ собирается вмѣсто присутствія его величества собственной персоны». Въ коллегіяхъ не шутили, не разговаривали, но и дѣла не дѣлали. За неисполненія указовъ царь угрожалъ разореніемъ, ссылкою и лишеніемъ живота. Губернаторамъ приказано провинившимся сковывать ноги, накладывать цѣпи на шеи и не отпускать до тѣхъ поръ, пока

не исполнятъ предписанія. Но жалобы и доносы продолжали поступать со всѣхъ сторонъ. Петръ грозитъ самимъ губернаторамъ и высшимъ властямъ жестокими наказаніями за всѣ неисправности. Своенравный царь никакъ не могъ понять, что имѣетъ дѣло не съ мертвымъ матеріаломъ, изъ котораго что угодно можно мастерить, а съ живыми людьми, съ народомъ, обладавшимъ славнымъ историческимъ прошедшимъ.

Въ области торговли и промышленности дѣятельность Преобразователя оказалась болѣе успѣшною. Въ апрѣлѣ 1702 г. изданъ знаменитый манифестъ о вызовѣ иностранцевъ въ Россію. Въ немъ Петръ Великій объясняетъ свой взглядъ на задачи государственной дѣятельности.

Въ XVII вѣкѣ наша торговля ограничивалась перевозкою въ предѣлахъ государства хлѣба, сала, кожъ, дегтя, сырыхъ продуктовъ или товаровъ низшаго сорта. Города малонаселенные отличались отъ деревень только просторною базарною площадью, бо́льшимъ количествомъ церквей и крѣпостью, обыкновенно, земляною. Жители, посадскіе и купцы, не оставляли земледѣлія, промышляли кустарничествомъ, выдѣлкою грубаго полотна и мелочнымъ торгомъ сельскими продуктами и издѣліями для домашняго потребленія и обихода. Ремесла находились въ зачаточномъ состояніи, съ художествомъ и изящными искусствами русскіе совсѣмъ не были знакомы. Богатые и знатные люди покупали предметы комфорта и роскоши отъ иностранныхъ купцовъ. Правительство выписывало изъ-заграницы сукна, металлическія издѣлія и даже пушки и ядра. При Алексѣѣ Михайловичѣ стали заводиться металлургическіе заводы. Но только при Петрѣ положено основаніе крупнаго производства въ различныхъ отрасляхъ промышленности, а съ пріобрѣтеніемъ морскихъ пристаней—и начало русской внѣшней торговли.

Въ хозяйственномъ быту царь хотѣлъ быть такимъ же наставникомъ своего народа, какъ и въ государственныхъ порядкахъ. Во многихъ отрасляхъ технологіи Петръ былъ знатокомъ, хорошимъ работникомъ и въ нѣкоторыхъ ремеслахъ спеціалистомъ. Онъ предписывалъ всѣмъ и каждому, ремесленнику, купцу и даже земледѣльцу, какъ должно работать и извлекать выгоду, и всячески вмѣшивался въ народную промышленность Нѣкоторыя распоряженія дѣйствительно оказали пользу, но другія остались безъ послѣдствій или были напрасной тратой средствъ и вызывали жестокое обращеніе съ людьми. Впрочемъ Петръ самъ жалуется, что изъ всѣхъ дѣлъ администраціи торговля представляетъ наиболѣе затрудненій.

По приказанію царя, по всему государству разъѣзжали особые свѣдущіе люди, отыскивали наиболѣе удобныя мѣстности для различныхъ производствъ. Основывались фабрики и заводы. Особенное стараніе, въ виду корабельныхъ работъ, приложено было къ сохраненію лѣсовъ. Петра называютъ первымъ русскимъ лѣсоводомъ. Для развитія овцеводства и шерстяной производительности выписаны пастухи изъ Силезіи; устроены мануфактуры шелковыхъ издѣлій; приняты разныя мѣры для улучшенія домашняго скота и т. д. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, правительство установило новую должность «прибыльщиковъ», которые обязаны были изыскивать всевозможные источники доходовъ. По ихъ предложенію введена гербовая бумага, сдѣланъ выпускъ легковѣсной монеты, отданы на откупъ ловли и установлены многіе новые налоги. Если съ одной стороны правительство старалось развить промышленность и благосостояніе, то съ другой,—съ неменьшей ревностью оно преслѣдовало цѣли фискальныя, устанавливало налоги на всевозможные предметы потребленія и промыслы. О недостаткахъ экономической политики петровскаго времени говоритъ, между прочимъ, и Посошковъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «о скудости и богатствѣ»: «въ поборахъ за гривну изъ человѣка хотятъ душу вытянуть, а гдѣ многія тысячи погибаютъ, того не мало смотрятъ... а что тѣмъ собираніемъ не мало бѣдъ надѣлаютъ, того не смотрятъ и не радѣютъ о томъ».

Столкнувшись заграницей, главнымъ образомъ въ Голландіи, съ промышленной и культурной буржуазіей, Петръ В. многаго ожидалъ отъ организаціи русскаго городского населенія по западно-европейскому образцу. Законодатель говоритъ, что въ Россіи ремесленники и купцы «отъ всякихъ бѣдъ, нападковъ и отягощеній неспосны, едва они не разорены, отчего иныхъ весьма умалилось, что̀ есть не безъ важнаго государственнаго вреда»; средство противъ этого зла—городское самоуправленіе.

Заботы Петра о промышленномъ классѣ выразились «въ улучшеніи торговыхъ уставовъ и устройствѣ гильдій и полиціи»; 16 янв. 1721 г. изданъ регламентъ главнаго магистрата. Гражданами признаны только ремесленники и торговые люди. Живущіе наймомъ черноработочіе не были признаны дѣйствительными гражданами. Къ сословіямъ города не отнесены также шляхетство и духовенство, не причастное торговлѣ. Магистратъ состоялъ изъ зажиточныхъ гражданъ и выбиралъ себѣ президента или бургомистра. Магистраты вѣдали торговлю и экономію города и не подчинялись воеводамъ и губернаторамъ. По уголовнымъ дѣламъ купцы и ремесленники подле-

жали суду главнаго магистрата; послѣдній обязанъ былъ также устраивать ярмарки, заводить биржи и вообще стараться, чтобы города были «въ такую знатность и почтеніе приведены, какъ въ оныхъ государствахъ обыкновенно есть». Оберъ-президентъ главнаго магистрата присутствовалъ въ засѣданіяхъ камеръ-коллегіи и могъ дѣлать предложенія о перемѣнахъ уставовъ, касающихся торговли и мануфактуръ, налоговъ и поборовъ, обременяющихъ горожанъ.

Тѣмъ не менѣе на промышленность и торговлю Петръ В. смотрѣлъ только какъ на нѣкоторую службу государству.

Первая ревизія 1719 года не дѣлала различія между холопами, полусвободными кабальными и крестьянами. Такимъ образомъ, независимо отъ намѣреній Преобразователя, крѣпостничество усилилось пространственно. Процессъ закрѣпощенія окончился установленіемъ новой податной единицы: ревизской души. Подворная подать замѣнилась поголовной или подушной. Податью облагалось не хозяйство, даже не доходность труда, а сама личность; положеніе холопа улучшилось, но крестьянство теряло, потому что собирали съ него подати и отвѣчали за него предъ правительствомъ не выборныя начальства, а частные собственники; такимъ образомъ создалась полная личная зависимость крестьянина отъ землевладѣльца. Государство болѣе не признавало вольныхъ, гулящихъ людей. Указомъ 1722 года велѣно было всѣхъ гулящихъ писать въ солдаты, негодные же для службы должны сыскать себѣ опредѣленное занятіе, иначе имъ грозили галерныя и другія работы.

Дворянство, т. е. разныхъ «чиновъ» служилыхъ людей московскаго государства, законодательство Петра окончательно обособило въ «Корпусъ» дворянства,—сословіе, пока еще съ чужимъ именемъ «шляхетства». Русское дворянство обречено было всю жизнь служить государству; правительство часто призывало дворянъ въ столицу на смотръ съ дѣтьми и сродниками; непослушнымъ царскому указу грозило отобраніемъ имѣній.

Основы дворянскаго землевладѣнія подверглись существеннымъ измѣненіямъ: владѣлецъ обязанъ былъ передать свое недвижимое имущество одному изъ своихъ прямыхъ наслѣдниковъ, а другихъ надѣлить движимостью, ибо отъ раздѣла дворянской земельной собственности «великій есть вредъ, какъ интересамъ государственнымъ, такъ подданнымъ и самымъ фамиліямъ паденіе». Но майоратство не привилось на русской почвѣ.

Табель о рангахъ—24-го янв. 1722 г.—во-первыхъ, устраняла, въ принципѣ, замѣщеніе тѣхъ или другихъ должностей по знатности

рода и, во-вторыхъ, открыла доступъ къ дворянству другимъ сословіямъ. Государственная служба раздѣлялась на военную, статскую и придворную, и каждая раздѣлялась на 14 степеней или классовъ. Для ранговъ полагался уборъ и прочіе знаки отличій: «понеже знатность и достоинство какой особы часто умаляется, когда уборъ и прочій поступокъ чѣмъ не сходствуетъ». Уничтожая преимущество рожденія, табель о рангахъ вносила въ жизнь новое зло: низкопоклонство, пролазничество, чванство чинами и т. д. Дворянамъ заведены особые списки; такимъ образомъ положено начало родословнымъ книгамъ и герольдіи. За высшія заслуги жалуются иностранные титулы, гербъ и нѣкоторыя особыя права и преимущества.

Всѣми этими мѣропріятіями Петръ В. не предполагалъ создать классъ людей, превращающихъ государственную службу въ доходную профессію и отождествляющихъ себя съ правительствомъ, свои личныя выгоды и интересы корпораціи съ пользой и интересами государства. Преобразователь не щадилъ чиновничество, незамедлившее воспользоваться своимъ привилегированнымъ положеніемъ въ ущербъ казнѣ и во вредъ народу 24-го декабря 1713 года лицамъ всѣхъ званій, и великихъ, и малыхъ, запрещается брать посулы и пользоваться казенными доходами, подъ предлогомъ торга, подряда и т. п.; за нарушеніе закона виновный «жестоко на тѣлѣ наказанъ, шельмованъ, всего имѣнія лишенъ и изъ числа добрыхъ людей извержепъ и смертью казненъ будетъ». Сами обыватели обязаны обличать такихъ преступниковъ, «не выкручиваясь тѣмъ, что страха ради сильныхъ лицъ, или что его служитель». Не ограничиваясь указами, правительство преслѣдовало взятки и казнокрадство особыми печатными объявленіями, которыя оповѣщались народу чтеніемъ въ церквахъ. 31-го декабря 1719 года дана инструкція фискаламъ «присматривать, чтобы служащіе исполняли свои должности не во вредъ царя и безъ отягченія подданнымъ». Однако — говорится въ приказѣ — «по одному разглашенію и безъ основанія вѣрнаго и добраго служителя Его Величество въ чести, животѣ и имѣніи по своему произволенію не повреждать». Тѣмъ не менѣе, уже въ іюнѣ 1720 г. Нестеровъ докладывалъ царю, что поступило множество жалобъ на губернаторовъ, вице-губернаторовъ и другихъ чиновниковъ. Народъ со своей стороны роптalъ, что его въ конецъ разорили на правежахъ и измучили разныя областныя власти.

Государю очень не по сердцу были клаузы фискаловъ и развившаяся въ народѣ страсть къ доносамъ; но другого контроля надъ дѣйствіями администраціи Преобразователь пока не могъ домыслить.

Тѣмъ съ бо́льшею жестокостью преслѣдуетъ онъ крупныхъ взяточниковъ. Такъ, кн. Гагаринъ, сибирскій губернаторъ, по приказанію царя, былъ повѣшенъ. Архангельскій вице-губернаторъ Курбатовъ умеръ подъ слѣдствіемъ, не дождавшись суда. Петербургскій вице-губернаторъ Корсаковъ публично наказанъ кнутомъ; сенаторамъ кн. Волынскому и Опухтину жгли языки каленымъ желѣзомъ; доходъ съ имѣній Меншикова шелъ на погашеніе казенныхъ растратъ; самъ оберъ-фискалъ Нестеровъ былъ мучительно казненъ; многіе знатнѣйшіе сановники лишены имущества, наказаны кнутомъ и сосланы.

Царь сознавалъ необходимость въ новомъ кодексѣ законовъ. 8-го августа 1720 г. приказано учредить коммиссію для составленія русскаго уложенія по лифляндскимъ, эстляндскимъ, а болѣе по шведскимъ законамъ.

Одновременно съ городскимъ самоуправленіемъ вводилось коллегіальное устройство въ дѣла и порядки церкви. Петръ принималъ непосредственное участіе въ составленіи духовнаго регламента. Въ немъ сказались глубокая ненависть къ старинѣ и раціонализмъ, свойственный умственному складу государя. Регламентъ вооружается противъ множества предразсудковъ, злоупотребленій вѣрой въ чудотворныя иконы и т. д. и указываетъ на необходимость образованія: «всекопечная нужда имѣть нѣкоторыя краткія и простымъ человѣкамъ вразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ заключится все, что къ народному наставленію довольно есть, и тыя книжицы прочитать по частямъ въ недѣльные и праздничные дни въ церкви предъ народомъ». Епископы обязаны учреждать школы для первоначальнаго обученія священническихъ дѣтей; библіотеки при школахъ должны быть открыты во всѣ дни и часы; предполагалось завести семинаріи и академіи и пр. Затѣмъ слѣдуютъ постановленія о духовныхъ проповѣдникахъ, раскольникахъ, постройкѣ церквей, духовной цензурѣ, коллегіальномъ управленіи, судѣ и т. д. Указомъ 14-го февраля 1721 г. упразднялся монастырскій приказъ и архіерейскія имѣнія переходили въ вѣдомство синода.

Петровское правительство призывало къ труду и службѣ государству всѣ сословія, безъ различія сана и происхожденія. Сѣверная война потребовала ужасныхъ издержекъ; населеніе было отягощено рекрутскими наборами, налогами и натуральными повинностями. Въ январѣ 1724 г. изданъ именной указъ св. синоду: «надлежитъ искать способы, какимъ бы образомъ иной путь предъ Богомъ угодный и предъ людьми непостыдный и неблазненный былъ... Понеже большая часть монаховъ тунеядцы есть... а гдѣ и сами трудятся, то только одну долю отъ трехъ противъ поселянъ работаютъ».

Главное вниманіе Петра В. впродолженіе всего царствовані обращено на организацію сухопутнаго войска и созданіе военнаго фло та. Имъ установлены постоянные рекрутскіе наборы и создана ре гулярная армія. Военные люди стали принадлежать исключительн своей службѣ и не допускались къ занятію другими дѣлами. Им выдавалось опредѣленное жалованье и казенный провіантъ. Кодекс военныхъ законоположеній составленъ еще до открытія военной кол легіи; онъ опредѣлялъ не только права и обязанности подчиненных и начальства, но и военное судопроизводство и устройство арміи. Ад миралтейская коллегія устанавливала единство въ управленіи фло томъ и всѣми морскими дѣлами. Въ концѣ царствованія Петра В регулярное войско достигало 180000 человѣкъ. Оно было вооружен и обмундировано по западно-европейскимъ образцамъ, прекрасно дис циплинировано и испытано въ бояхъ. Издержки на содержаніе флот быстро возрастали. Въ 1721 г. расходъ на морское дѣло, включа сюда и заводы, приписанные къ морскому вѣдомству, простирался д 1.150 тыс. рубл., что составляло болѣе ½ общаго военнаго бюд жета. Русскій флотъ состоялъ изъ 48 линейныхъ кораблей и до 80 мелкихъ судовъ при экипажѣ въ 28000 человѣкъ. Для флота и ар міи Петръ не жалѣлъ ни средствъ, ни людей. Въ своемъ указѣ регламентахъ онъ часто объясняетъ, что отъ военнаго могущества зависятъ крѣпость государства, благосостояніе народа и успѣхи в внѣшней политикѣ.

VI.

Общественныя преобразованія.

«Говоря о Петрѣ, многіе видятъ въ немъ больше реформатора, говоритъ Бѣлинскій, и забываютъ колоссально-нравственный и религіозный духъ, котораго вся жизнь была страстнымъ служеніемъ идеѣ». Въ XVII вѣкѣ народъ и общество сильно волновали религіозные интересы: столкновеніе новыхъ учителей со старыми повело къ церковному мятежу, расколу. Молодые люди, получившіе свѣтское образованіе или обучившіеся у западныхъ монаховъ, не могли не видѣть, что духовные авторитеты многое толкуютъ неправильно и произвольно, насилуя живое чувство и здравый смыслъ, придаютъ слишкомъ большое значеніе простой обрядности и внѣшнимъ формамъ благочестія. Нѣкоторые раскольничьи толки проявили сильное стремленіе освободиться отъ всякаго авторитета и склонность принять ра-

ціоналистическія ученія. Борьба получила особенную страстность, потому что вопросы религіи тѣсно соприкасались съ вопросами нравственности и общаго просвѣщенія. Дѣти «поповъ, дьяковъ и всякихъ церковныхъ причетниковъ — говоритъ современникъ — не обучаются грамотѣ, живутъ въ гулякахъ, ходятъ за неподобными промыслами и воровствомъ». Правительство издаетъ указы, чтобы бѣлое духовенство «дѣтей своихъ, братью и племянниковъ отъ всякихъ неподобныхъ и воровскихъ промысловъ унимали, всякому доброму дѣлу учили, чтобы они за воровствомъ впередъ не ходили, а которые захотятъ добровольно записываться въ нашу службу, тѣмъ не запрещали». При дворѣ благочестиваго Алексѣя Михайловича, въ первые годы дѣтства Петра, вотъ, напримѣръ, какіе факты происходили въ самой Москвѣ. Пріѣзжаетъ къ царю въ Преображенское стольникъ Посниковъ съ челобитной на патріарха, что онъ посадилъ отца его, духовника царскаго, «въ смиреніе на цѣпь безвинно, — такъ чтобъ великій государь изволилъ бы придти въ Москву и его изъ смиренія освободить». Пріѣзжаетъ царь въ Москву и посылаетъ за патріархомъ; тотъ явился, «про то попово неистовство, невѣжество и мздоимство многое извѣщалъ; держитъ у себя жонку многое время, духовника патріарша къ себѣ не пускалъ и его патріарха безчестилъ». Дѣло Іосифа, хранящееся въ Синод. библіотекѣ, передаетъ, что «называлъ Іосифъ великаго государя, будто великій государь г...., и бол..., д....; патріарха называлъ глупцомъ и безлюдицею; архіереевъ скотами и трусами, шушерою. Ѣздилъ въ домовыя свои и монастырскія вотчины съ монахами и домовыми людьми, а послѣ стола въ селахъ и погостахъ и на лугахъ предъ нимъ напився отецъ его духовный, архимандритъ Голутьина монастыря, дьякъ и иные духовные люди смѣхотвореніемъ многимъ и кощуны всякими боролися, и у тѣхъ монаховъ въ борьбѣ ихъ подолы непристойно оборочались». Если такія явленія происходили въ Москвѣ, въ Коломнѣ,—замѣчаетъ Соловьевъ,— то что же могло происходить гдѣ-нибудь подальше, на окраинѣ? Изъ духовныхъ лицъ многія участвовали въ разбояхъ и грабежахъ. Такъ напримѣръ, разбойничалъ и укрывалъ награбленное старецъ Оеропонтъ, строитель Тартенской пустыни, и др. Это-то духовенство, при первыхъ попыткахъ Петра реформировать русскую жизнь, стало распространять про царя самые нелѣпые слухи: «нѣмцы царя обошли, испортили; прежніе государи по монастырямъ ѣздили, Богу молились, а нынѣшній государь только на Кокуй ѣздитъ. Начальные люди измѣнили православной вѣрѣ; государь ѣздилъ за море, полюбилъ вѣру нѣмецкую, будетъ то, что станутъ по средамъ и пятницамъ бѣльцы и старцы ѣсть молоко» и т. д.

Всѣ эти слухи и обличенія доходили до Петра; «враги мои, онъ говорилъ: — бородачи-старцы и попы», и всѣми средствами власти и просвѣщенія боролся съ ихъ вліяніемъ. Суевѣрія, предразудки и мистицизмъ ѣдко осмѣяны Петромъ еще въ молодости, учрежденіемъ «всешутѣйшаго, всепьянѣйшаго и сумасброднѣйшаго собора». Въ народѣ нелѣпые слухи держались крѣпко и долго; но на верху не придавали имъ никакого значенія; лучшіе и сильные люди были увлечены всеобъемлющимъ движеніемъ преобразованія.

Съ 1700 года лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра замѣнено новымъ отъ Рождества Христова; новый годъ праздновался не по древнему обычаю, 1-го сентября, а, какъ во всей Европѣ, 1-го января. Указъ за указомъ слѣдовалъ съ ужасающей быстротой. Подъ страхомъ пени велѣно брить бороды, носить иностранное платье, устраивать народныя увеселенія по заграничному образцу, съ музыкой и танцами, для женщинъ вмѣстѣ съ мужчинами; приказано не совершать браковъ по волѣ родителей, безъ заявленія желанія невѣсты и жениха; при встрѣчѣ съ царемъ не падать на колѣна, не уничижать своего человѣческаго достоинства, не подписываться подъ прошеніями уменьшенными именами. «Какое же различіе между Богомъ и царемъ,—говоритъ Петръ,—когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе!» Чтобы нѣсколько смягчить жестокіе нравы, государь запретилъ продажу и ношеніе при себѣ длинныхъ остроконечныхъ ножей, которыми русскіе часто дрались до смерти. Велѣно всѣхъ безъ дѣла шатающихся людей забирать и, если окажутся годными, сдавать въ солдаты; нищенство, знахарство, самозванное лѣкарство строго преслѣдовалось; послѣ большого пожара въ Москвѣ царь приказалъ строить каменные дома или глиняныя мазанки. Подобныя же правила о постройкахъ распространить на всѣ монастыри.

Съ упраздненіемъ патріаршаго престола всѣ архіерейскія и монастырскія дѣла перешли въ особый приказъ подъ начальствомъ Мусина-Пушкина. Монахи отстранены отъ дѣлъ и всѣ духовныя вотчины переписаны. Всѣхъ проживающихъ въ монастыряхъ въ качествѣ гостей и родственниковъ удалили, а дѣвицъ, моложе сорока лѣтъ, приказано было выдать замужъ. Монастыри обязаны дѣлиться другъ съ другомъ своими доходами; излишекъ же отдавать на богадѣльни и больницы. Церковныя пустоши розданы во владѣніе частнымъ лицамъ съ уплатою за нихъ вдвое, втрое больше прежняго дохода. Чтобы монахи не смущали народъ своими грамотами, приказано не давать имъ въ кельи чернила и бумагу, пусть пишутъ при настоятелѣ монастыря. Встрѣтивъ сопротивленіе со стороны великорусскаго

духовенства, Петръ В. назначаетъ на архіерейскія мѣста малороссовъ, которые были образованнѣе и гораздо охотнѣе подчинялись указамъ правительства. Онъ не долюбливалъ монашества, но не упразднялъ его совершенно. «Могутъ ли у насъ монахи имя свое дѣломъ исполнить?»—спрашиваетъ Петръ въ одномъ указѣ:—«сего весьма климатъ сѣверныя наши страны не допускаетъ и безъ трудовъ своихъ или чужихъ весьма пропитаться не могутъ». Но въ дѣлахъ религіи правительство придерживалось либеральныхъ началъ, охотно предоставляя каждому христіанину спасать свою душу по своему усмотрѣнію. 14-го марта 1720 года изданъ указъ, разрѣшающій раскольникамъ, при уплатѣ двойного оклада, открыто принадлежать къ расколу.

Особое вниманіе Петра было обращено на устройство и благочиніе городовъ и прежде всего основаннаго имъ С.-Петербурга. На его земляныя и строительныя работы высылались здоровые и молодые люди со всей страны десятками тысячъ. Провіантъ для этихъ землекоповъ, каменщиковъ и кирпичниковъ собирался со всего государства по числу дворовъ натурой и деньгами. Для различныхъ сооруженій приписаны были къ Петербургу цѣлые города съ уѣздами: Олонецъ съ желѣзными заводами, Каргополь, Бѣлоозеро, Устюжна, волости Новогородскаго уѣзда, архангельскихъ провинцій и т. д. Населяли новую столицу людьми первостатейными и средняго достатка, иностранными мастерами и торговцами, чиновниками военной и гражданской службы и царедворцами. Петръ хотѣлъ привлечь въ Петербургъ все, что только было лучшаго въ остальной Россіи. Строились зданія преимущественно каменныя по плану, указанному правительствомъ. Въ 1714 году произведена въ Петербургѣ первая перепись; оказалось всего 34500 домовъ. Изданы строгія правила о сохраненіи улицъ и дворовъ въ чистотѣ, сухости и порядкѣ. Полиція наблюдала за опрятностью и благочиніемъ въ новомъ городѣ, забирала «гулящихъ и слоняющихся людей», уничтожала притоны разврата и пьянства и не пропускало чрезъ шлагбаумы, устроенные по улицамъ, ни одного подозрительнаго человѣка; нищіе забирались, строго наказывались и высылались изъ Петербурга. Содержаніе полиціи, въ 1721 году, стоило 28.000 руб. Въ томъ же году приказано для вывоза нечистотъ завести лошадей съ особой прислугой и устроить освѣщеніе на Васильевскомъ островѣ изъ 595 фонарей. Петръ съ любовью занимался новымъ городомъ и называлъ его своимъ парадизомъ.

Въ 1717 году учреждены «ассамблеи», на первый разъ въ Петербургѣ. Это были общественныя собранія съ цѣлью развлеченій.

Объ открытіи ихъ сообщалось на улицахъ и площадяхъ съ барабанным боемъ. По толкованію указа. «Ассамблея есть слово французское, которое на русскомъ языкѣ однимъ словомъ выразить невозможно, но обстоятельно сказать—вольное, гдѣ обращеніе или съѣздъ дѣлается не только для забавы, но и для дѣла, гдѣ можно другъ друга видѣть и переговорить или слышать, что дѣлается». Входъ на ассамблею доступенъ былъ каждому прилично одѣтому человѣку, кромѣ слугъ и крестьянъ. Хозяинъ не обязанъ устраивать для гостей, даже для знатнѣйшихъ и самого царя, особаго пріема и удовольствій. Въ комнатѣ для танцевъ или въ другомъ помѣщеніи приготовлялись: табакъ, трубки и питье для жаждущихъ. Карточная игра въ обществѣ строго воспрещалась. Главное развлеченіе на ассамблеяхъ составляли танцы, посредствомъ которыхъ женщины знакомились съ мужчинами и молодые люди сближались между собою; въ другихъ покояхъ играли въ шашки и шахматы, дамы устраивали игры въ фанты. Богатые, устраивая у себя ассамблеи, обставляли ихъ роскошью и разнообразнымъ угощеніемъ. За нарушеніе установленныхъ приличій всѣ, не исключая и знатнѣйшихъ вельможъ, подвергались одинаковому штрафу: должны были выпивать наполненный виномъ кубокъ Великаго Орла. Такія же правила установлены для ресторановъ и другихъ заведеній, гдѣ устраивались балы и разныя развлеченія. Общественными увеселеніями Петръ предполагалъ уничтожить грубость и неподвижность русскихъ нравовъ. Молодое поколѣніе выросло при совершенно новыхъ, довольно благопріятныхъ условіяхъ. Уже при Петрѣ значительное число знатныхъ фамилій, напр. Трубецкіе, Черкасскіе и др., для своихъ сыновей и дочерей выписывали изъ-за границы воспитателей и гувернантокъ и вообще заботились дать своимъ дѣтямъ тщательное образованіе. Правда, была и отрицательная сторона въ подражательности: высшее русское общество пріучалось къ роскоши и разврату; но другая его часть восприяла лучшія идеи и культурныя начала Англіи, Франціи и Германіи; конечно, эта часть общества оказывала бо́льшее вліяніе на дѣятельность правительства, чѣмъ всевозможные недоросли и петиметры.

Еще въ 1698 году, по возвращеніи царя изъ перваго заграничнаго путешествія, правительство стало учреждать цифирныя и навигаціонныя школы и обучать дѣтей разнымъ спеціальностямъ. Въ 1702 году, какъ было уже сказано, изданъ манифестъ о вызовѣ иностранцевъ въ Россію, дабы русскіе «могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научиться по нынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ и тѣмъ искуснѣе становиться во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ». Иностранцы приглашались

на условіяхъ совершенно свободнаго въѣзда въ Россію, свободнаго отправленія вѣры и особаго суда, который долженъ былъ совершаться «милостиво». Цѣлыми партіями посылались молодые дворяне и разночинцы заграницу обучаться морскому дѣлу и разнымъ наукамъ и искусствамъ. Такъ, въ 1716 году, государь приказалъ отправить мальчиковъ дворянскаго званія партіями въ двадцать человѣкъ, моремъ или сухопутьемъ, въ Венецію, Францію и Англію для обученія морского дѣла; въ томъ же году отъ 30 до 40 молодыхъ подъячихъ, въ возрастѣ 15—20 лѣтъ,—въ Кенигсбергъ, для обученія нѣмецкому языку, пять способныхъ юношей изъ морскихъ школъ—въ Астрахань для изученія турецкаго, персидскаго и арабскаго и т д.

Петръ Великій засталъ въ Россіи одну типографію, при немъ ихъ стало девять. Типографія въ Амстердамѣ, основанная по иниціативѣ Петра, изобрѣла свѣтскій русскій шрифтъ. Въ Москвѣ Эрнстъ Глюкъ открываетъ гимназію для разночинцевъ, докторъ Бидлоо обучаетъ при госпиталѣ хирургіи и другимъ различнымъ отраслямъ медицины. Въ Петербургѣ заводятся разныя школы, учреждаются инженерное училище, морская академія. Ученые иностранцы предлагаютъ въ своихъ запискахъ различные методы распространенія просвѣщенія въ Россіи. Лейбницъ и Генрихъ Фикъ составляютъ проектъ учрежденія академіи. Иванъ Посошковъ рекомендуетъ устроить въ Москвѣ «великую академію, всѣхъ наукъ исполненную», и приглашать учителей, «хотя бы отъ лютеранской вѣры». Указомъ 27-го янв. 1724 г. повелѣно учредить высшую академію, «гдѣ бы учились языкамъ, наукамъ и знатнымъ художествамъ». Тогда же Петръ выразилъ намѣреніе основать русскій университетъ съ тремя факультетами: юридическимъ, медицинскимъ и философскимъ, а при немъ—гимназію. Не меньшее вниманіе обращается имъ и на низшее образованіе. Въ томъ же 1724 г. данъ указъ городскимъ учрежденіямъ объ устройствѣ начальныхъ школъ при церквахъ и обученіи грамотѣ и ариѳметикѣ дѣтей не только зажиточныхъ, но и бѣдныхъ родителей. Посошковъ предлагалъ ввести всеобщее обязательное начальное обученіе Правительство дѣлало распоряженіе о заведеніи низшихъ техническихъ школъ, объ обученіи огородничеству, желѣзному дѣлу и т. д. Преобразователь усиленно заботится о развитіи научной литературы; онъ не только поощряетъ составленіе и изданіе различныхъ учебниковъ, но нерѣдко самъ редактируетъ ихъ; въ особенности слѣдилъ за составленіемъ географическихъ картъ и руководствъ по морскимъ наукамъ. По его повелѣнію снаряжены экспедиціи въ Сибирь для отысканія всякихъ «раритетовъ», звѣрей, травъ, рудъ и проч; собира-

лись древнія русскія лѣтописи, хронографы; писались подъ руководствомъ царя историческія сочиненія и проч.

Довольно мѣтко и краснорѣчиво охарактеризована многообразная преобразовательная дѣятельность Петра Великаго извѣстнымъ русскимъ историкомъ Погодинымъ:

«Мы просыпаемся. Какой нынѣ день? 1-го января 1841 г.—Петръ Великій велѣлъ считать годы отъ Рождества Христова, Петръ Великій велѣлъ считать мѣсяцы отъ января. Пора одѣваться—наше платье сшито по фасону иностранному, данному Петромъ Первымъ. Сукно выткано на фабрикѣ, которую завелъ онъ; шерсть настрижена съ овецъ, которыхъ развелъ онъ. Попадается на глаза книга—Петръ В ввелъ въ употребленіе этотъ шрифтъ, и самъ вырѣзалъ буквы Вы начнете читать ее—этотъ языкъ при Петрѣ Первомъ сдѣлался письменнымъ, литературнымъ, вытѣснивъ прежній, церковный Приносятъ газеты Петръ В. ихъ началъ. Вамъ нужно купить разныя вещи—всѣ онѣ, отъ шейнаго шелковаго платка до сапожной подошвы, будутъ напоминать вамъ о Петрѣ В.: одинѣ выписаны имъ, другія введены имъ въ употребленіе, улучшены, привезены на его кораблѣ, въ его гавань, по его каналу, по его дорогѣ. За обѣдомъ отъ соленыхъ сельдей до винограднаго вина, имъ разведеннаго, всѣ блюда будутъ говорить вамъ о Петрѣ В. Послѣ обѣда вы ѣдете въ гости—это ассамблеи Петра В. Встрѣчаете тамъ дамъ, допущенныхъ въ мужскую компанію по требованію Петра В. Пойдемъ въ университетъ первое свѣтское училище учреждено при Петрѣ Великомъ и т. д.»

Мысль о реформѣ того, что такъ или иначе было уже осуществлено, но на опытѣ обнаружило множество недостатковъ, не оставляла Петра Великаго до конца его жизни. Въ послѣднее время онъ учредилъ особую коммисію, на обязанности которой лежало представленіе проектовъ всевозможныхъ улучшеній по различнымъ отраслямъ управленія и народнаго хозяйства. Не будучи знакомъ съ сочиненіями Крижанича, Преобразователь придерживался его правила, что государству «потребна есть неустанна поправа». Для непрерывнаго обновленія государства нужны были люди, свѣдущіе въ наукахъ и искусствахъ. Основывая коммисію реформъ, Петръ Великій стремился въ то-же время создать постоянный притокъ свѣжихъ силъ въ ряды правительственныхъ и общественныхъ дѣятелей путемъ учрежденія училищъ и развитія свѣтской литературы.

VII.
Сотрудники.

Петръ В. постоянно нуждался въ даровитыхъ и обученныхъ дѣятеляхъ. Въ письмѣ къ своей женѣ царь говоритъ: «лѣвшею не умѣю

владѣть, въ одной рукѣ принужденъ держать шпагу и перо, а помощниковъ сколько, сама знаешь». Но все-жъ онъ не былъ одинокъ «въ трудахъ державства и войны». Извѣстныя слова Посошкова: «нашъ монархъ на гору самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ: то какъ дѣло его скоро будетъ?» надо понимать въ условномъ смыслѣ. Во 1-хъ, царь обладалъ громаднымъ преимуществомъ предъ этой многомилліонной массой—самодержавной властью, которая обезпечивала если не успѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, всеобщее признаніе его предначертаній и нововведеній. Во 2-хъ, какъ бы сильно ни чувствовался недостатокъ въ способныхъ и энергичныхъ людяхъ, «эпоха преобразованія» создана не индивидуальными усиліями, а коллективными трудами множества дѣятелей, среди которыхъ Петру В., конечно, принадлежитъ первое мѣсто, главная роль, какъ по разнообразію и размаху его дѣятельности, такъ и по его государственному положенію.

Въ завоеваніяхъ и реформахъ Петра принимали участіе представители различныхъ профессій, талантовъ, званій и національностей. Курбатовъ, напримѣръ, ведетъ съ Петромъ переписку объ отмѣнѣ патріаршества, устройствѣ школъ и нѣмецкомъ платьѣ, о реформахъ финансовыхъ и вопросахъ внѣшней политики. Въ области народной экономіи руководителями царя были Строгоновы, Демидовы, Гончаровы, Соловьевы, выдававшіеся предпріимчивостью и опытностью въ торговлѣ и промышленности. Сотрудники его въ духовныхъ дѣлахъ были ученые малороссы и во главѣ ихъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. На военномъ поприщѣ отличились Шереметевъ, Апраксинъ, Брюсъ, Боуръ, Репнинъ. Во внѣшней политикѣ заявили себя кн. Куракинъ, Матвѣевъ, Толстой, Неплюевъ, Волынскій. Многіе иностранцы оказали Петру В. существенныя дипломатическія услуги, составляли для него проекты реформъ, государственныхъ и административныхъ. Остерманъ, Минихъ и др., карьера которыхъ обусловливалась успѣхами русскаго оружія и нововведеніями, впродолженіе многихъ лѣтъ трудились на русской службѣ и своею преданностью царю и интересамъ Россіи достигли высшихъ государственныхъ постовъ. Наконецъ, лица незнатнаго происхожденія, представители народной массы: Кириловъ, Сердюковъ, Посошковъ и др. Многіе сподвижники Преобразователя, по справедливому выраженію поэта, были «птенцами гнѣзда Петрова, его товарищами, сынами». Самъ Петръ отыскалъ ихъ, обулъ и воспитывалъ въ своей суровой практической школѣ и поднялъ изъ мрака неизвѣстности до степеней знатнѣйшихъ сановниковъ. Особенно посчастливилось Меншикову. Онъ выдвинулся своею пре-

данностью Петру, смѣтливостью и исполнительностью. Иностранцы удивлялись дружескимъ отношеніямъ, существовавшимъ между царемъ и его подданнымъ. Денщикъ, потѣшный солдатъ, безродный баловень счастья, становится «полудержавнымъ властелиномъ».

Но, кромѣ этихъ сотрудниковъ-исполнителей и помощниковъ, были у Петра и другіе сподвижники: сотрудники-учителя и наставники, не только изъ иностранцевъ, но также изъ тѣхъ русскихъ, которые успѣли непосредственно ознакомиться съ европейской цивилизаціей и своими стремленіями и идеями во многомъ предупредили вождя преобразовательнаго движенія въ Россіи.

Отношеніе Петра къ прогрессистамъ достаточно ярко характеризуется его сношеніями съ русскимъ западникомъ Ѳ. Салтыковымъ и знаменитымъ нѣмецкимъ философомъ Лейбницомъ. Оедоръ Степановичъ Салтыковъ принадлежалъ къ старинному боярскому роду. Въ дѣтствѣ путешествовалъ онъ со своимъ отцомъ въ Сибирь; въ 1697 году командированъ въ числѣ 60 другихъ стольниковъ заграницу для изученія судостроенія въ Голландіи и Англіи. 30 іюня 1711 г. царь отправляетъ своего ученаго корабельнаго мастера во вторую заграничную командировку для покупки «дешевою цѣной» нѣсколькихъ иностранныхъ судовъ. Салтыковъ сначала посѣтилъ Копенгагенъ «для совѣта съ русскимъ посломъ кн. Долгорукимъ и датскимъ министромъ», а затѣмъ отправляется въ Англію. Объѣхавъ главнѣйшіе порты Англіи и Ирландіи, Салтыковъ поселяется въ Лондонѣ и наѣздами, по дѣламъ службы, бываетъ въ Амстердамѣ и Гаагѣ. Живя постоянно заграницей, онъ пріобрѣлъ широкое знакомство съ европейской жизнью и составляетъ для царя обстоятельные проекты реформъ. Въ архивахъ сохранилась обширная переписка Салтыкова съ Петромъ, каб.-секр. Макаровымъ, адм. Апраксинымъ и другими сановниками. Онъ увѣдомляетъ царя о своихъ проектахъ. Петръ отвѣчаетъ ему письмомъ, 12 янв. 1713 года: «правы, о которыхъ вы писали, что вы выбрали изъ уставовъ аглинскихъ и прочихъ европейскихъ, которыя надлежитъ, кромѣ республикъ, пришлите къ намъ». Салтыковъ высылаетъ Петру сперва «*пропозиціи*», первую записку, а затѣмъ «*изъявленія*, которыя—сообщаетъ онъ, могутъ быть потребны государству и вамъ прибыточны». «Россійскій народъ — говоритъ Салтыковъ — такія же чувства и разсужденія имѣетъ, какъ и прочіе народы, только его довлѣетъ въ такихъ дѣлахъ управлять». Записки эти получены были въ то время, когда Петръ только-что приступилъ къ главнѣйшимъ своимъ реформамъ, и потому онѣ не могли остаться безъ вліянія. Въ первой запискѣ со-

ставитель предлагаетъ обратить особенное вниманіе на главу о «всенародномъ обученіи во всякихъ свободныхъ наукахъ и во всякихъ художествахъ». Въ ней подробно излагаются свѣдѣнія о низшихъ, среднихъ и высшихъ училищахъ, которыя необходимо учредить въ Россіи; не забывается даже женское образованіе. Салтыковъ говоритъ: «мы по сему образу сравняемся въ краткое время со всѣми лучшими европейскими государствами, а безъ свободныхъ наукъ и безъ добрыхъ рукодѣлій не можетъ государство стяжать себѣ умнаго имѣнія». Въ пяти первыхъ главахъ «пропозицій» подробно излагаются соціальныя реформы, которыя скопированы, главнымъ образомъ, съ англійскихъ порядковъ. Желая сравнять Россію съ Западомъ, Салтыковъ указываетъ на множество мѣропріятій для развитія національной промышленности и внѣшней торговли. «Купечество есть твердое основаніе богатства всѣхъ народовъ»; но торговать возможно только тогда, когда есть чѣмъ вести торгъ: необходимо въ самой Россіи насадить промышленность. «Если намъ заводовъ пять, шесть стеклянныхъ построить, то мы всѣ ихъ государства стеклянной посудой наполнить можемъ»; то же и въ другихъ производствахъ. Отъ развитія внѣшней торговли «великое число денегъ будетъ соблюдаться въ Россійскомъ государствѣ». Салтыковъ затрогиваетъ массу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ: о налогахъ, прямыхъ и косвенныхъ, размежеваніи земель, устройствѣ почты, городской и земской, обрусеніи инородцевъ и т. д. Предложенные имъ проекты литературныхъ работъ послужили программой для двухъ сочиненій: «Исторіи Свейской войны» и «Разсужденія о причинахъ Сѣверной войны», составленныхъ при близкомъ сотрудничествѣ Петра.

Предложенія Ѳ. Салтыкова осуществлены частью самимъ Петромъ; другія переданы въ Сенатъ на обсужденіе; наконецъ, часть проектовъ исполнена была гораздо позже, въ послѣдующія царствованія.

Философъ Лейбницъ ранѣе другихъ созналъ великое значеніе перваго путешествія Петра В. по западной Европѣ. Въ письмахъ къ разнымъ лицамъ онъ указываетъ на необходимость воспользоваться пребываніемъ царя заграницей для распространенія въ Россіи цивилизаціи. Впослѣдствіи онъ осуждалъ англичанъ и голландцевъ, не достаточно дѣйствовавшихъ въ этомъ направленіи. Съ своей стороны, Лейбницъ пользуется первымъ же случаемъ, чтобы завязать сношенія съ царемъ и настойчиво добивается аудіенціи. Сущность преобразовательной программы Лейбница сводится къ слѣдующему. Для Россіи представляетъ громадную важность «то обстоятельство, что въ

ней, пользуясь примѣрами исторіи развитія другихъ странъ и народовъ, можно избѣжать многихъ ошибокъ, сдѣланныхъ въ разныхъ случаяхъ: дворецъ, построенный совершенно съизнова, во всякомъ случаѣ можетъ быть устроенъ удачнѣе, чѣмъ зданіе, надъ которымъ трудились впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій, постоянно дѣлая перестройки, починки, поправки». Лейбницъ видѣлся съ Петромъ въ Торгау, Карлсбадѣ, Дрезденѣ и пріобрѣлъ его искреннюю дружбу. Веберъ передаетъ, что впослѣдствіи въ Петербургѣ Петръ со свойственной ему живостью часто спрашивалъ его: «гдѣ теперь Лейбницъ? что онъ дѣлаетъ? гдѣ былъ все это время? думаетъ ли остаться въ Ганноверѣ?». Одно время царь съ философомъ путешествовали вмѣстѣ. Петръ, уѣзжая изъ Карлсбада, взялъ съ собой Лейбница въ Теплицъ и хотѣлъ увезти его дальше. Тѣмъ не менѣе Петръ, съ присущимъ ему тактомъ, болѣе интересовался научными работами Лейбница, чѣмъ его законодательными и политическими проектами, хотя не оставлялъ также безъ вниманія и послѣднихъ. Лейбницъ предлагалъ царю учредить особую ученую коллегію: «еслибы его величество—говоритъ онъ—обнаружилъ склонность къ тому, то нѣкоторые изъ присутствующихъ министровъ могли бы вступить со мною въ конференціи и о всемъ со мною условиться». Толки о вліяніи Лейбница на устройство администраціи въ Россіи принадлежатъ къ области вымысловъ: надежды, что со временемъ найдутся другія записки Лейбница,—говоритъ Герье,—которыя еще яснѣе докажутъ это вліяніе, «должны считаться несбыточными». Лейбницъ обратился къ царю съ предложеніями: 1) устроить учебную часть; 2) завести въ Россіи физическія наблюденія, и 3) составить сводъ всѣхъ лучшихъ изобрѣтеній для осуществленія ихъ въ Россіи. Въ черновой запискѣ Лейбница, сохранившейся въ Ганноверской библіотекѣ, упоминается также о счетной машинѣ, изобрѣтенной имъ, новомъ снарядѣ, который могъ бы принести громадную пользу, въ случаѣ войны съ Турціей, объ улучшеніи рѣчного судоходства и т. д. Въ одномъ письмѣ Лейбницъ пишетъ: «я имѣлъ честь бесѣдовать съ царемъ въ Торгау, и его величество изъявилъ желаніе приказать производить наблюденія надъ дѣйствіемъ земного магнитизма въ обширномъ своемъ государствѣ». Послѣ свиданія въ Карлсбадѣ, Петръ В. предложилъ Лейбницу вступить въ русскую службу и назначилъ ему жалованье въ 1000 талеровъ. Лейбницъ мѣтилъ въ русскіе министры, но царь предоставилъ ему обязанности ученаго корреспондента.

Велики были замыслы Петра, но виды Лейбница простирались еще дальше. Историческая миссія Россіи, по его убѣжденію, состояла

въ распространеніи культуры на Востокѣ; поэтому слѣдовало бы желать, чтобъ Россія покоряла все новыя и новыя племена въ Азіи. Но общеніе съ низшими народностями непремѣнно понизило-бъ умственныя и нравственныя требованія русскихъ и было-бъ губительнымъ для политически отсталой страны. Петръ былъ истиннымъ представителемъ своего народа и болѣе, чѣмъ кто другой, понималъ реальныя потребности вѣка. Оптимистъ-философъ не увлекъ практика Петра, утилитариста чистѣйшей воды. Петръ чувствовалъ, что силъ его станетъ на многое, но не добивался невозможнаго. Онъ имѣлъ инстинктивный тактъ и приводилъ въ движеніе только тѣ силы, которыя способны были къ развитію. Планы его были не столь обширны, но болѣе осуществимы, и согласовались съ интересами русскаго народа.

Сотрудники и продолжатели Петра въ послѣдующія царствованія, Неплюевъ, Татищевъ и др., тоже не принадлежали къ классу тѣхъ историческихъ дѣятелей, «непризнанныхъ фанатиковъ», которые свои мечты принимаютъ за дѣйствительныя потребности времени и берутся за безплодное дѣло не по своимъ силамъ. Правда, они сознавали, что иной разъ «небываемое бываетъ», какъ выражался Преобразователь, но, не предрѣшая напередъ будущаго, тѣмъ не менѣе, глубоко были убѣждены въ томъ, что новыя дѣла родятся только при совершенно новыхъ комбинаціяхъ общественныхъ силъ. Такъ напримѣръ, когда Екатерина II предложила Неплюеву указать ей достойнаго себѣ преемника, вѣрный преданіямъ Преобразователя сподвижникъ его далъ императрицѣ характерный отвѣтъ: «нѣтъ, государыня, мы - Петра Великаго ученики, проведены имъ сквозь огонь и воду, инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя и инако мыслятъ, итакъ я не могу ни за кого, ниже за сына своего, ручаться».

Другими словами: для каждаго времени потребенъ есть свой мужъ. Новые государственные дѣятели выросли и воспитались при совершенно иныхъ общественныхъ и государственныхъ условіяхъ. Другое время, новыя птицы, новыя пѣсни. Но національныя задачи разрѣшаются вѣками. Многія поколѣнія продолжаютъ идти по «слѣдамъ Петровымъ», работаютъ въ его духѣ и направленіи, стремятся сблизить Россію съ цивилизованной Европой. И въ слѣдующемъ столѣтіи «западничество» служитъ долгое время лозунгомъ прогрессивной партіи.

VIII.

Семья и послѣдніе годы.

Петръ женился на Евдокіи Лопухиной семнадцати лѣтъ, по настоянію своей матери. Молодая супруга нѣжно любила царя, называла его «своею радостью», «свѣтомъ», «лапушкой», и просила позволить ей сопровождать его во всѣхъ путешествіяхъ. Но Петръ не имѣлъ никакого сердечнаго влеченія къ своей первой женѣ, воспитанной въ неподвижныхъ обычаяхъ старины. Частыя отлучки изъ дворца вызвали еще большее охлажденіе. Наконецъ, явилась первая серьезная и продолжительная страсть. Кн. В. И. Куракинъ разсказываетъ: «Лефортъ былъ человѣкъ забавный и роскошный или назвать дебошанъ французскій. И непрестанно давалъ у себя въ домѣ обѣды и балы; въ его домѣ первое начало было, что его ц. в. началъ съ дамами иноземными сближаться». Въ скоромъ времени и мать, женившая сына на Евдокіи, возненавидѣла за что-то свою невѣстку, молодую царицу. Тотъ же кн. Куракинъ передаетъ, что Наталья Кирилловна «желала больше видѣть съ мужемъ ее въ несогласіи, нежели въ любви». Петръ часто ночевалъ въ с. Преображенскомъ, во вновь построенномъ домѣ при съѣзжей избѣ, только изрѣдка наѣзжая во дворецъ къ матери обѣдать: «тѣмъ первое разлученіе съ царицей Евдокіей началось быть». Такъ продолжалось до смерти Натальи Кирилловны, «которая сына своего къ разлукѣ съ Евдокіей (болѣе) понуждала, нежели унимала». Петръ пристрастился къ Аннѣ Монсъ. Евдокію уговаривали добровольно постричься.

Военная и подвижная жизнь Петра долго не позволяла ему привязаться къ одной женщинѣ и устроить себѣ домашній очагъ. У царя было множество любовныхъ приключеній. Но предпочтеніе онъ отдавалъ иностранкамъ за ихъ смѣлость, веселое кокетство и свободное обращеніе, котораго не знали застѣнчивыя и малоподвижныя русскія боярыни, привыкшія къ затворнической теремной жизни. Памятуя, что насильно милъ не будешь, Петръ никогда не насиловалъ волю правившейся ему женщины, предоставляя полную свободу ея чувству и выбору. Онъ способенъ былъ на рыцарство. Къ предметамъ своей любви всегда относился нѣжно и необыкновенно заботливо. Плейеръ передаетъ, что въ то время, когда Петръ работалъ на верфяхъ въ Воронежѣ, тамъ присутствовали и «женщины-нѣмки». Когда нѣкоторыя изъ нихъ заболѣли, царь отложилъ свой отъѣздъ, пока онѣ всѣ совершенно не оправились.

Передъ отправленіемъ царицы въ монастырь явилась къ ней сестра царя, Наталья Алексѣевна, и увезла съ собой ея сына, царевича Алексѣя, которому шелъ тогда 9-й годъ. Петръ не долюбливалъ сына отъ Евдокіи; но нельзя было оставлять наслѣдника престола у опальной царицы, заключенной въ монастырѣ.

Царевичъ Алексѣй жилъ въ с. Преображенскомъ подъ присмотромъ сперва кн. Вяземскаго, а затѣмъ нѣмца воспитателя, который оказался пьяницей и человѣкомъ бѣшенаго нрава. Петръ вообще мало обращалъ вниманія на воспитаніе сына царицы Евдокіи. Это видно изъ того, что наставника-нѣмца прогнали только чрезъ три года «за непотребства и омерзительные поступки». Его замѣнили новымъ учителемъ Гюйсеномъ, оказавшимся болѣе добросовѣстнымъ и ученымъ. Въ 1703 г. Петръ вызвалъ сына въ полкъ, назначивъ его солдатомъ; но Гюйсенъ не былъ отставленъ и, по возвращеніи царевича изъ Нарвы, продолжалъ съ нимъ заниматься; онъ даетъ самые лестные отзывы о своемъ ученикѣ, называетъ его разумнымъ не по лѣтамъ. Но, къ сожалѣнію, на Алексѣя оказывали вліяніе тетки, дочери царя Алексѣя, старыя дѣвы, постоянно окруженныя попами, ханжами и старцами. Эти люди настойчиво внушали царевичу любовь къ старинѣ и ненависть къ дѣламъ отца, ко всѣмъ его нововведеніямъ. Между стрѣльцами прошли слухи, что царевичъ не любитъ нѣмцевъ. Повсюду говорили: «плачутъ царскія сѣмена, жалуются царевны, что ихъ голодомъ морятъ; плачетъ и тоскуетъ царевичъ. Но онъ говоритъ имъ: «дай срокъ, я ихъ подберу!». Разъ сжегъ платье на нѣмчинѣ и его опалилъ. Онъ на Москвѣ гулятъ съ донскими казаками. И какъ увидитъ котораго боярина, и мигнетъ казакамъ,—и казаки, ухвативъ того боярина за руки и за ноги, бросаютъ въ ровъ».

Меншиковъ, съ своей стороны, подготовилъ разрывъ царевича съ отцомъ. Впослѣдствіи Алексѣй жаловался, что Меншиковъ съумѣлъ дать ему свободу, но не заставлялъ учиться, и окружилъ его всякимъ сбродомъ, пьяницами и глупыми людьми. Петръ всегда относился къ Алексѣю сурово и требовательно. Послѣ взятія Нарвы, отецъ говоритъ сыну: «ты долженъ убѣдиться, что мало радости получишь, если не будешь слѣдовать моему примѣру, и если мои совѣты разнесетъ вѣтеръ и ты не захочешь дѣлать того, что я желаю, я не признаю тебя сыномъ, я буду молить Бога, чтобъ онъ наказалъ тебя и въ сей, и въ будущей жизни». Въ январѣ 1709 года царевичъ повелъ изъ Москвы пять собранныхъ имъ полковъ въ Украйну и представилъ ихъ своему отцу въ Сумахъ. Въ Воронежѣ онъ присутствуетъ

при спускѣ двухъ кораблей; въ Москвѣ надзираетъ надъ укрѣпленіемъ Кремля, набираетъ рекрутовъ, засѣдаетъ въ канцеляріяхъ министровъ. Петръ собственноручнымъ письмомъ извѣщаетъ Алексѣя о полтавской побѣдѣ; царевичъ отвѣчаетъ отцу поздравленіемъ и увѣдомляетъ его о всеобщемъ ликованіи въ Москвѣ. Наконецъ, по настоянію царя, Алексѣй вступаетъ въ бракъ съ австрійской принцессой Шарлоттой. До сихъ поръ Петръ признаетъ Алексѣя законнымъ наслѣдникомъ престола. Но вотъ умираетъ отъ родовъ кронпринцесса; въ самый день ея похоронъ царь пишетъ Алексѣю угрожающее письмо, которое оканчивается словами: «лучше будь чужой добрый, нежели свой непокорный». Затѣмъ слѣдуетъ рядъ писемъ въ такомъ же тонѣ. Когда жена царя Екатерина родила сына-царевича, придворные стали говорить Алексѣю, что ему теперь не сдобровать. Онъ рѣшается предупредить отца и твердо, но почтительно, заявляетъ Петру, что соглашается на «лишеніе наслѣдія короны», и, «вручая дѣтей на волю» его, проситъ себѣ только пропитанія до смерти. Но Петръ еще не отвергалъ Алексѣя; его поспѣшное рѣшеніе привело царя въ гнѣвъ. Царевичъ стоитъ на своемъ: «желаю и прошу монашескаго чина».— «Одумайся, не спѣши, отвѣчаетъ Петръ: подожди еще съ полгода». Но Алексѣй только для виду хочетъ постричься: онъ тайно даетъ духовнику запись, что идетъ въ монастырь «по принужденію». А Петру приближенные говорятъ: «вѣдь клобукъ не прибитъ къ головѣ гвоздемъ». Прошло полгода. Царь пишетъ сыну изъ Копенгагена: «понеже когда прощался я съ тобой и спрашивалъ тебя о резолюціи твоей на извѣстное дѣло, на что ты всегда одно говорилъ, что къ наслѣдству быть не можешь за слабостію своею и что въ монастырь удобнѣе желаешь; но я тогда тебѣ говорилъ, чтобъ еще ты подумалъ о томъ гораздо и писалъ ко мнѣ, какую возьмешь резолюцію... И буде первое возьмешь, то болѣе недѣли не мѣшкай, поѣзжай сюда, ибо еще можешь къ дѣйствамъ поспѣть. Буде же другое возьмешь, то отпиши куды, и въ которое время и день (дабы я покой имѣлъ въ моей совѣсти, чего отъ тебя ожидать могу)». Но Алексѣй продолжалъ лукавить. Онъ ѣдетъ заграницу, но не къ отцу, а «къ Цесарю или въ Римъ», чтобы укрыться отъ преслѣдованія Петра, и беретъ съ собою свою любовницу Афросинью. Не доѣзжая до Либавы, Алексѣй повстрѣчался съ теткой Марьей Алексѣевной, возвращавшейся съ карлсбадскихъ водъ, и говоритъ ей: «ужъ я себя чуть знаю отъ горести, я бы радъ куды укрыться». Царевна отвѣчаетъ: «куда тебѣ отъ отца уйти? вездѣ тебя найдутъ». Алексѣй поѣхалъ въ Вѣну. Императорское правительство старалось держать въ тайнѣ его мѣ-

стопребываніе и отправляло царевича изъ одного замка въ другой, наконецъ, въ Сентъ-Эльмо, близъ Неаполя. За нимъ слѣдили ловкіе сыщики царя, Толстой и Румянцевъ. Они получили доступъ въ Сентъ-Эльмо и убѣдили Алексѣя вернуться съ ними обратно въ Россію.

На другой день по возвращеніи царевича въ с. Преображенское, Петръ собралъ тайный совѣтъ, на которомъ постановили приступить къ розыску по дѣлу царевича Алексѣя Петровича. Въ аудіенцъ-залѣ собрались министры, сановники и духовенство. Алексѣй упалъ къ ногамъ отца и просилъ со слезами прощенія. Петръ обѣщалъ ему милость, если онъ откроетъ, кто способствовалъ его бѣгству, и откажется отъ престолонаслѣдія. Алексѣй разсказалъ отцу о своихъ сообщникахъ. Затѣмъ всѣ отправились въ Успенскій соборъ, гдѣ Алексѣй произнесъ свое отреченіе. Изъ собора его отправили, какъ арестанта, подъ строгимъ карауломъ въ с. Преображенское. Въ тотъ-же день объявленъ былъ наслѣдникомъ Петръ Петровичъ, сынъ отъ царской жены Екатерины Алексѣевны.

Въ Преображенскомъ начался розыскъ: допросы, очныя ставки, пытки и казни. Царь съ остальными жертвами уѣхалъ для новыхъ розысковъ въ Петербургъ. Алексѣй и его сообщники посажены въ Петропавловскую крѣпость. Всю недѣлю Петръ молился на колѣнахъ, обливаясь слезами и прося Бога внушить ему рѣшеніе, «согласное съ его честью и съ благомъ народа». Въ тотъ же день — 24 іюня — онъ передалъ дѣло свое съ сыномъ свѣтскому суду изъ 127 лицъ; судъ приговариваетъ царевича единогласно къ смерти. Въ его приговорѣ сказано, что Алексѣй «намѣренъ былъ овладѣть престоломъ» чрезъ бунтовщиковъ, цесарское вмѣшательство, иноземное войско съ разореніемъ всего государства». Царь въ рескриптахъ сообщаетъ о кончинѣ своего сына: «Богъ пресѣкъ сына нашего Алексѣя животъ, по приключившейся ему жестокой болѣзни, которая въ началѣ была подобна апоплексіи». Ломброзо говоритъ: «сынъ Петра В. былъ пьяница и маніакъ» (Ломброзо. «Геніальность и помѣшательство», стр. 71). Въ 1719 г. Петръ лишился и послѣдняго наслѣдника престола.

Вторая супруга Петра, урожденная Марта Скавронская, была дочь ливонскаго обывателя изъ мѣстечка Вышкиозеро. Она жила въ услуженіи въ семействѣ ученаго пастора Глюка въ Маріенбургѣ; когда этотъ городъ—24 авг. 1702 г.—сдался русскимъ на капитуляцію, Шереметевъ передалъ Марту женѣ полковника Балка. Отъ него она перешла въ домъ Меншикова. Петръ во дворѣ своего любимца обратилъ вниманіе на его служанку и пожелалъ взять ее къ себѣ. Марта

перемѣнила свое имя на Екатерину; она достаточно освоилась съ русскимъ языкомъ и приняла православіе. Воспріемникомъ былъ царевичъ Алексѣй. Екатерина съумѣла привязать къ себѣ сердце Петра веселымъ нравомъ и своей безропотной покорностью. Они сошлись характеромъ и привычками къ простой и трудовой жизни. Петръ не любилъ роскоши, не терпѣлъ пышности и церемоніала. Великолѣпіе онъ предоставлялъ своимъ любимцамъ Лефорту,—а послѣ смерти его—Меншикову. Когда жилъ въ Петербургѣ, царь обѣдалъ обыкновенно дома, въ своей семьѣ. Столъ его былъ не изысканный, самый простой. «Нѣкогда случилось мнѣ—говоритъ Лангъ въ своемъ дневникѣ – быть у двора въ праздничный день, въ такое время, когда царь возвращался изъ церкви, послѣдуемъ своими министрами, офицерами и многими знатными особами. Столъ его тогда состоялъ изъ шестнадцати приборовъ. Коль скоро подали кушанье, то и сѣлъ онъ съ императрицей; потомъ обратился къ собранію: «Господа!» сказалъ, «извольте садиться, кому достанетъ мѣсто, а прочіе пусть ѣдутъ обѣдать со своими женами». Царь предпочиталъ русскія блюда: студень, рюмка анисовой, тарелка щей, ветчина, каша, жареная утка въ кисломъ соусѣ, редисъ, лимбургскій сыръ, вина мозельскія и венгерскія. Горячія кушанья поваръ передавалъ прямо изъ печки одно за другимъ чрезъ окошко, продѣланное въ столовую. Обыкновенно одинъ дежурный денщикъ прислуживалъ всему семейству. Петръ не выносилъ многочисленной прислуги, лакеевъ называлъ «шпіонами, которые худо слышатъ, а еще хуже пересказываютъ слышанное». Екатерина, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовала привычкамъ Петра. Она не ревновала его, когда онъ сходился съ другими женщинами, но съ лѣтами прекратились любовныя увлеченія. Екатерина осталась единственною сердечною его привязанностью; только съ нею одною Петръ испыталъ семейное счастье, узналъ, что такое домашній уютъ. Она была съ нимъ неразлучна; дѣлила его радости, печали и восторги; вмѣстѣ участвовали они въ прутскомъ походѣ; она сопровождала его во второмъ путешествіи по Германіи, Даніи и Голландіи. Въ 1722 году государь со своей супругой предпринималъ походъ въ Персію, на этотъ разъ необычайно удачный: Дербентъ, Баку и другіе города сдавались почти безъ сопротивленія; армяне и грузины массами переходили на сторону русскихъ Возвратясь изъ похода, Петръ задумалъ короновать свою супругу. Въ изданномъ, по этому случаю, манифестѣ говорится, что Екатерина постоянно принимала дѣятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ и оказала какія-то особенно важныя услуги русскому войску въ прутскомъ походѣ. Коронованіе

происходило въ Москвѣ, остававшейся въ глазахъ русскаго народа первопрестольнымъ городомъ. Торжество совершилось 7 мая 1724 г. Нѣсколько дней угощали и поили народъ, устраивали при дворѣ балы, пиры и маскарады. Коронованіе Екатерины породило предположеніе, что Петръ В. намѣренъ оставить послѣ себя престолъ ей или одной изъ ея дочерей.

Послѣ коронованія императрицы государь устраиваетъ въ Петербургѣ обрученіе своей дочери Анны съ гольштинскимъ принцемъ; за обрученіемъ слѣдуютъ многочисленные пиры и торжества. Петру шелъ пятьдесятъ третій годъ. Но желѣзная организація преодолѣвала и «несносные труды», и бурную невоздержанную жизнь. Теперь силы его стали замѣтно падать. Послѣ послѣдняго пиршества царь пролежалъ недѣлю въ постели. Едва оправившись, онъ уѣхалъ въ Шлиссельбургъ и устроилъ новый пиръ по поводу празднованія годовщины шлиссельбургской крѣпости. Затѣмъ онъ въ Олонцѣ выковалъ полосу желѣза въ три пуда и отправился въ Новгородъ. Въ Старой Руссѣ осмотрѣлъ соляное производство, проѣхалъ по Ладожскому каналу и возвратился въ Петербургъ. Но въ концѣ октября плыветъ въ Систербекъ осмотрѣть сестрорѣцкіе заводы. Недалеко отъ Лахты разбило непогодою военное судно. Петръ приказываетъ плыть на помощь утопающимъ; стоя по грудь въ водѣ, онъ проработалъ всю ночь и спасъ жизнь двадцати матросамъ и солдатамъ. Но на утро государь почувствовалъ утомленіе и сильный ознобъ и поплылъ обратно въ Петербургъ. Здѣсь ожидало его непріятное открытіе. Петръ нашелъ поводъ приревновать жену, но не выразилъ ясно своего подозрѣнія. По его приказанію, довѣренный государыни былъ арестованъ начальникомъ тайной канцеляріи. «И ты здѣсь!» съ презрѣніемъ сказалъ Петръ, встрѣтясь съ нимъ въ квартирѣ Ушакова, и бросилъ на него такой огненный взглядъ, что тотъ быстро ослабѣлъ и лишился чувствъ. Послѣ допроса, судъ обвинилъ его въ утайкѣ оброковъ съ вотчинъ государыни и приговорилъ его къ смертной казни. Тогда же наказали батогами и ссылкою остроумца Балакирева за то, что онъ, «отбывши инженернаго ученія», втерся во дворецъ и занимался шутовствомъ, а не дѣломъ. Императрица просила о помилованіи, но Петръ пришелъ въ такую ярость, что разбилъ предъ нею дорогое зеркало: «видишь-ли: вотъ прекрасное украшеніе моего дворца. Хочу и уничтожу его». Екатерина поняла и ласково спросила: «развѣ отъ этого твой дворецъ станетъ лучше?». Государь прокатилъ ее въ колескѣ мимо того столба, на которомъ была посажена голова каз-

неннаго. Государыня безъ смущенія посмотрѣла прямо въ глаза Петру и сказала сдержанно: «какъ грустно, что у придворныхъ столько испорченности». Оказалось вскорѣ, что обманывали государя даже наиболѣе близкіе къ нему сановники: каб.-секр. Макаровъ и Меншиковъ. Петръ не пощадилъ и Меншикова; не смотря на просьбы Екатерины, отдалилъ его отъ себя и лишилъ должности президента военной коллегіи. Здоровье Петра съ каждымъ днемъ ухудшалось; характеръ его измѣнился; онъ становился сумрачнѣе, замыкался въ себя, отдалялся отъ общества; каменная болѣзнь подтачивала его организмъ; пользовалъ царя докторъ Блюментростъ; но тогда еще не знали пріемовъ леченія этой мучительной болѣзни. Государь съ трудомъ занимался дѣлами. Новый 1725 годъ онъ встрѣтилъ полубольнымъ. До 16 го января еще перемогался, но затѣмъ совсѣмъ слегъ въ постель. Придворные ожидали отъ него особыхъ распоряженій. По манифесту о престолонаслѣдіи царствующему государю предоставлялось назначать себѣ кого угодно преемникомъ. Но императоръ не высказывалъ своихъ намѣреній. Жестокія боли усиливались. Стонамъ Петра В. отвѣчали вопли народа, днемъ и ночью не отходившаго отъ дворца. Семья и вельможи съ рыданіемъ толпились вокругъ царской постели въ мистическомъ ужасѣ. У Петра, среди невыносимыхъ страданій, достало силы сказать имъ полное иронія поученіе: «изъ меня познайте, какое бѣдное животное есть человѣкъ!». Онъ подписалъ манифестъ, освобождавшій всѣхъ заключенныхъ, не исключая каторжниковъ, кромѣ обвиненныхъ въ убійствѣ и по первымъ двумъ пунктамъ. Исповѣдывался и причастился св. Тайнъ. Императрица выпросила прощеніе Меншикову. 27-го января Петръ пожелалъ изложить свое завѣщаніе о престоловаслѣдіи. Но написалъ только два слова: «отдайте все». Пришедшая на зовъ отца, молодая цесаревна Анна прочла эти послѣднія слова Петровы. Въ день своего обрученія Анна Петровна отказалась за себя и за свое потомство отъ всѣхъ притязаній на русскій престолъ, но именно ея потомству суждено было утвердиться на престолѣ русскихъ государей Императоръ скончался на слѣдующія сутки, послѣ мучительной агоніи, въ четвертомъ часу пополуночи.

Какъ ни тяжело было царствованіе Петра В. своими поборами и наборами, но народъ понималъ, что теряетъ въ немъ своего національнаго героя; кончину его съ одинаковою скорбью оплакивали какъ созданный имъ Петербургъ, такъ и первопрестольная Москва, но въ особенности новые люди, его «товарищи, сыны», представители новыхъ учрежденій, вызванныхъ къ жизни творческою волею Петра

Великаго, его беззавѣтнымъ служеніемъ благу народа и пользѣ государства. Но заграницей кончина Петра Великаго произвела совершенно обратное впечатлѣніе. Политическое могущество Россіи поддерживалось, въ значительной мѣрѣ, личными трудами великаго государя; предполагали, что перемѣна на русскомъ престолѣ отразится на внѣшнихъ отношеніяхъ. Въ Стокгольмѣ не скрывали радости: «дворъ сильно надѣялся,—пишетъ русскій резидентъ,—что отъ такого внезапнаго случая въ Россіи произойдетъ великое замѣшательство и всѣ дѣла ниспровергнутся». Въ Копенгагенѣ то же извѣстіе вызвало необычайное оживленіе: «изъ первыхъ при дворѣ, яко генерально и всѣ подлые, въ радости опились было», сообщаетъ нашъ резидентъ. Только прусскій король сердечно опечалился кончиной своего «дражайшаго друга», какъ онъ называлъ русскаго императора.

Но пріобрѣтенія и реформы Петра Великаго оказались настолько существенны и прочны, что, несмотря на смуты въ Россіи, ея политическое могущество не пошатнулось. Чрезъ своихъ дипломатовъ императоръ оказывалъ вліяніе на общій ходъ европейской политики; въ особенности сильно было его вмѣшательство во внутреннія дѣла Польши: выборъ польскаго короля не обходился безъ участія Россіи и Пруссіи. Между обоими государствами было полное согласіе въ политическихъ дѣйствіяхъ. Австрія поддавалась внушеніямъ Англіи, указавшей на опасность преобладанія Россіи. Данія неохотно признавала военное господство русскихъ. Петрово правительство вмѣшивалось также во внутреннюю жизнь Швеціи, покровительствуя конституціонному началу, ограничивающему королевскую власть. Въ послѣдніе годы Петръ В. поддерживалъ сношенія съ претендентомъ на англійскій престолъ, надѣялся на многія выгоды отъ торговли съ Испаніей и пытался привлечь ее въ свой союзъ противъ Англіи. Завоеванныя при Петрѣ Великомъ земли вошли въ вѣчныя владѣнія Россіи. Ея культурное и политическое значеніе продолжало расти и развиваться; въ послѣдующія царствованія Россія пріобрѣла еще болѣе прочное, еще болѣе почетное положеніе въ системѣ европейскихъ государствъ.

IX.

Личность.

«Вся частная жизнь Петра, вся его государственная дѣятельность есть первая фаза осуществленія начала личности въ русской

исторіи». Въ эту формулу Кавелина г. Михайловскимъ внесены существенныя ограниченія и дополненія. Петръ пробудилъ русскаго человѣка, разбилъ на немъ оковы, наложенныя природой и непосредственностью. Разорвавъ путы кровнаго родства, онъ освободился отъ опредѣленій узко-національныхъ. Но освобожденная личность не была выпущена въ «бездушное пространство», не стала «безусловнымъ мѣриломъ всего». Для нея поставлена цѣль служеніе народу, и границы—интересы государства. Сословныя привилегіи признаны не безусловными, а только временной мѣрой. Не щадится даже идея частной собственности, когда того требуетъ общественная необходимость. Въ указѣ объ учрежденіи бергъ-коллегіи Петръ Великій даруетъ всѣмъ и каждому право производить горныя и металлургическія работы безразлично на своихъ или чужихъ земляхъ: «дабы Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не оставалось». Самъ государь служилъ не интересамъ династіи, а нуждамъ трудящагося люда. Послѣ Петра пути Россіи и Европы соединяются. Для всѣхъ народовъ, не смотря на расовыя и національныя различія, устанавливается одна общая цѣль: «безусловное признаніе достоинства человѣка, лица, и всесторонняго его развитія». Петръ Великій беззавѣтно служилъ интересамъ и идеаламъ русскаго народа, не современныхъ и подвластныхъ ему людей, а того народа, которому онъ готовилъ великую историческую будущность.

Всесторонность и гармоничность—основныя черты его личности. Но, «говоря о Петрѣ, замѣчаетъ Бѣлинскій, многіе видятъ въ немъ больше реформатора и забываютъ колоссально-нравственный и религіозный духъ, котораго вся жизнь была страстнымъ служеніемъ идеѣ. А паѳосъ къ идеѣ есть живой источникъ, изъ котораго не могутъ не вытекать живые результаты. Еслибы Петръ былъ только необыкновенно умный человѣкъ, только политическій, а не религіозно-нравственный дѣйствователь, его реформа не имѣла бы такихъ великихъ дѣйствій. Нужно религіозно-нравственное начало, составлявшее основу его духа, въ соединеніи съ исполинской геніальностью, — вотъ что оплодотворило и оживило реформу Петра, дало ей силу, прочность и жизненность». Одного раціоналистическаго убѣжденія было мало. Внутренній огонь поддерживалъ его непоколебимую увѣренность въ себѣ, въ правоту своего дѣла, въ творческія силы русскаго народа. Глубокая вѣра и наивный инстинктъ видны во всѣхъ проявленіяхъ его души, въ полной движенія своеобразной жизни, въ политической и государственной преобразовательной дѣятельности.

Свои «задушевныя идеи» Петръ В. распространялъ не одними ука-

зами, не только повелѣніями, но личнымъ примѣромъ, «неустаннымъ» трудомъ. Въ дѣтствѣ дѣятельная жизнь для здороваго, сильнаго организма — потребность и наслажденіе. Играючи и забавляясь, безъ всякаго принужденія, Петръ принимается за изученіе ремеслъ и военнаго искусства, исполняетъ «свою охоту». Впослѣдствіи трудъ становится для него нравственнымъ долгомъ, равно обязательнымъ для всѣхъ, не исключая сана и происхожденія. «Трудиться надобно,—говорилъ онъ возвратившимся изъ заграничнаго ученія молодымъ дворянамъ: я—царь вашъ, но у меня на рукахъ мозоли, а все для того, чтобы показать вамъ примѣръ и хоть бы подъ старость увидѣть мнѣ достойныхъ изъ васъ помощниковъ и слугъ отечества». Самъ онъ былъ мастеромъ четырнадцати ремеслъ. Даже въ послѣдніе годы жизни Петръ не оставляетъ механическаго труда. Въ каждомъ изъ его дворцовъ устроена особая комната съ токарнымъ станкомъ, которую онъ называлъ мѣстомъ отдыха. Онъ дорожилъ временемъ и не тратилъ его на безполезныя забавы. Трудолюбіе его изумительно. Царь обыкновенно вставалъ въ 4—5 часовъ и назначалъ пріемную аудіенцію раннимъ утромъ. Онъ не любилъ многословія Слогъ писемъ и указовъ краткій, энергичный и своеобразный: не смотря на изобиліе иностранныхъ словъ и книжныхъ оборотовъ, производитъ впечатлѣніе живого разговора. Частная жизнь его представляла образецъ строжайшей умѣренности. Простота обращенія, одежды и экипажа общеизвѣстна. «У него не было ни камергеровъ, ни камеръюнкеровъ, ни пажей, ни драгоцѣнной посуды». Ордена надѣвалъ на себя только въ праздничные и церемоніальные дни. Когда въ день коронаціи императрица поднесла ему свою работу: роскошный кафтанъ, шитый серебромъ, Петръ встряхнулъ его, отчего нѣсколько блестокъ осыпалось на полъ: «смотри, сказалъ онъ государынѣ, слуга смететъ это вмѣстѣ съ соромъ, а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата». Бюджетъ двора государя не превышалъ шестидесяти тысячъ рублей въ годъ. Петръ говорилъ, что въ жалованьѣ своемъ воленъ, но съ народа собранныя деньги долженъ употребить на государство: въ нихъ обязанъ дать отчетъ самому Богу.

Историки и психологи много обращали вниманіе на одну замѣчательную черту въ своеобразной личности Петра: «самодержавный повелитель милліоновъ, онъ, по особеннымъ ли потребностямъ своей геніальной природы, или по глубоко обдуманному плану, соединяетъ съ царскимъ саномъ характеръ частнаго лица: передаетъ почести и роль государя подданному, а самъ становится въ ряды не только простыхъ гражданъ, но и работниковъ». Всесторонность его личности и, такъ ска-

зать, универсальность въ значительной мѣрѣ объясняется условіями среды и характеромъ эпохи. Въ концѣ XVII вѣка русская жизнь была поистинѣ взбаломученнымъ моремъ. Устои придворной жизни разрушены. Опальный царь ушелъ изъ дворца на улицу, съ вершинъ общества спустился до самаго его дна, окунулся въ слободскую жизнь иноземныхъ поселенцевъ. Условія воспитанія совершенно исключительныя. Ни одному русскому человѣку не было доступно такое разнообразіе въ отношеніяхъ и обстановкѣ. Сословныя различія, религіозная распря между своими и чужими, національная вражда, понятія, нравы и обычаи разныхъ слоевъ общества; сопоставленіе русскаго съ иноземнымъ, искусство иностранцевъ, ихъ пріемы общежитія, высшая культура и т. д.—все это проходило передъ глазами молодого Петра. Разнородная среда давала ему множество импульсовъ самодѣятельности. Постоянное живое общеніе съ людьми всевозможныхъ профессій, достатковъ, чиновъ выработало убѣжденіе, что трудящійся человѣкъ во всѣхъ положеніяхъ можетъ принести пользу своему народу; въ этомъ отношеніи онъ не дѣлаетъ различія между министромъ, сановникомъ, техникомъ, простымъ рабочимъ, монархомъ и послѣднимъ солдатомъ, готовымъ самоотверженно постоять за свое отечество. Воспитанный непосредственною жизнью, Петръ является эмпирикомъ и утилитаристомъ чистѣйшей воды. То, что въ началѣ дѣлалось въ силу необходимости или потому, что онъ находился «въ чину учимыхъ», то впослѣдствіи обращается въ привычку, исполняется, какъ велѣніе «совѣсти», стало сознательнымъ преслѣдованіемъ государственной пользы. Впрочемъ, переходя въ положеніе подчиненнаго, Петръ никогда не передавалъ своему подданному правъ самодержавія, но только внѣшніе его атрибуты. Фактъ не безпримѣрный въ русской исторіи. То-же продѣлывалъ и Іоаннъ IV. Но у Грознаго была только психопатическая комедія, полная остраго драматизма. У Петра подобное превращеніе являлось государственнымъ актомъ, вызваннымъ просвѣтительными цѣлями, военными дѣйствіями и политическими условіями. Устанавливались отношенія не поддаднаго къ абсолютной власти, а совсѣмъ другія, необычайныя для русской національности. Петра возможно-бъ назвать le premier citoyen russe, когда онъ предпочиталъ положеніе полноправнаго гражданина положенію монарха. По свидѣтельству Нартова, послѣ посѣщенія англійскаго парламента царь замѣтилъ: «весело слышать, когда сыны отечества королю говорятъ явно правду: сему-то у англичанъ учиться должно». Въ Россіи ничего подобнаго нельзя было ни слышать, ни видѣть. Петръ не довѣрялъ установившимся отношеніямъ

между подданными и властью; онъ зналъ, что подъ внѣшнимъ благочиніемъ скрываются ложь, лукавство, подобострастіе, предательство и корыстолюбіе. Царь искалъ правды въ своихъ подданныхъ. Даже дѣйствія сената онъ подчинилъ публичному суду (указъ 2 марта 1711 г.)

Утверждаютъ, что Петръ—болѣе завоеватель, чѣмъ преобразователь. Но отношенія его къ войнѣ, даже въ молодости, показываютъ, что то, что̀ ставится ему въ вину, вызвано было необходимостью національной самозащиты. Матеріальныя и политическія выгоды для него стояли выше успѣховъ военнаго оружія; онъ никогда не увлекался до самозабвенія пыломъ сраженія и торжествомъ побѣды. Для него война не цѣль, а средство, народное бѣдствіе временное, но необходимое для благосостоянія народа и національнаго развитія. Онъ не принадлежалъ къ тѣмъ завоевателямъ, которыхъ Вольтеръ справедливо окрестилъ позорнымъ именемъ «великіе разбойники». Царь и его сподвижникъ Остерманъ подсмѣивались надъ шведскимъ королемъ, который очень любилъ подраться и внѣ войны не зналъ геройзма. Петръ не походилъ на славолюбца-завоевателя. Завоеванія его были необходимы для созданія въ Россіи возможности европейской цивилизаціи.

Русскаго преобразователя называютъ предшественникомъ Фридриха II, первымъ «просвѣщеннымъ деспотомъ». Для него этого мало. Въ монархической власти онъ видѣлъ средство для развитія богатства и просвѣщенія родной страны. Въ рѣшительные моменты жизни Петръ отождествлялъ абсолютную власть съ индивидуальной, нравственной волей. Такъ, передъ Полтавской битвой царь ободряетъ своихъ воиновъ: «вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное... а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія. слава, честь и благосостояніе ея». Можетъ быть, эти слова не принадлежатъ лично ему, но то же самое онъ могъ и долженъ былъ сказать. Самодержавіе для Петра—орудіе могущественное и провиденціальное: онъ сознательно готовилъ для своего народа лучшія условія и формы національной жизни.

Преобразователя винятъ въ подражательности, въ преклоненіи предъ Западомъ. Но для Россіи нужны были наука, искусства и техника, которыя возможно было заимствовать только съ Запада. Царь не ставитъ своихъ подданныхъ въ унизительныя отношенія къ иностранцамъ. Напротивъ, всѣ дѣйствія и мѣропріятія Петровы направлены къ тому, чтобы по возможности скорѣе уничтожить эту зависимость, убыточную для народа и государства. Молодые русскіе

отправлялись въ многочисленныя командировки заграницу, чтобы, вернувшись вполнѣ выученными и подготовленными, замѣнить иностранцевъ въ Россіи. Петръ говорилъ: «намъ нужна Европа на лѣтъ двадцать, тридцать, а затѣмъ мы можемъ обойтись и безъ нея». Перенималось отъ иностранцевъ только то, чего не доставало русскимъ и что для нихъ признавалось полезнымъ. Когда въ берлинской академіи былъ поднятъ вопросъ о вліяніи на Петра, Лейбницъ справедливо замѣтилъ: «академіи нечего учить царя, что̀ ему дѣлать; въ этомъ онъ не нуждается». Петра обвиняютъ также въ «самовластіи», въ томъ, что въ своихъ преобразованіяхъ онъ употребляетъ принужденіе, слишкомъ крутыя мѣры, насиловалъ волю большинства. Но иначе и не могло быть въ то время и въ той средѣ, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Московскій народъ не проявлялъ инпціативы, называлъ себя царскими холопами, сиротами, гулящими людьми, и всего ожидалъ для себя только отъ царя и правительства. Субъективная воля монарха отождествлялась съ самодержавной властью Не одинъ Петръ, всѣ такъ думали, что указами и повелѣніями можно создать общее благополучіе, процвѣтаніе промышленности и торговли, просвѣщенное и могущественное государство. Это убѣжденіе проводилось во всѣхъ проектахъ реформъ, составляемыхъ для царя русскими и иностранцами. Лейбницъ далъ ему философское обоснованіе въ своемъ ученіи о монадахъ, одушевленныхъ атомахъ, представлявшемъ «глубоко задуманную попытку примиренія индивидуализма съ объединяющимъ взглядомъ на всю совокупность міровыхъ явленій». Между нравственностью и правомъ не проводилось рѣзкой границы. Для основанія права Лейбницъ не довольствуется идеей человѣческаго общенія, но восходитъ до понятія всемірной гармоніи. Мудрая монаршая воля получаетъ объективное основаніе и провиденціальное значеніе. Такова была сущность господствующихъ политическихъ идей. Онѣ оправдывались примѣрами западно-европейскихъ государствъ. Во Франціи—полный расцвѣтъ деспотизма; въ Германіи—всеуравнивающая, всесглаживающая бюрократія. Своею державною властью Петръ внесъ въ русскую жизнь зачатки самоуправленія и коллегіальности. Но онъ не могъ создать въ Россіи «крѣпкихъ самостоятельныхъ сословій», когда еще не проявлялось ни малѣйшей общественной инпціативы; не могъ созывать и земскихъ соборовъ, этихъ совѣщательныхъ собраній московскихъ царей, когда не отложны были рѣшительныя и коренныя реформы государства въ виду настоятельныхъ требованій войны и политическихъ событій.

Петръ стоялъ выше понятій своего народа и былъ передовымъ

человѣкомъ въ современной ему Европѣ. Лейбницъ, послѣ бесѣды съ царемъ, пораженный быстротой его соображенія и обширными свѣдѣніями, пишетъ пріятелю: «умственныя способности этого великаго государя громадны». Мысль для Петра не самоуслажденіе, а производительная сила, отъ которой должно ожидать дѣла, практическихъ результатовъ. Не получивъ систематическаго образованія, царь не пропускалъ ни одного случая, чтобы расширить свои познанія, и становится ученѣйшимъ мужемъ въ своемъ государствѣ.—«Откуда же онъ получилъ такую мудрость?» спрашиваетъ Феофанъ въ словѣ о Петрѣ Великомъ: «академіями его были города и страны, учителями—послы при его дворѣ, иностранные государи, принцы, правители, министры; гдѣ-бы онъ ни былъ, ничего не оставлялъ безъ вниманія, безъ изслѣдованія». Петръ В. одинъ изъ первыхъ русскихъ понялъ систему Коперника и сталъ ея ревностнымъ распространителемъ въ своемъ отечествѣ. Обладая независимымъ и яснымъ умомъ, онъ ищетъ лучшихъ людей во всѣхъ областяхъ знанія и политики, вступаетъ въ непосредственное сношеніе съ вершинами европейской цивилизаціи. Сохранилось, напр., его собственноручное письмо къ Ло, когда знаменитый экономистъ, преслѣдуемый проклятіями и презрѣніемъ, искалъ себѣ убѣжища въ Венеціи. Виновниками бѣдствія Франціи царь справедливо признаетъ не опальнаго экономиста, а короля и регента; онъ зоветъ Ло въ Россію, предлагаетъ ему чины, высокое поприще для его дѣятельности и титулъ князя Астраханскаго. Выучившись нѣкоторымъ иностраннымъ языкамъ, Петръ находитъ время на чтеніе книгъ историческихъ и техническихъ. Послѣ обѣда онъ обыкновенно читалъ голландскія газеты, дѣлая отмѣтки карандашемъ для «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Дѣятельно занимается выборкою книгъ для переводовъ; редактируетъ учебники, руководитъ составленіемъ географическихъ картъ и описаніемъ различныхъ мѣстностей, принимаетъ участіе въ типографскомъ и издательскомъ дѣлѣ. Указы и законодательные акты эпохи преобразованія — большей частью труды самого царя или составлены подъ его непосредственнымъ руководствомъ.

Но, не получивъ въ дѣтствѣ правильнаго воспитанія, Петръ не умѣлъ сдерживать своего темперамента, не умѣлъ управлять своими страстями. «Это былъ человѣкъ хорошій и вмѣстѣ очень дурной», отзывалась о немъ принцесса Ганноверская Софія: «въ нравственномъ отношеніи онъ былъ полный представитель своей страны». Увеселенія царя нерѣдко переходили въ грубый и циничный разгулъ. Невоздержанный въ гнѣвѣ, онъ имѣлъ болѣзненное расположеніе къ со-

зерцапію пытокъ и казней, былъ жестокъ, коваренъ и неразборчивъ въ средствахъ на войнѣ и въ борьбѣ съ внутренними врагами. По современникъ, Нартовъ, оправдываетъ его: «Еслибы когда-нибудь случилось философу разобрать архивъ тайныхъ дѣлъ его (Петра), вострепеталъ бы отъ ужаса, что́ содѣлывалось противъ сего монарха. Мы, бывшіе сего великаго государя слуги, вздыхаемъ и проливаемъ слезы, слыша иногда упреки жестокосердію его, котораго въ немъ не было. Когда бы многіе знали, что́ претерпѣвалъ, что́ сносилъ и какими онъ уязвленъ былъ горестями, то ужаснулись бы, колико снисходилъ онъ слабостямъ человѣческимъ и прощалъ преступленія, незаслуживающія милосердія». Темныя стороны характера Петра объясняются частью болѣзненнымъ расположеніемъ его нервной организаціи, частью общимъ низкимъ уровнемъ нравственности той эпохи.

Петръ отличался необыкновенно общительнымъ нравомъ и свободнымъ обращеніемъ съ людьми Сохранилось много анекдотовъ, какъ царь ходилъ пѣшкомъ въ гости къ своимъ подданнымъ, не разбирая званія и состоянія: къ вельможамъ, купцамъ, ремесленникамъ; плясалъ на свадьбахъ, угощался на крестинахъ, пировалъ на именинахъ, запросто толковалъ съ хозяиномъ, шутилъ съ женою, игралъ съ дѣтьми, или велъ назидательные разговоры съ гостями, причемъ любилъ изъясняться аллегоріями, былъ весьма пріятенъ въ обществѣ. Многими его подданными вспоминается при этомъ, со слезами умиленія, знаменитая царская «дубинка». Не менѣе извѣстно также, что темпераментомъ царь обладалъ горячимъ, пылкимъ и скоро воспалялся гнѣвомъ. «О Боже! восклицалъ царь съ сердцемъ, когда виновный оказывался правымъ: будучи въ состояніи исправить народъ мой, не въ состояніи нахожусь исправить самого себя!» И, раскаявшись, щедро награждалъ потерпѣвшаго отъ его горячности. Онъ любилъ, когда ему говорили безбоязненно правду, хотя бы она была непріятна. «Князь Яковъ въ сенатѣ», отзывался Петръ о Долгорукомъ, «прямой помощникъ. Онъ сидитъ дѣльно, и мнѣ не потакаетъ; безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лицо».

Понятіе о свободѣ совѣсти не было тогда выработано, но здравый практическій смыслъ возмущался фанатическими преслѣдованіями за религіозныя убѣжденія и формы исповѣданія. Про раскольниковъ Петръ говорилъ: «если они честные, работящіе люди, то пусть вѣруютъ, во что хотятъ: если ихъ нельзя обратить разсудкомъ, то конечно не пособитъ ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть—ни они той чести не достойны, ни странѣ прибыли отъ того не будетъ». Но, съ другой стороны, первый труженикъ среди народа,

неутомимый, вѣчный работникъ, до конца своей жизни относился къ монахамъ не благосклонно, предъявлялъ къ нимъ утилитарныя требованія и въ указахъ трактовалъ о религіозныхъ заблужденіяхъ и порчѣ монастырскихъ нравовъ: «прилежатъ ли (монахи) разумѣнію Божественнаго писанія и ученія? Всячески нѣтъ. А что говорятъ: молятся, такъ всѣ молятся, сію отговорку отвергаетъ Василій Святой. Что же прибыль обществу отъ сего? Воистину токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ, понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть». За годъ до его кончины изданъ указъ, назначающій монастырямъ благотворительныя обязанности: устройство пристанищъ для подкидываемыхъ младенцевъ, престарѣлыхъ, больныхъ и увѣчныхъ и учрежденіе школъ для малолѣтнихъ. Стоя близко къ простому народу, водя знакомство съ плотниками и матросами, Петръ не могъ не порицать рѣзкихъ проявленій крѣпостничества, въ особенности продажу людей «въ розньі, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится», и постановилъ не разлучать насильственно членовъ семейства, «отъ чего не малый вопль бываетъ». По окончаніи войны, Петръ В. собирался облегчить положеніе народа измѣненіемъ системы тягла и болѣе справедлявымъ распредѣленіемъ податей.

Подведемъ итоги.

Русскій человѣкъ по преимуществу, со всѣми его достоинствами, страстями и недостатками, Петръ Великій всею душою любилъ и уважалъ иностранцевъ за ихъ предпріимчивость, энергію и благородное соревнованіе въ искусствѣ и наукахъ. Заграницей онъ сходился болѣе съ трудящимся людомъ, представителями промышленности и знанія, чѣмъ съ царедворцами и аристократами, которые возмущались его грубымъ нравомъ и влеченіями къ трудовой жизни. Весьма знаменательный, въ психологическомъ отношеніи, фактъ, что супругою царя становится женщина изъ простого народа и иностранка по происхожденію. Въ его своеобразной личности могли совмѣщаться такія крайности, какъ деспотизмъ самодержца, демократическія привычки и стремленіе къ безконечному самоусовершенствованію. Для Петра непонятна была война, когда она вела къ отчужденію народностей, а не ко всеобщему преуспѣванію. Обучая свой народъ «воинскимъ и гражданскимъ наукамъ», царь утѣшалъ себя въ «неусыпныхъ трудахъ» такою возвышенною мыслью, что въ лицѣ русскихъ онъ создаетъ для человѣчества новыхъ двигателей образованности, «которыхъ не зналъ еще свѣтъ». Въ русской исторіи Петръ В. является типичнымъ представителемъ трудового и космополитическаго

начала, тождественнаго и неразрывнаго съ идеей развитія культуры и цивилизаціи. Цѣлостность и разносторонность — характерныя черты его индивидуальнаго развитія. Какъ нравственный дѣятель, онъ представляетъ собою величественную историческую картину, полную жизни и движенія:

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье.
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Такая всесторонняя дѣятельность и громадный трудъ возможны только при могучей организаціи. Петръ напоминаетъ собою тѣхъ сказочныхъ богатырей, о которыхъ въ русской пѣснѣ поется: «сила-то по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается, грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени». Но величавая фигура преобразователя, пропорціонально сложенная, не подавляла своими размѣрами. Отъ полнаго, смуглаго, точно изваяннаго, лица вѣяло спокойствіемъ и глубокой сознательностью. Быстрый, проницательный, немного презрительный взглядъ, крупный массивный лобъ останавливали на себѣ вниманіе наблюдателя. Глаза большіе, черные, «то величаво привѣтливые и радушные, то огненные и даже свирѣпые, они всегда выражали твердость и рѣшительность». Голосъ онъ имѣлъ звучный, громкій, произношеніе чистое, сановитое. Закинутая назадъ грива черныхъ кудрявыхъ волосъ придавала лицу вдохновенное выраженіе, нѣсколько смягчавшее воинственный видъ, быстроту и порывистость его движеній. Наиболѣе схожій портретъ Петра В. сдѣланъ голландцемъ Мооромъ въ 1717 г. въ Гаагѣ; замѣчательный по мастерству — принадлежитъ кисти Когравака. Полнымъ собраніемъ его изображеній, во всѣхъ возрастахъ и разныхъ костюмахъ, увѣшаны стѣны двухъ залъ въ Императорской публичной библіотекѣ.

Петръ В. представляетъ совершенно своеобразную личность не только въ исторіи Россіи, но и въ исторіи всего человѣчества. Ему много помогло въ преобразованіяхъ самодержавіе; но его частная жизнь, его личность несомнѣнно отмѣчены печатью геніальности, а слѣдовательно, оригинальны. Сущность натуры Петра, говоритъ Костомаровъ, всего лучше выясняется, если сопоставить съ нимъ вѣчно резонирующаго и нерѣшительнаго Гамлета. Въ Петрѣ не геній художника, понимающій смыслъ человѣческой натуры, а сама натура создала

обратный типъ человѣка съ неудержимою и неутомимою волею, у котораго всякая мысль тотчасъ обращалась въ дѣло. «Я такъ хочу, потому что такъ считаю хорошимъ, а чего я хочу, то непремѣнно должно быть»—таковъ девизъ всей жизни этого человѣка. Когда говорятъ объ «эпохѣ преобразованія», въ воображеніи потомства встаетъ монументальная фигура Петра Великаго среди обломковъ московской старины. Москва, воспринявъ элементы культуры и прогресса, создала техника Piter'a и императора Петра I-го. Въ нихъ преобразился царь московскій. Историческій процессъ сочеталъ самодержавную власть, наслѣдованную отъ предковъ, съ потребностью обновленія, вызванною экономическимъ и политическимъ ростомъ Россіи.

X.

Взглядъ на реформу.

Государственный бюджетъ достигалъ въ концѣ царствованія Петра до 8½ милліоновъ. Новый подушный окладъ замѣнилъ старыя подати: табельныя, повсегодныя и запросныя, и далъ значительный противъ прежняго излишекъ (2,8 м.); ³/₄ государственныхъ средствъ расходовалось на содержаніе военнаго вѣдомства, сухопутнаго (4,6 милл.) и флота (1,4 милл.). Изъ остальной же четверти покрывались расходы на дипломатію, администрацію, дворъ, общественныя постройки и прочее. Должно замѣтить, что подушная подать установлена была, когда казенныя издержки выросли изъ рамокъ табели; всѣ свободныя средства центральныхъ и мѣстныхъ кассъ были израсходованы на покрытіе содержанія арміи и флота, и старые способы увеличенія государственныхъ доходовъ оказались не дѣйствительными передъ грознымъ фактомъ истощенія платежныхъ средствъ и уменьшенія коренного населенія Россіи.

Чрезмѣрный ростъ расходовъ на военныя надобности и тяжесть податного обложенія — таковы главнѣйшія черты государственнаго хозяйства при Петрѣ Великомъ; къ нимъ присоединяются существенные недостатки административно-финансовъ й организаціи. Дѣленіе Россіи на военные округа вызывалось финансовымъ кризисомъ и отчасти подражаніемъ шведской системѣ. Расквартированіе арміи по губерніямъ подвергло населеніе многимъ непріятностямъ солдатскаго постоя. Передача казенныхъ сборовъ и расходовъ въ мѣстныя кассы лишало приказное управленіе нѣкоторыхъ функцій и прежнихъ мате-

ріальныхъ средствъ. Негубернскія поступленія стало вѣдать новое учрежденіе, Сенатъ. Съ паденіемъ приказовъ явилась необходимость въ центрально-административной системѣ. Перемѣна столицъ облегчила реформу, а сосѣдство со Швеціей указало для нея образцы. Но коллегіи и провинціи на практикѣ столкнулись съ ранѣе учрежденными губерніями и Сенатомъ, и не были достаточно точно согласованы въ взаимныхъ функціяхъ.

Сенатъ постоянно требовалъ новыхъ указовъ.—«Дѣлайте по своимъ соображеніямъ: какъ я могу вамъ указывать изъ-за такой дали!»—пишетъ Петръ, увлеченный военными и политическими дѣлами. Введеніе новыхъ учрежденій было подготовлено «стихійно», обсуждалось «коллективно» сотрудниками Преобразователя. Но коллегіальная система требовала отъ русскихъ непривычныхъ для нихъ самостоятельныхъ общихъ дѣйствій. Реформа не могла націонализироваться, совершенно выродилась, потеряла сущность, осталась одна форма. Взятки, казнокрадство и медленность въ дѣлахъ вскорѣ напомнили русскимъ «московскую волокиту». Чтобы обезпечить законность и порядокъ, необходима была новая коренная реформа государственныхъ учрежденій.

Централизація государственной власти при Петрѣ достигла своего высшаго развитія. Народъ прежде всего долженъ былъ отстоять свое политическое бытіе. Одна часть населенія обречена на пожизненную службу государству, другая должна была работать въ крѣпостной зависимости для поддержанія и удовлетворенія высшихъ сословій. Главныя средства государства тратились на содержаніе военной силы. Положеніе многочисленнаго класса хлѣбопашцевъ во многомъ ухудшилось противъ прежняго.

Завоеванія, сдѣланныя при Петрѣ, главнымъ образомъ преслѣдовали экономическія и культурныя цѣли. Вслѣдствіе пріобрѣтенія морскихъ береговъ возникли новыя отрасли промышленности и внѣшняя торговля. На фабрично-заводскую дѣятельность правительство обращало особенное вниманіе. Кромѣ казенныхъ фабрикъ, учреждено было множество частныхъ. Правительство освобождало перваго устроителя отъ казенной службы, приказывало продавать произведенія русскихъ фабрикъ дешевле, давало субсидіи и разныя льготы промышленникамъ. При Петрѣ учреждены были частными лицами и компаніями новыя фабрики: полотняныя, суконныя, шелковыя, писчебумажныя, игольныя и пр.; заводы: сахарные, крахмальные, кожевенные, желѣзодѣлательные и пр. — въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Астрахани и во многихъ губерніяхъ.

Въ то-же время, вслѣдствіе открытія новыхъ путей сообщенія, необыкновенно успѣшно развилась внѣшняя и внутренняя торговля. Лѣтомъ 1722 года къ Петербургу пришло съ товарами 116 иностранныхъ кораблей, къ Рижскому порту прибыло 231 и отошло 235 кораблей; пошлинъ съ товаровъ взято 125 тыс. ефимковъ. Правительственные агенты пишутъ, что въ заграничные порты явились русскіе корабли. Указано печатать прейсъ-куранты иностранныхъ товаровъ въ главнѣйшихъ городахъ Европы, «дабы знали, что дешево или дорого». Морская торговля быстро развивается: въ 1724 г. къ Петербургу прибыло уже 240, къ Выборгу—28, къ Ревелю—62, къ Нарвѣ—115, къ Ригѣ—303 иностранныхъ кораблей съ разными товарами. Изъ Константинополя Неплюевъ пишетъ царю: «не только полезно, но и нужно въ настоящій союзный договоръ внести, чтобы были русскіе консулы въ Шемахѣ и въ крымскихъ городахъ—Хотинѣ, Бендерахъ и Перекопѣ». Изъ всѣхъ областей Двинской системы возятъ товары въ Архангельскъ; пенька вся идетъ въ Петербургъ; въ Нарву доставляютъ товары псковичи; на рѣкахъ Косилѣ, Двинѣ и Торопѣ грузятся для Риги; усиленно идутъ работы по Ладожскому каналу, чтобы открыть водный путь изъ Москвы въ Петербургъ.

Но нравы и обычаи, не смотря на строгіе указы и многія общественныя перемѣны, улучшались крайне медленно. Русскіе купцы не оставляли своихъ некультурныхъ привычекъ даже при сношеніяхъ съ иностранцами. Въ заграничные порты пріѣзжали съ разною безцѣлицею, съ самымъ незначительнымъ товаромъ. Въ Стокгольмъ, напримѣръ, привезли деревянныя ложки, немного полотна и каленые орѣхи, открыли мелочной торгъ на улицахъ и варили себѣ кашу у моста, вызывая всеобщія насмѣшки. Бестужевъ доноситъ въ Петербургъ: «русскіе купцы никакого послушанія не оказываютъ, безпрестанно пьяные, бранятся и дерутся между собой, отъ чего немалое безчестіе русскому народу, и хотя я вашего величества указъ имъ и объявилъ, чтобъ они смирно жили и чистенько себя въ платьѣ содержали, но они не только себя въ платьѣ чисто не содержатъ, но нѣкоторые изъ нихъ ходятъ въ старомъ русскомъ платьѣ, безъ галстука, также нѣкоторые и съ бородами по улицамъ бродятъ». Такую неряшливую, грубую жизнь они вели и у себя дома; на разныя улучшенія въ торговлѣ и техникѣ мало обращали вниманія; обязанности самоуправленія признавали лишнею тягостью; ратманы въ засѣданія не ходили вообще купечество не могло пріобрѣсти значеніе денежной аристократіи; администрація попрежнему презрительно относилась къ про-

мышленному сословію. «Въ Коломнѣ въ магистратѣ у отправленія многихъ дѣлъ одинъ бурмистръ, а другого бурмистра Ушакова, ѣдучи мимо Коломны въ Нижній-Новгородъ, генералъ Салтыковъ билъ смертнымъ боемъ, и отъ того не только въ Зарайскъ, но и въ коломенскій магистратъ ходитъ съ великою нуждою временемъ. А съ другимъ бурмистромъ такой случай: оберъ-офицеръ Волковъ, которому велѣно быть при персидскомъ послѣ, прислалъ въ магистратъ драгунъ, и бурмистра Тихона Бочарникова привели къ нему, Волкову, съ ругательствами, и велѣлъ Волковъ драгунамъ, поваля бурмистра, держать за волосы и за руки, и билъ тростью... драгуны били палками ратмана Дьякова, также били городового старосту, и, за отлучкою этихъ битыхъ, въ Коломнѣ по указамъ всякихъ дѣлъ отправлять не могутъ». Изъ всѣхъ магистратовъ присылаются въ главный длинные списки обидъ купцовъ и посадскихъ, наносимыхъ служилыми людьми. Администрація часто произвольно захватывала молодыхъ купеческихъ людей и подвергала жестокому заключенію; не смотря на представленія главнаго магистрата, ихъ не освобождали и не пересылали въ его вѣдомство.

Въ дореформенной Россіи никогда не существовало того согласія, единенія земли, какъ совокупности свободныхъ народныхъ общинъ, и власти, какъ охранителя порядка и внѣшней безопасности, о которыхъ такъ много говорили старые славянофилы. Въ московскомъ государствѣ населеніе также раздѣлялось на высшіе и низшіе слои крѣпостничествомъ и приказнымъ правленіемъ. Пирамидальное строеніе общества теперь обозначается рѣзче. Правовыя и имущественныя неравенства усиливаются различіемъ въ степени и типѣ культуры. Въ высшіе классы проникли чужеземные понятія, нравы, обычаи, новыя начала образованности и общественности, ничего не имѣющіе общаго съ народнымъ міросозерцаніемъ и укладомъ народной жизни. Населеніе городовъ быстро увеличивалось развитіемъ торгово-промышленныхъ и административныхъ центровъ. Основаніе столицы на окраинѣ, близъ моря, въ отвоеванной отъ шведовъ области, положило начало новому періоду въ русской исторіи

Государственный строй, приспособленный къ военнымъ дѣйствіямъ, постепенно реорганизуется. Процессъ раскрѣпощенія сословій тянулся полтора вѣка. Реформа Петра подверглась оцѣнкѣ прежде всего съ точки зрѣнія привилегированнаго класса. Эпоха преобразованій рисуется въ его воображеніи въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Представитель благороднаго дворянства (арх. кн. Воронцова) такъ смотритъ на дѣятельность Петра: «Петръ былъ геніаленъ, полонъ энер-

гіи, стремился къ улучшенію, но у него не хватало воспитанія сдерживать свои порывы. Полный насилія, деспотизма, онъ обращался со всѣми, какъ съ рабами. Считать Петра за творца Россіи было бы самымъ грубымъ заблужденіемъ; его твореніе не болѣе, какъ «мнимое». Знаменитая кн. Дашкова въ своихъ запискахъ говоритъ: «къ чему было посылать знатныхъ людей заграницу учиться ремесламъ и дѣлать изъ дворянъ какихъ-то садовниковъ, кузнецовъ, рудокоповъ? Если нуждались въ рабочихъ рукахъ, то каждый дворянинъ охотно послалъ-бы за себя трехъ-четырехъ человѣкъ своей дворни». Мало по малу дворяне освобождаются отъ обязательности государственной службы. Жалованная грамата 1785 г. завершила дворянскую эмансипацію. Писатели того времени указывали и на другіе недостатки реформы. Въ старомъ быту, въ упраздненныхъ порядкахъ, находили много положительныхъ сторонъ (Болтинъ); подражаніе западу осмѣивалось въ его крайностяхъ (Новиковъ); поврежденіе нравовъ въ Россіи приписывалось новому строю жизни. Но заслуги «великаго въ монархахъ и человѣкахъ» не отрицались. Кн. Щербатовъ, дѣлая примѣрное вычисленіе, «во сколько-бы лѣтъ при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ могла Россія сама собой, безъ самовластія Петра В., дойти до того состоянія, въ которомъ она нынѣ есть, въ разсужденіи просвѣщенія и славы»—приходитъ къ выводу, что только—въ 1892 году. Въ XIX вѣкѣ реформа обсуждается въ связи съ вопросомъ о значеніи государственнаго начала и послѣдствіяхъ западныхъ вліяній на русскую жизнь. Славянофилы доказываютъ, что преобразованія совершенно исказили характеръ нашихъ частныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеній. «Государство совершаетъ переворотъ.—говоритъ К. Аксаковъ,—разрываетъ союзъ съ землею и подчиняетъ ее себѣ, начинаетъ новый порядокъ вещей... Измѣняя землѣ русской, народу, государство измѣняетъ и народности». И. Кирѣевскій устанавливаетъ два типа цивилизаціи: «одна образованность есть внутреннее устроеніе духа силою извѣщающейся въ немъ истины, другая — формальное развитіе разума и внѣшнихъ познаній». Первая принадлежитъ русской національности, вторая—достояніе запада. До Петра государство не было признано всенормирующей силой: «государственной власти отведенъ свой опредѣленный кругъ дѣятельности, за предѣлами котораго начиналось господство земли, земство». Петербургскій періодъ—по представленіямъ славянофиловъ — представляетъ насильственное сочетаніе особыхъ культурныхъ типовъ, Россіи и Европы, двухъ разнородныхъ міровъ.

Исходной точкой сужденія о реформѣ долгое время служило

убѣжденіе въ возможности крутыхъ и внезапныхъ переворотовъ, не подготовленныхъ всѣмъ предыдущимъ ходомъ исторіи. Крупная фигура Преобразователя стояла въ центрѣ событій, привлекала къ себѣ всеобщее вниманіе. Въ идеологическихъ построеніяхъ славянофиловъ онъ пріобрѣтаетъ чисто-символическій смыслъ; въ глазахъ практическихъ дѣятелей—значеніе творящей воли, сознательно, преднамѣренно дѣйствующей, спасительно для однихъ, губительно для другихъ. Отсюда «взглядъ на Петра Великаго какъ на какого то чуть не Робеспьера... упреки въ томъ, что онъ былъ антихристъ, заклятый иностранецъ и нестерпимый тиранъ»; петровскій періодъ представляется какимъ-то переломомъ въ русской жизни, неожиданнымъ, безпричиннымъ, какъ будто упавшимъ съ неба.

Но реформа была только естественнымъ итогомъ предшествовавшаго развитія. За-долго до Петра началась борьба крѣпнущаго государства съ ветшающимъ народнымъ укладомъ. Личность постепенно эмансипируется отъ стихійно-общинныхъ установленій, власти земли и опеки родового союза; становится въ непосредственныя отношенія къ государству. Петръ былъ не вершителемъ, а только участникомъ перемѣнъ во внутренней жизни и международныхъ отношеніяхъ. Извѣстно, «сколь много было подготовлено отцомъ и братомъ его». Великій человѣкъ только лучше другихъ понялъ и удачно разрѣшилъ назрѣвшіе запросы времени. Дѣятельность его зависѣла отъ многихъ вліяній, случайностей и обстоятельствъ. Прежде чѣмъ онъ измѣнилъ среду, эта послѣдняя должна была произвести его. Съ другой стороны, произволъ одного лица, каковы-бы ни были его силы, не можетъ измѣнить теченіе народной жизни. Главная работа въ такъ называемыя «критическія эпохи» совершается на счетъ запаса скрытой энергіи, накопленной вѣковымъ трудомъ многихъ поколѣній. Страшнымъ напряженіемъ силъ страна вышла на новый путь національнаго развитія. Русскій народъ не могъ бы принять участія въ общей жизни европейскихъ народовъ, еслибы представлялъ собою безформенную массу, еслибы не организовался въ политическое цѣлое, въ государство. Россіи грозило превратиться въ колонію культурныхъ странъ; теперь же она пріобрѣла рѣшительное вліяніе въ политическомъ мірѣ; сближеніе съ западной Европой обезпечивало за нею результаты общечеловѣческаго развитія.

Сѣверною войною совершенъ міровой переворотъ: положенъ краеугольный камень политической самостоятельности и равноправности славянъ съ германскими и романскими народами. «Никогда ни одинъ народъ не совершилъ такого подвига, какой былъ совершенъ рус-

скимъ народомъ въ первую четверть XVIII вѣка. На историческую сцену явился народъ малоизвѣстный, бѣдный, слабый, не принимавшій участія въ общей европейской жизни; съ неимовѣрными усиліями, страшными пожертвованіями онъ далъ законность своимъ требованіямъ, явился народомъ могущественнымъ, но безъ завоевательныхъ стремленій, успокоившійся, какъ только пріобрѣтено было необходимое для его внутренней жизни. Человѣка, руководившаго народомъ въ этомъ подвигѣ, мы имѣемъ полное право назвать величайшимъ историческимъ дѣятелемъ, ибо никто не можетъ имѣть бо́льшаго значенія въ исторіи цивилизаціи». Такимъ образомъ руководящимъ принципомъ въ дѣятельности Преобразователя являлось не расширеніе предѣловъ отечества, не организація бюрократическаго строя, но сознаніе потребности въ условіяхъ, необходимыхъ для національнаго развитія на началахъ общечеловѣческой культуры и цивилизаціи. Идти въ настоящее время «по слѣдамъ Петра»—значитъ «дѣйствовать и разсуждать совсѣмъ не такъ, какъ дѣйствовалъ и разсуждалъ въ свое время Петръ. Именно потому, что онъ дѣйствовалъ и разсуждалъ въ свое время, а мы въ свое. Въ высшей степени мала вѣроятность, чтобы въ какой нибудь даже частной области комбинація народныхъ и государственныхъ силъ и потребностей настоящаго времени оказалась тождественною съ соотвѣтственною комбинаціей временъ петровскихъ. Упускать это изъ виду—значитъ, между прочимъ, унижать Петра, значитъ предполагать, что онъ всею своею дѣятельностью не пошатнулъ современную ему комбинацію общественныхъ силъ». Экономическая эволюція выдвинула на историческую сцену новыя задачи. Натуральное хозяйство уступило свое мѣсто мѣновому, денежному; на почвѣ промышленнаго и общественнаго раздѣленія труда возникли новые классовые интересы; но тѣмъ самымъ нисколько не умалилось значеніе государства, какъ культурнаго дѣятеля, какъ перераспредѣлительной машины, съ помощью своей финансовой системы реорганизующей народное хозяйство. Польза государства и благо народа, сближеніе русской жизни съ общe-европейской, какъ необходимое условіе національнаго развитія,—таковы намѣченные «эпохой преобразованія» историческіе пути и нравственныя задачи государственной дѣятельности.

КОНЕЦЪ.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, исторія, публицистика и законовѣдѣніе.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Съ портретомъ и біографіей. Полное собраніе въ 10 томахъ. 1) Давидъ Копперфильдъ. 2) Домби и сынъ. 3) Холодный домъ и Повѣсть о двухъ городахъ. 4) Крошка Доррить и Большія надежды. 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ. 6) Записки Пикквикскаго клуба и Тяжелыя времена. 7) Николай Никльби и Рождественскіе разсказы. 8) Мартинъ Чезльвитъ. Гимнъ Рожеству. Затравленъ. 9) Барнеби Реджъ, Тайна Эдвина Друда и Колокола. 10) Лавка древностей Записки путешественника не по торговымъ дѣламъ, Станція Мегби, Медфогскія записки, Рецепты доктора Меригольда и Безъ выхода. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 70 картин —2 р. 50 к. За переплеты: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (въ 5 пер.), 1 р. и 2 р.

Альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина". 44 иллюстраціи съ подписями, портр. Пушкина и снимкомъ его почерка. Ц. въ каленкоровомъ переплетѣ—1 р. 25 к.

Сочиненія Лермонтова (въ одномъ томѣ и въ 4 томахъ). Полное собраніе. Съ портретомъ, біографіей 115 рисунками. Ц. 1 р. Въ простомъ перепл.—1 р. 40 к., и въ двухъ переплетахъ 1 р. 50 к. въ каленкоровомъ съ золотомъ 2 р. 120 рисунковъ къ Лермонтову. Художественный альбомъ *М. К. Малышева.* Ц. въ папкѣ 50 к.

Сочиненія Виктора Гюго. Съ портретомъ автора и статьей *А. М. Скабичевскаго.* Сокращ. перев. *С. Брагинской.* Два большихъ тома. Ц. за 2 тома 2 р. 50 к.

Сочиненія Эркмана-Шатріана. Въ двухъ большихъ томахъ (1800 страницъ). Цѣна 3 р.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. 11 томовъ. Цѣна каждаго—1 р. Перепл. для 2 томовъ по 75 к.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 4 изд., въ 2 том. Съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго.* Ц. за два тома—3 р.

Сочиненія Гл. Успенскаго. Томъ 3-й. Цѣна 1 р. 50 к.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ двухъ томахъ, съ портр. автора и статьей *М. Протопопова.* Ц. 2 р. 50 к.

Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. Съ портретомъ и факсимиле автора, статьей *Н. К. Михайловскаго* и гравюрой съ картины художника *Наумова* „Бѣлинскій передъ смертью". Въ 4-хъ большихъ томахъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.

Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6 томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей *Е. А. Соловьева.* Цѣна каждаго тома 1 р.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литерат. характеристики. Съ портретомъ автора. 2-е изд. Цѣна за все собраніе въ двухъ большихъ томах (до 1700 стр.) 3 р.

Этика. Ученіе о нравственности. *Д. Макен* Ц. 1 р.

Капитанская дочка. *А. Пушкина.* Съ 188 рису Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Бе ллами.* Съ приложеніемъ очерка Ряше „Ку мы идемъ?" 3-е изд. Ц. 1 р.

Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Ро сіи и заграницей. *В. Д. Смирнова.* Ц. 1 р.

Прогрессивная нравственность. Проф. *Фаулер* Переводъ съ англійскаго, подъ ред. *Владим ра Соловьева.* Ц. 40 к.

Духовныя завѣщанія. Какъ ихъ составлять, изм нять, отмѣнять, представлять къ утвержден и оспаривать. Сост. *Я. В. Абрамовъ* (№ 1 „П пулярно-юридической библіотеки"). Ц. 25

Наслѣдство и раздѣлъ. *Я. Абрамова.* (№ 2 „П пулярно-юридической библіотеки"). Ц. 25 к.

Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. *Я. Абрамова.* (№ 3 „Популярно-юридической би ліотеки"). Ц. 25 к.

Аренда и наемъ имуществъ. *Я. В. Абрамова.* (№ 4 „Популярно-юридич. библіотеки"). Ц. 25 коп.

Заемъ, закладъ и залогъ. *Я. В. Абрамов* № 5 „Популярно-Юридич. библіотеки. Ц. 25

Происхожденіе и развитіе семьи и собственности. *М. Ковалевскаго.* 2-е изд. Ц. 60 к.

Въ трущобахъ Англіи (Планъ соціал. борьбы экономязвами современ.общества). *Бутса.* Ц.

Голодъ. Романъ. *А. Гамсуна.* Ц. 60 к.

Забота. Романъ. *Зудермана.* Ц. 60 к.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытны людей. *Рони.* Съ 16 рисунками. Ц. 50 к.

Конецъ міра. Астрономич. романъ *Фламмаріон* Съ 80 рис. Переводъ съ франц. *Е. Предтеч ского.* Ц. 60 к.

Въ небесахъ. (Uranie). Астрономическій роман *К. Фламмаріона.* Съ 89 рис. 3-е изд. Ц. 75

При свѣтѣ звѣздъ. Попул.-научные очерк *Фламмаріона.* Ц. 1 р.

По волнамъ безконечности. Астрономическа фантазія *К. Фламмаріона.* 2-е изд. Ц. 80 к.

Новѣйшіе русскіе писатели. Книга для домаш няго чтенія. *А. Цейткова.* Съ 72 портр. Ц. 3 р въ пер. 3 р. 75 к.

Соціологическія основы исторіи. *Лакомба.* Пере съ франц., подъ редакц. *Р. Сементковскаг* Ц. 1 р. 50 к.

Литература XIX вѣка въ ея главнѣйшихъ течен яхъ. *Г. Брандеса.* Франц. литер.: Литерату эмигрантовъ. Реакція во Франціи. Романтическая школа. Перевела *Э. Зауэръ.* Съ 13 портр и вступит. статьей *Е. Соловьева.* Ц. 2 р.

Литературное развитіе различныхъ племенъ народовъ. *Ш. Летурно.* Пер. *В. Святловскаго* Ц. 1 р. 50 к.

Психическіе факторы цивилизаціи. *Уорда.* Пер съ англійск. *Л. Давыдова.* 324 *Л.* Ц. 80 к

Итоги XIX вѣка. *Д. Нордена.* Переводъ съ нѣ мецкаго. *Э. Зауэръ.* Ц. 40 к.

Маколей.

Полное собраніе сочиненій. 16 том
Изд. Н. Тиблена. С. Пбургъ. 1860. Цѣна
полн. изд. въ переплетѣ 25р.

2007051307